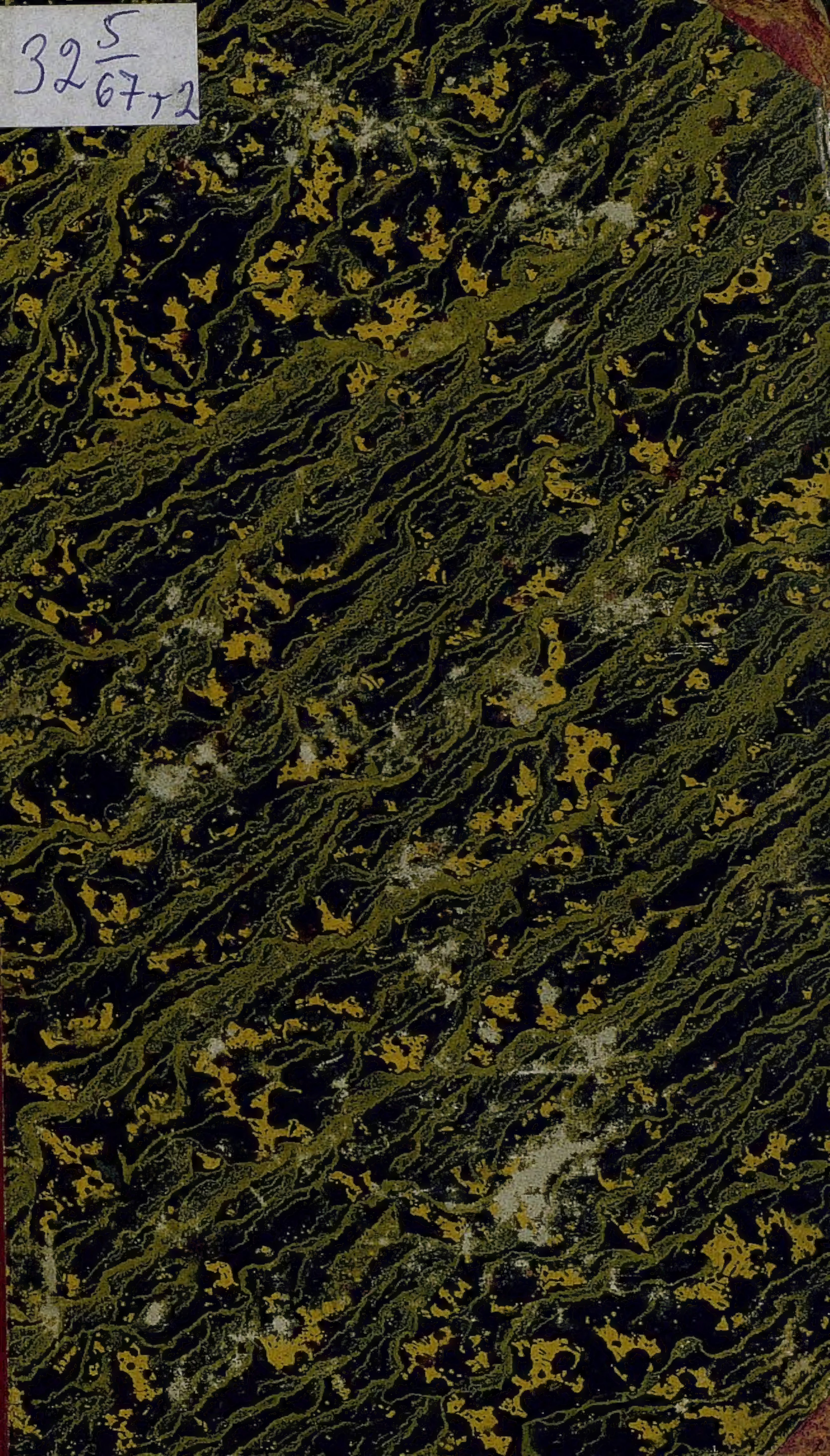


32 5/67+2

ПОХОДНЫЯ ЗАПИСКИ

АРТИЛЛЕРИСТА,

съ 1812 по 1816 годъ.

АРТИЛЛЕРІИ ПОДПОЛКОВНИКА

И.... Р.........

МОСКВА,

въ типографіи Лазаревыхъ
Института Восточныхъ языковъ.
1835.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатанiи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Марта 22 дня, 1835 года.

Цензоръ М. Каченовскiй.

ПОХОДНЫЯ ЗАПИСКИ

АРТИЛЛЕРИСТА.

ЧАСТЬ II.

1813-Й ГОДЪ.

ВОЙНА ВЪ ГЕРМАНИИ.

Tout homme doit au public le tribut de son activité, et devrait s'efforcer de laisser quelque trace honorable de son existence.

WEISS.

ГЛАВА I.

ОТЪ ГРАНИЦЪ РОССІИ ДО ОДЕРА.

Вступленіе. — Переходъ арміи за границу. — Приближеніе къ р. Вислѣ. — Варшава. — Кр. Модлинъ. — Встрѣча съ Австрійцами. — Переходъ черезъ р. Варту. — Добрый подагрикъ. — Нѣмецкая услужливость. — Польское гостепріимство.

Сокрушительница врага въ собственныхъ предѣлахъ, Россія, почти безъ отдохновенія, послѣ кровопролитныхъ битвъ, идетъ освобождать Германію отъ ига завоевателя; она простираетъ дружественныя длани къ угнетенной узницѣ, предлагаетъ ей свою безкорыстную помощь для сокрушенія тяжкихъ оковъ неволи, свой вѣрный союзъ, и, вызывая упадшій духъ потомковъ древнихъ Нордманновъ и Тевтоновъ, оживляетъ въ нихъ надежду на пріобрѣтеніе потерянной свободы. Германія, удивленная событіемъ настоящаго, и призываемая Россіею, которую чаяла видѣть, подобно себѣ, порабощенною отъ неравной борьбы съ сильнѣйшимъ врагомъ, Германія смотритъ на ея страшное къ себѣ приближеніе: ви-

дитъ язвы глубокія близъ сердца ея, власы, омоченные кровію, но чело грозное, въ рукахъ оружіе мстительное, съ которымъ идетъ разрушать она завоеванія врага своего; видитъ примѣръ ея патріотической жертвы въ сожженіи древней столицы, усиліе Царя, рвеніе народа, и—стыдится своего усыпленія. Но врагъ для Россіи еще существуетъ; силы его едва-ли въ половину сокрушены; еще онъ ужасенъ для побѣжденной Германіи. Усилія одной Россіи едва-ли достаточны оказать существенную помощь узницѣ. Духъ національной свободы медленно пробуждается отъ закоснѣлаго рабства. Начало сдѣлано: Пруссія первая заключила пламенный союзъ дружбы съ Россіею — честь Прусскому Монарху и его народу. Этотъ примѣръ возбудилъ соревнованіе въ прочихъ племенахъ Германскихъ. Только Австрія оставалась долго въ нерѣшимости. Она колебалась въ своихъ политическихъ видахъ; съ одной стороны связи родства съ завоевателемъ и недовѣрчивость къ искренности Россіи, съ другой стороны униженная гордость быть въ зависимости отъ того, кто уже потерпѣлъ сильное пораженіе и приближается къ своему паденію, но еще великъ въ средствахъ, затрудняли ея выборъ. Должно было не дать придти въ зрѣлость новымъ усиліямъ

Наполеона, не дать ему времени утвердиться на раменахъ покоренныхъ союзниковъ, и потому Россія поспѣшила вступить въ Германію. Одно мужественное ея присутствіе тамъ, гдѣ могущество врага ничтожно передъ нею, могло оживить духъ возраждающейся независимости въ народахъ: краснорѣчіе дипломатовъ безъ силы оружія не бываетъ дѣйствительно. Германія, жаждущая свободы, но еще стенающая подъ вліяніемъ власти Наполеоновой, моглабы еще съ новымъ смиреніемъ пожертвовать для него собою; но Русскія войски двинулись, и всѣ замыслы врага остались ничтожными: онъ ускорялъ только средства для собственной гибели.

Съ новымъ 1813-мъ годомъ главная Россійская армія, подъ предводительствомъ Фельдмаршала Князя Кутузова-Смоленскаго, перешла свои границы въ разныхъ мѣстахъ. Государь Императоръ съ Фельдмаршаломъ и войсками, стоявшими около Вильны, перешли р. Нѣманъ при м: Меричѣ, въ первый день новаго года, и дали направленіе главнымъ силамъ въ Западную Пруссію; съ ними считалось около 46,000 войска. Въ Западной арміи Генерала Чичагова, стоявшей въ Маріенбургѣ, находилось 16,000; она присоединилась къ правому флангу главной арміи, имѣвшей свою квар-

ширу въ Іоганнисбургѣ. Правѣе Чичагова, до устья Вислы, простирался 40,000-й Корпусъ Витгенштейна, котораго главная квартира была въ Эльбингѣ.

До выступленія за границу, Корпусъ Генерала Милорадовича состоялъ изъ полковъ 8-й и 11 дивизій, съ принадлежащею къ нимъ артиллеріею, и сводныхъ батальоновъ. Въ авангардѣ его было 6 полковъ казачьихъ съ Башкирцами, 1 полкъ уланскій, 2 гусарскихъ, и 6 драгунскихъ, подъ начальствомъ Генер. Корфа. Всего въ этомъ Корпусѣ считалось около 11,600; корпусная квартира находилась въ Гродно.

Съ квартиръ мы выступили въ первый день новаго года и слѣдовали по Бѣлостокской области въ Ганёнзы.

Въ этой Области жители были столько-же бѣдны какъ и въ Литвѣ, хотя избы у нихъ съ трубными печами и съ каминами.

Въ Ганёнзахъ мы стояли три дни. Здѣсь получили укомплектованіе людьми и лошадьми.

За нами слѣдовалъ Корпусъ Генер. Дохтурова, имѣвшій около 8,000. Лѣвѣе насъ находился Корпусъ Барона Остенъ-Сакена, съ 6,000 человѣкъ.

7-го Января вышли мы изъ Ганёнзы и, перейдя р. Бобръ, вступили въ Герцогство

Варшавское. Офицеру быть въ первый разъ за границами своего отечества, столько-же лестно, какъ кадету получить прапорщичій чинъ. Все заграничное обращало на себя мое вниманіе; какое-то пріятное чувство льстило самолюбію. Вотъ и мы за границею, думалъ я; теперь старые товарищи не будутъ хвастать, что только они одни и видѣли свѣтъ, иную землю, иныхъ людей. Каждый ничтожный предметъ занималъ меня. Уже я сталъ усматривать различіе въ настоящемъ отъ прошедшаго; все мнѣ представлялось лучшимъ. Не смотря на то, что жители Герцогства Варшавскаго были раззорены непомѣрными требованіями Французовъ, они казались въ лучшемъ состояній противъ Липовцевъ: избы ихъ чище и по хозяйству они зажиточнѣе. Въ селеніяхъ, около каменныхъ костеловъ, полубритые, подобно Малороссіянамъ, Польскіе мужики являлись въ синихъ кафтанахъ: народъ крупный и здоровый. На квартирахъ они принимали насъ съ глупою боязнію, но видя кротость мнимыхъ непріятелей своихъ, услуживали намъ охотно изъ послѣдняго, что имѣли. Вездѣ находили мы достаточное продовольствіе, за которое съ насъ не требовали никакой платы.

Такимъ образомъ, при благопріятной по-

годѣ, подошли мы къ р. Вислѣ, оставивъ отъ себя большую дорогу изъ Бѣлостока въ Варшаву.

15-го Января вступили мы въ Праашницы. Войски прошли чрезъ мѣстечко церемоніяльнымъ маршемъ мимо корпуснаго командира Генер. Милорадовича.

Цѣлію нашего движенія было занятіе Варшавы, защищаемой 35,000-мъ Корпусомъ Австрійцевъ, подъ командою Князя Шварценберга, и 8,000-мъ Корпусомъ Поляковъ. Австрійцы занимали еще правую сторону Вислы, но съ приближеніемъ Рускихъ уступали имъ, со всею вѣжливостію враговъ, готовыхъ помириться; въ авангардѣ Австрійскіе офицеры встрѣчались съ нашими дружелюбно, и оставляли намъ свои магазины въ цѣлости.

19-го Января вступили мы въ гор. Сухоцинъ. Мнѣ съ товарищами показали квартиру у Ксёнза, который, волею или неволею, угощалъ насъ чѣмъ могъ, и весьма негодовалъ на Наполеона, причинившаго ему такое безпокойство. Здѣсь на нѣсколько дней насъ остановили. По вечерамъ, у Бригаднаго Командира нашего Полковника Малеева собирались музыканты; причемъ я имѣлъ удовольствіе слышать одного Польскаго виртуоза на віолончели. Будучи всѣмъ довольны въ продолженіе похода, и не встрѣ-

чая нигдѣ непріятелей, мы проводили время въ своемъ обществѣ весело.

Въ городѣ Плонскѣ находилась корпусная квартира Генер. Милорадовича. Къ нему пріѣзжали Варшавскіе депутаты, въ присутствіи которыхъ наши войски парадировали. Князь Шварценбергъ, имѣя 45,000, могъ-бы защищать Варшаву и всю линію крѣпостей по Вислѣ до нѣкотораго времени, но онъ, какъ видно, не намѣренъ былъ жертвовать силами Австрійцевъ для поддержанія упадающаго величія Наполеонова, ненавистнаго для его націи. Шварценбергъ вступилъ въ переговоры съ Генер. Милорадовичемъ объ отступленіи своемъ изъ древней столицы Польши; для этого было заключено перемиріе между Рускими и Австрійцами. Въ продолженіе переговоровъ, Французскіе чиновники, члены Конфедераціи, Министры, и всѣ патріоты, правители Герцогства, удалились въ м. Ченстохово, на границу Силезіи, предавши участь своего отечества дѣйствію обстоятельствъ. По силѣ договора, Князь Шварценбергъ съ Австрійцами отошелъ въ Галицію, Поляки съ Княземъ Понятовскимъ отдалились въ Петрикау, а Генералъ Ренье съ Саксонцами пошелъ къ Калишу. Послѣ этого, 16-го Января авангардъ нашъ вступилъ въ опустѣвшую столицу Герцогства Варшавскаго.

Въ крѣпости Модлинѣ оставался еще упрямый гарнизонъ. Генералъ-Лейтенанту Маркову поручено было обложить крѣпость. 24-го Января мы переправились черезъ Вислу, при д. Смошевѣ. За Вислою представлялось болѣе отличія близъ окрестностей столицы, нѣкогда процвѣтавшаго Королевства: селенія были чаще и благовиднѣе, жители состоятельнѣе, и нарѣчіе языка правильнѣе. Берега Вислы покрыты были хорошимъ дубовымъ лѣсомъ; еще не было весны, но мѣстоположеніе являло прелестные виды.

Мы подходили къ предмѣстію города, *Воля* называемому, гдѣ нѣкогда бывали шумные сеймы для избранія Королей Польскихъ; потомъ направили путь къ Модлину, и, сдѣлавши переходъ болѣе 40 верстъ, въ полночь стали передъ крѣпостью, на лѣвомъ берегу Вислы, гдѣ, въ первый разъ отъ своихъ границъ, вступили опять на сырые биваки.

Кр. Модлинъ построена въ 1811-мъ году, на правомъ берегу Вислы, при устьѣ р. Бобра; въ ней оставалось гарнизона около 5,000 Поляковъ, Саксонцевъ и Французовъ, подъ командою калѣки Коменданта, Генерала Денделя. Крѣпость была снабжена достаточно съѣстными и военными припасами; земляной валъ, хотя не могъ-бы вы-

держать правильной осады, однако упорное сопротивленіе осажденныхъ могло быть продолжительно. Не смотря на то, что мы крѣпость обложили со всѣхъ сторонъ и пресѣкли ея внѣшнее сообщеніе, отчаянный Комендантъ всякое приближеніе нашихъ войскъ встрѣчалъ ядрами.

За ночь на 26-е Января выпалъ большой снѣгъ: такъ, съ началіемъ военныхъ дѣйствій, Польская зима мстила намъ за жестокость Русской. Висла еще оставалась подъ ледяною корою.

Пользуясь дневкою, я вздумалъ прогуляться, поѣздить верхомъ по берегу, и осмотрѣть крѣпость, лежащую по ту сторону рѣки. Биваки наши были скрыты за лѣскомъ, и въ ожиданіи формальной осады, войски отдыхали. Въ товарищи для рекогносцировки пригласилъ я Поручика Бодиско. Накинувъ на себя шинели, мы безъ всякаго вооруженія поѣхали по берегу къ крѣпости, черезъ лѣсокъ, вовсе не ожидая встрѣтиться съ непріятелями. Каково-жъ было наше изумленіе, когда, выѣхавъ изъ лѣса, вдругъ очутились мы на ружейный выстрѣлъ отъ укрѣпленія, или тетъ-де-пона, по сю сторону рѣки! Передъ воротами укрѣпленія стояли двѣ большія фуры съ сѣномъ, и при нихъ непріятельскіе фуражиры; на валу ходили часовые. Увидѣвши насъ, они оста-

новились и разсматривали. Но какъ мы были безъ оружія и ѣхали шагомъ, то могли привести ихъ въ сомнѣніе, такъ что они не знали, принять-ли насъ за своихъ, или за непріятелей. Товарищъ мой хотѣлъ повернуть лошадь назадъ, чтобъ ускакать, но я остановилъ его, и совѣтовалъ лучше продолжать путь ближе къ укрѣпленію, чтобы оставить непріятелей въ сомнѣніи; иначе пріударятъ въ насъ изъ ружей, и мы, встревоживъ своихъ, будемъ виноваты. Такимъ образомъ, не перемѣняя вида, мы продолжали ѣхать къ укрѣпленію, мимо фуражировъ, которые, не почитая насъ для себя опасными, пошли своимъ путемъ перевозить фуражъ по льду въ крѣпость; часовые все на насъ смотрѣли, однако оставались въ нерѣшимости. Намъ надобно было только проѣхать мимо куртины и фаса бастіоннаго, на которомъ стояли пушки; будучи на полуружейный выстрѣлъ отъ вала, мы не безъ причины опасались, чтобы какой-либо изъ стрѣлковъ не вздумалъ въ насъ прицѣлиться и испытать свою мѣткость. Но только мы выѣхали за уголъ бастіона, какъ вдругъ ударили по лошадямъ, пустились во всю прыть, и тогда только себя обнаружили. Проскакавши сажень сто, мы опять попались было на бѣду къ своимъ:

Казакамъ. Они, видя насъ скачущихъ отъ крѣпости, приняли было за непріятелей, и, опустивъ пики, стали лавировать для встрѣчи; но мы, махая шапками, давали имъ разумѣть, что для нихъ ни мало не опасны; когда-же подъѣхали, то одинъ бородачъ сказалъ: «Какая нелегкая сила занесла васъ туда! вѣдь вы-бы могли пропасть ни за денежку. То-то молодость!» — «Своя охота, дядюшка, пуще неволи,» отвѣчалъ я, и мы возвратились въ биваки, какъ ни въ чемъ не бывалые.

Въ полдень войскамъ приказано сняться съ лагеря, и идти къ Варшавѣ. Это много насъ обрадовало, потому что мы опасались засидѣться подъ Модлиномъ въ блокадѣ. Вся пѣхота, построившись въ дивизіонныя колонны, съ барабаннымъ боемъ и музыкою пошла по льду, мимо крѣпости; артиллерію пустили по берегу. Храбрый колченогій Комендантъ не позволилъ мимо себя парадировать Рускимъ столь отважно; онъ изъ крѣпости пустилъ въ нашихъ музыкантовъ нѣсколько ядеръ, которыя однако силою гармоніи были отведены въ сторону, не сдѣлавъ никакого диссонанса. Перебѣжавшіе изъ крѣпости говорили, что Комендантъ очень сердитъ на Рускихъ, и, прыгая на одной ногѣ (другая была отстрѣлена), упивается отваж-

ностію до изнеможенія. Блокировать эту крѣпость осталось нѣсколько полковъ 2-го Корпуса.

27-го Января ночевали мы въ 15 верстахъ отъ Варшавы, въ небольшомъ селеніи. Генералъ Милорадовичъ уже занялъ городъ, и Генералъ Дохтуровъ съ Корпусомъ оставленъ былъ въ немъ Военнымъ Губернаторомъ. Городскіе старшины встрѣтили побѣдителей съ хлѣбомъ и солью, и представили ключи на бархатной подушкѣ. Войски наши входили парадно, при великомъ стеченіи народа. На квартирахъ приготовлены были для нихъ лакомые обѣды, однако на этотъ разъ гостепріимству доброхотовъ не довѣряли: приказано было солдатамъ кушать свою Спартанскую кашицу съ дебелыми сухарями, а Польскія отравы оставить неприкосновенными. Одна знатная Варшавская Армида, говорили, приготовила въ очаровательномъ саду своемъ, въ загородномъ домѣ, великолѣпный столъ, разукрашенный цвѣтными гирляндами, гдѣ прелестныя нимфы ея были прислужницами — для угощенія Генераловъ и штабъ-офицеровъ, побѣдителей Наполеона; однако эта привѣтливость казалась также подозрительною, и Рускіе не ввѣрялись сладкой отравѣ лукавыхъ патріотокъ Польскихъ.

На другой день перешли мы въ Градискъ, по направленію къ Калишу, за Генераломъ Ренье, который съ войсками тамъ расположился. Чѣмъ далѣе отходили отъ Варшавы, тѣмъ явственнѣе обнаруживалось благосостояніе жителей, не смотря на то, что они много пожертвовали Французамъ.

За м. Стрембово сошлись мы съ Австрійцами. Намъ надобно было проходить чрезъ одну деревню, которой они еще не занимали. Разохотившись идти впередъ, мы поднялись съ ночлега слишкомъ рано, а потому принуждены были дожидаться, покуда дружественные непріятели наши кончили свой завтракъ и уступили намъ мѣсто. Небольшой ручей передъ деревнею раздѣлялъ враждующія силы. На крутой берегъ нашей стороны столпились Чугуевскіе уланы, егери, и артиллерія, составлявшіе авангардъ, подъ начальствомъ Генерала Мелиссино. На противоположномъ берегу, за мостикомъ, стояла корчма, и при ней пикетъ Австрійскихъ кирасировъ, въ шишакахъ безъ плюмажа. Мы-бы могли начать военныя дѣйствія, если-бы не сдѣлано было перемирія; но чтобы поторопить Нѣмецкую медлительность, съ нашей стороны послали парламентера; на встрѣчу ему выѣхалъ Австрійскій офицеръ. Они

вступили въ пріятельскій разговоръ, послѣ котораго поѣхали въ деревню къ начальнику войскъ; чрезъ полчаса Австрійцы уступили намъ свои квартиры.

Такимъ образомъ проходили мы Герцогство Варшавское безъ боя и не встрѣчая непріятеля. Прошли чрезъ мѣстечки Скерневицы и Парженчово, изъ которыхъ первое довольно значительно; оно принадлежало одному Французскому Маршалу и приносило ему, съ окрестными дачами, около 50,000 франковъ годоваго дохода. Наполеонъ награждалъ своихъ Генераловъ щедро арендами изъ завоеванныхъ земель; отъ того-то, будучи обязаны ему своимъ достояніемъ, они столь ревностно служили для его пользы.

За Варшавою часто встрѣчались намъ мѣстечки и города съ хорошими строеніями. Для ночлеговъ мы останавливались на мызахъ, гдѣ насъ принимали съ боязнію и невольнымъ доброхотствомъ; но мы вездѣ обходились дружелюбно. Послѣ большихъ трудовъ прошедшей кампаніи въ Россіи, и скуднаго продовольствія въ разоренной Польшѣ по ту сторону Вислы, мы входили въ благословенныя страны трудолюбія и образованности, гостили въ покойныхъ квартирахъ, и начали отвыкать отъ своей походной кашицы съ су-

харями. Впрочемъ, на мызахъ рѣдко гдѣ оставались хозяева; насъ встрѣчали большею частію управители, которыхъ благоразумію ввѣрено было отъ господъ охраненіе оставшагося. Начальство наше строго предписывало, чтобы войски обходились съ жителями миролюбиво, и ничего не требовали излишняго; за прихоти-же всякому предоставлялось платить наличными, у кого были. Къ чести Русскихъ солдатъ, они не прихотливы: теплая квартира и сытный обѣдъ для нихъ были нѣкоторою наградою за труды и нужды, перенесенные въ своемъ отечествѣ. Кто болѣе разумѣлъ и чувствовалъ, тотъ вмѣсто мщенія оказывалъ болѣе снисхожденія къ покоряющимся. Поляки были, съ своей стороны, признательны за наше снисхожденіе и прославляли подвигъ истребленія Наполеоновой арміи, увѣряя притомъ, что мы отнынѣ безпрепятственно дойдемъ до Парижа, ибо Французы боятся духа Рускихъ.

3-го Февраля, при м. Уніево, перешли мы р. Варту; берега ея низки и покрыты лѣсомъ. Зима уже начинала распускаться, и мы, подходя къ мосту, были по поясъ въ водѣ. На берегу, среди лѣса, встрѣтились намъ развалины древняго замка, гдѣ нѣкогда скрывалась прекрасная Лодоиска.

На другой день остановились близъ м. Домбра, въ деревнѣ одного помѣщика, называвшагося Смоленскимъ. Самъ хозяинъ былъ вдовъ и страдалъ подагрою; единственное утѣшеніе его составляли двѣ миленькія дочери, отъ осьми до девяти лѣтъ. Онѣ были незастѣнчивы, и съ перваго свиданія познакомились съ нами, забавляя насъ своею дѣтскою откровенностію. Старшая особенно была остра и любезна; она, какъ искусный хиромантикъ, смотрѣла намъ въ ладони, и по чертамъ ихъ предсказывала, кому долго жить и кому скоро умереть. Ладонь моей руки она долго разсматривала, и наконецъ сказала: « *О! Панъ бендзешь длуго жиць!* Слова малютки-пророчицы врѣзались въ мою память, и если я подлинно буду долго жить, то ея невинное изрѣченіе останется для меня священнымъ пророчествомъ. Самого хозяина мы рѣдко видали; онъ едва могъ выходить за столъ. Между разными извѣстіями объ остаткахъ разбитой Наполеоновой арміи, разсказывалъ онъ намъ, въ какомъ жалостномъ и бѣдственномъ состояніи спѣшили удалиться въ свое отечество полумерзлые, обгорѣлые, оборванные, проголодавшіеся воины Наполеона! Съ какимъ смиреніемъ входили они въ домы, и, приткнувшись около теплой печи, умаливали хозяина дать

имъ кусокъ хлѣба! Опасно было оставлять ихъ въ домѣ; они несли съ собою заразу смертоносныхъ болѣзней. Нѣкоторые, менѣе претерпѣвшіе бѣдствій, и сохранившіе воинственный видъ, не щадили оставляемаго ими края, забирали послѣднее что̀ имъ попадалось, даже, не уважая гостепріимства, уносили со стола серебряныя ложки и другія вещи, если хозяинъ имѣлъ неосторожность выставлять ихъ. Такъ одни и тѣ-же люди измѣняются по обстоятельствамъ: жестокія бѣдствія физически и нравственно обезображиваютъ существо человѣка.

Погостивъ два дни у добраго подагрика и простившись съ его любезными дочками, 6-го Февраля пришли мы въ одно селеніе, не доходя десяти верстъ до Калиша. Здѣсь услышали о славной побѣдѣ, одержанной Генераломъ Винценгероде, разбившемъ 10,000-й Корпусъ Французовъ подъ начальствомъ Генерала Ренье. Въ началѣ Февраля правый берегъ Одера былъ уже очищенъ отъ непріятелей, и Старая Пруссія освобождена отъ ига Французовъ.

На другой день пришли въ гор. Плещевъ, гдѣ и пробыли три дни. Городокъ небольшой; въ немъ довольно каменныхъ строеній и онъ чище прочихъ, пройденныхъ нами, потому что между жителями находилось

болѣе Пруссаковъ, нежели Поляковъ и Жидовъ; послѣднихъ въ Прусскихъ владѣніяхъ мы рѣдко встрѣчали: они наиболѣе гнѣздятся въ Литвѣ, Бѣлоруссіи и Польшѣ.

Въ Плещевѣ мнѣ съ товарищемъ досталась квартира у Нѣмца табачника и фабриканта выбоекъ. Онъ отвелъ намъ свою мастерскую залу, наполненную по всѣмъ стѣнамъ и угламъ разною утварью. Нѣмецъ старался сколько можно лучше приспособить помѣщеніе для нашихъ кроватей, и въ суетахъ ворчалъ про себя: Verdammter Napoleon! was hat er gemacht! (Проклятый Наполеонъ! что онъ надѣлалъ!). Вскорѣ потомъ акуратный Нѣмецъ представилъ намъ свою дородную супругу и двухъ малютокъ, рекомендуя ихъ весьма чинно; толстая Нѣмка, въ ушастомъ чепцѣ, въ бѣломъ фартукѣ, сдѣлала передъ нами книксенъ, и, повернувшись кругомъ, стала приготовлять столъ для обѣда. Фабрикантъ выбоекъ не могъ быть зажиточнымъ, однако на столѣ у него явились чистая скатерть и салфетки, фаянсовая посуда и блестящія жестяныя ложки. Дѣти носили кушанье. Первый явился намъ Нѣмецкій вассеръ-супъ или водяная похлебка, заправленная масломъ, въ которую пущено было нѣсколько кусочковъ бѣлаго

хлѣба; потомъ жареная баранина съ картофелемъ, и вареный черносливъ. Это было обыкновенное кушанье, которымъ насъ кормили во всей Пруссіи, съ тою только отмѣною, что у иныхъ хозяевъ вмѣсто чернослива подавали иногда яичницу, или блины. Но какъ для насъ, Рускихъ, привыкшихъ къ фундаментальной пищѣ, нѣмецкіе супы и госпитальныя порціи баранины и чернослива были не ощутительными въ желудкѣ, то мы не рѣдко, въ дополненіе такихъ обѣдовъ, требовали отъ удивленныхъ хозяевъ молока, масла, сыру, и своимъ аппетитомъ разстроивали ихъ чуланную экономію. Вмѣсто музыки за обѣдомъ, хозяинъ, перемѣняя тарелки, разсказывалъ намъ анекдоты о Французахъ, бѣжавшихъ изъ Россіи: иной, по его словамъ, былъ безъ носа, другой безъ ушей, третій безъ пальцевъ; всѣ они походили болѣе на нищихъ, а не на тѣхъ гордыхъ завоевателей свѣта, какими казались идучи въ Россію. Нѣмецъ удивлялся, какъ мы, Рускіе, можемъ жить среди столь жестокой зимы своего отечества, а еще болѣе удивлялся, какъ могли мы сберечь отъ мороза свои носы и уши! Чтобы совершенно угостить насъ, доброхотный Нѣмецъ сбѣгалъ въ лавочку, и принесъ стараго, кислаго, какъ уксусъ, рейнвейна. Мы

прихлебнули за его здоровье, и, доливъ рюмку, подчивали его самого. Экономный Нѣмецъ отговаривался, но видя нашу настойчивость, взялъ рюмку и позвалъ жену; потомъ за здоровье наше отхлебнулъ половину, а другую далъ женѣ; она, обтерши руки фартукомъ и сдѣлавъ книксенъ, выпила размѣрно еще половинку, а остальное раздѣлила дѣтямъ. Такимъ образомъ они четверо выпили одну рюмку вина.

Это Нѣмецкое оригинальное угощеніе насъ не мало забавляло. Впрочемъ мы довольны были и тѣмъ; заграничное содержаніе намъ почти ничего не стоило. Правительства между собою разсчитывались, а мы гостили у Нѣмцевъ на квартирахъ по билетамъ изъ ратгаузовъ.

По утрамъ хозяйка приносила намъ ячменный кофе со сливками, и сахару кусочковъ шесть, величиною съ горошину; но у насъ былъ свой запасъ сахару, а чай мы брали иногда изъ аптеки. Во всей Германіи рѣдко гдѣ подчивали насъ чаемъ; вездѣ его почитаютъ тамъ за лекарственную траву, и держатъ въ аптекахъ, откуда отпускаютъ желающимъ лотами и золотниками.

Водка здѣсь большею частію картофельная и такъ слаба, что Рускому, привыкшему пить передъ обѣдомъ по рюмкѣ,

надобно выпивать по стакану. Нѣмцы ужасались, когда видѣли, что наши солдаты могли, безъ вреда, выпивать ихъ водки сразу по квартѣ и болѣе.

По Высочайшей милости Государя Императора всѣ офицеры получили здѣсь не въ зачетъ полугодовое жалованье. Ассигнаціи мы тотчасъ размѣняли на Прусскіе талеры. Деньги тутъ намъ весьма кстати пригодились: вступая въ предѣлы Германіи, страны преисполненной предметами, вовсе для насъ новыми, страны населенной людьми, болѣе насъ образованными, мы хотѣли все видѣть, всѣмъ насладиться; кажется, многіе изъ нашихъ мѣлкопомѣстныхъ дворянъ не живутъ такъ изобильно, опрятно, экономно и съ такою доброю нравственностію, какъ большая часть Нѣмецкихъ поселянъ.

11-го Февраля пришли мы въ с. Вискитки, и остановились для ночлега въ бѣдной мызѣ помѣщицы, шестидесятилѣтней паненки, которая была весьма не рада гостямъ своимъ.

Теперь вступили мы въ Познанскій округъ, населенный Пруссаками; деревни ихъ выстроены правильно, съ прямыми улицами, и жилища красивы, какъ карточные домики.

На другой день ввечеру пришли въ с.

Мхи, принадлежащее Пану Подстольному Беньковскому. Званіе Подстольнаго принадлежало къ придворному штату Королей, гдѣ находились также Паны Подчашіе, Виночерпіи, Сокольничьи, Паны Конюшіе, Подстременные и проч. Въ Россіи, при Царяхъ до Петра I-го, придворный штатъ состоялъ изъ подобныхъ-же званій.

Послѣ большаго перехода въ дождливую погоду, по грязной дорогѣ, намъ пріятно было вступить для отдыха въ великолѣпную мызу Пана Подстольнаго. Я (*), командующій ротою, два моихъ товарища Барона, и третій офицеръ изъ фельдфебелей, обмокшіе отъ дождя и закиданные грязью, совѣстились входить въ богатоубранныя комнаты, и остались въ нижнемъ этажѣ, въ простыхъ покояхъ.

Тутъ въ первый разъ стали мы квартировать, истинно по-барски. Въ первый вечеръ, покуда переодѣвались, ливрейный слуга принесъ намъ чай въ Саксонскомъ фарфорѣ, съ густыми сливками и съ бисквитами: послѣ упомянутельнаго, дождливаго перехода мы приняли этотъ даръ слаще небесной манны. Вскорѣ доложили намъ, что на верху хозяинъ съ хозяйкою ожи-

---

(*) За отсутствіемъ Подполковника Тимоѳеева.

дающъ насъ къ сшолу. Мы вошли въ залу, освѣщенную блескомъ аргантскихъ лампъ и свѣчей въ канделабрахъ; насъ встрѣшилъ весьма почшенный, пожилой, одѣтый въ кунтушѣ хозяинъ, и принялъ дружески, съ пожатіемъ руки; потомъ рекомендовалъ свое семейство. Мы, какъ умѣли, отвѣчали на привѣтствія, извиняясь, что прошивъ воли своей причинили имъ безпокойство. Хозяйка, весьма любезная дама, хотя, къ сожалѣнію, слабая здоровьемъ, просила насъ распоряжаться въ ея домѣ, какъ въ собственномъ своемъ, требовать все, что намъ угодно будетъ, и ежели кому либо изъ насъ понадобится куда ѣхать, то предлагала даже свой экипажъ и лошадей. Всѣ наши благодаренія были слабы за такое привѣтствіе. Кромѣ хозяйки мы поклонились еще двумъ миленькимъ паннамъ, изъ которыхъ одна была очень хороша. Здѣсь, подлинно, нашли мы походный рай, когда узнали, что въ этой мызѣ назначены намъ кантониръ-квартиры на неопредѣленное время. Россійскія войски, очистивъ правый берегъ Одера, остановились въ ожиданіи дальнѣйшихъ событій, по соображеніямъ политиковъ и дипломатовъ. Мы не могли надивиться своему переходу изъ одной крайности въ другую: послѣ трудовъ походной и скудной жизни, вдругъ те-

перь очутились среди всякаго довольства для вкуса и сердца. Послѣдствія прошедшей кампаніи въ Россіи стали для насъ ощутительны. Не льзя было не прославлять до небесъ рѣшимости Государя Императора нашего, двинувшаго свои войски для освобожденія Германіи. Онъ доставилъ намъ славу и удовольствіе прогуляться за границею, увидѣть то, чего мы не видали, и погостить вволю у пріятелей и непріятелей — gratis.

Первый ужинъ и всѣ послѣдующіе обѣды у Пана Подстольнаго были для насъ очень лакомы; послѣ грубой военной пищи мы не скоро привыкли къ Французскимъ супамъ и соусамъ. Одному изъ нашихъ офицеровъ они вовсе не нравились. Поручикъ К***, въ началѣ Россійской кампаніи, служилъ въ нашей ротѣ фельдфебелемъ. Фигнеръ взялъ его къ себѣ въ партизаны, и за усердіе къ службѣ онъ былъ произведенъ въ Поручики, послѣ чего изъ рядовыхъ сталъ нашимъ товарищемъ. Родившись солдатомъ, Поручикъ К*** не былъ деликатенъ, а потому, за границею, въ обхожденіи съ иностранцами весьма забавлялъ насъ своею неловкостію. Теперь, первый разъ въ жизни, привелось ему гостить въ великолѣпныхъ палатахъ, сидѣть за большимъ столомъ, гдѣ болтаютъ вовсе непонятнымъ для по-

го языкомъ, кушать на фарфорѣ серебромъ, знакомить желудокъ, вмѣсто добрыхъ пахучихъ щей, съ разноцвѣтными супами и соусами, наконецъ отвѣчать пантомимою и пальцами на затѣйливые вопросы прекрасныхъ дамъ. Такое положеніе было ему въ тягость, и онъ самъ чувствовалъ, что попалъ не въ свою тарелку.

Какъ начался первый день, такъ продолжались и всѣ прочіе въ продолженіе цѣлыхъ двухъ недѣль. Каждое утро ливрейный слуга приносилъ намъ въ Саксонскомъ фарфорѣ кофе и чай съ бисквитами; обѣдъ всегда былъ изобильный и лакомый. Къ намъ стали пріѣзжать въ гости сосѣди, съ которыми пріятно было знакомство. Офицеры другихъ ротъ нашей бригады, не имѣя подобной квартиры, завидовали нашему благополучію. Мы проводили время чрезвычайно пріятно и весело. Каждый вечеръ было у насъ собраніе дамъ и кавалеровъ: шутили, играли, рѣзвились. Со мною въ походѣ была гитара; мы пѣли романсы и танцовали мазурки. Хозяйская племянница, панна Текла, болѣе всѣхъ одушевляла наше общество. Мы забывали о военномъ времени, и предавались нѣжнѣйшимъ упоеніямъ сердца. Здѣсь мы испытали въ полной мѣрѣ, какъ Польки образованы, любезны и привлекательны. Замужнія лю-

бяшь содержашь домъ въ ошличномъ порядкѣ. Не льзя не замѣшишь, чшо онѣ были единсшвенныя обладашельницы воли и мыслей своихъ мужей, ревносшнѣйшія пашріошки, способныя возжечь пламя національнаго эншузіазма легкимъ дуновеніемъ. Чшобъ бышь досшойнымъ обладанія сердцемъ благородной Польки, бышь досшойнымъ горячей любви ея, кажешся, самъ мужчина долженъ имѣшь совершенсшва во всѣхъ ошношеніяхъ.

Въ сосѣдсшвѣ съ нашимъ хозяиномъ жилъ одинъ скупой, богашый Панъ, Діогеновской физіогноміи, кошорая сшолько впечашлѣлась, съ перваго раза, въ моей памяши, чшо я нарисовалъ въ нашей комнашѣ углемъ поршрешъ его надъ каминомъ; онъ имѣлъ прелесшную цурочку (дочь), панну Анну, кошорая соперничала красошою съ нашею Теклой, и была предмешомъ обожанія нѣкошорыхъ саншименшальныхъ аршиллерисшовъ. Мы шуда часшо ѣздили въ госши къ бригадному командиру, кваршировавшему съ своею рошою у ошца панны Анны. Тамъ шакже было весело, какъ и у насъ: шѣ-же шушки, игры, пѣсни и шанцы. Не смошря на скупосшь Польскаго Діогена, жена умѣла расшевелишь его, для удовольсшвія молодыхъ госшей, къ разнымъ зашѣямъ, въ шомъ предположеніи, чшо можешъ бышь

кто изъ нихъ женится на паннѣ Аннѣ — безъ приданаго. Точно, одинъ изъ ротныхъ командировъ готовъ былъ рискнуть на это, но панна Анна сама казалась довольно разборчивою, и, видно, дорожила своими прелестями столько-же, сколько и выборомъ по сердцу.... Маменька ея была очень любезная дама. Не рѣдко, выдавши изъ чулана для ужина припасы, она входила въ залу, гдѣ, отирая о платочекъ замучнённые пальчики свои, становилась въ кружокъ съ нами, и прелестно вертѣлась въ мазуркѣ, не уступая дочери.

Но время летѣло быстрѣе молніи и уносило наши радости — только въ горестяхъ оно идетъ медленно, свинцовыми стопами. Двѣ недѣли протекли для насъ, какъ двѣ минуты; сказанъ походъ, и — все умолкло. Всѣ стали задумчивы, печальны; мѣсто разговорчивости заступила унылая молчаливость; слышны были одни вздохи, и даже являлись слёзки. Столько насъ очаровало гостепріимство нашихъ непріятелей!

26-го Февраля насталъ день разлуки. Хозяинъ искренно благодарилъ насъ за мирное квартированіе съ ротою въ его селеніи, хозяйка благодарила за удовольствіе, доставленное нашимъ обществомъ въ ея семействѣ; но мы болѣе почитали себя обязанными бла-

годарить ихъ за радушное гостепріимство, котораго не ожидали. Комплиментамъ тутъ не было мѣста; чувства взаимной признательности изливались въ искреннихъ выраженіяхъ. Мы простились съ теплымъ участіемъ дружбы. Съ обѣихъ сторонъ невольныя слезы были вѣрнымъ залогомъ искренности. Тяжко разлучаться тамъ, гдѣ мы оставляемъ свои радости, счастіе сердца, прелесть жизни....

Съ мрачною думою пустились мы опять въ печальную существенность настоящаго. Долго, долго обитатели Мховъ не исчезали изъ мыслей нашихъ, и кто былъ тамъ со мною, тотъ, прочитавши это, конечно вспомнитъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ о любезной и доброй фамиліи Беньковскихъ.

ГЛАВА II.

ОТЪ ОДЕРА ДО ЭЛЬБЫ.

Освобожденіе Пруссіи. — Блокада кр. Глогау. — Переходъ чрезъ Силезію. — Трактиръ въ Нейштетелѣ. — Красавицы въ Шпроттау. — Баронское угощеніе. — Удивительные часы въ Бунцлау. — Встрѣча нищихъ въ Саксоніи. — Герлицъ. — Саксонскіе поселяне. — Саксонки въ Лебау. — Венды около Бауцена. — Лешвицъ. — Взрывъ моста на Эльбѣ.

Рускіе, не довольствуясь очищеніемъ праваго берега р. Одера, стали неутомимо преслѣдовать Французовъ, не давая имъ опомниться отъ претерпѣннаго пораженія въ Россіи. Начальникъ разсѣянныхъ остатковъ Французскихъ войскъ, Вице Король Итальянскій, квартировавшій во Франкфуртѣ на Одерѣ, послѣ перехода Рускихъ чрезъ эту рѣку принужденъ былъ отступить къ Берлину, потомъ къ Виттенбергу и къ Лейпцигу. Тогда Генералъ Ренье не могъ держаться на р. Шпреѣ; онъ отправилъ Баварцевъ въ Мейссенъ, а съ остальными пошелъ въ Дрезденъ, гдѣ намѣревался держаться, для чего и привелъ въ

оборонительное положеніе часть города по правую сторону р. Эльбы; но когда Рускіе вытѣснили Баварцевъ изъ Мейссена, и подступали къ Дрездену, то Ренье, отозванный Наполеономъ при своемъ отъѣздѣ, на прощанье велѣлъ взорвать прекрасный Эльбинскій мостъ.

Такимъ образомъ, въ началѣ Марта, уже весь правый берегъ Эльбы былъ очищенъ Рускими отъ Наполеоновыхъ войскъ, и — освобожденная Пруссія съ благодарною слезою пала въ дружественныя объятія Россіи. Тогда-то воспламенился въ Пруссакахъ энтузіазмъ патріотизма; пристыженные временнымъ порабощеніемъ, они вооружались для мщенія съ большею яростію. Прокламаціи нашего Императора и Короля Прусскаго вызывали націю къ священной брани, и превращали каждаго мирнаго жителя въ отважнаго воина. Примѣръ Рускихъ сильно подѣйствовалъ на Пруссаковъ: отъ перваго до послѣдняго, всѣ оживились единымъ духомъ кровавой брани. Молодые люди, безъ различія состояній, спѣшили толпами на сборныя мѣста формировать баталъоны и эскадроны; пожилые составили внутреннее ополченіе; даже женщины, по приличію своего пола, будучи не въ состояніи участвовать въ открытой брани, составили патріотическія

общества для пожертвованія своимъ достояніемъ и трудами. Этимъ способомъ Пруссія, имѣя на первый разъ регулярнаго войска до 57,000, въ короткое время выставила ревностнаго ополченія до 70,000. Такой примѣръ благороднаго соревнованія націи возвысилъ ея достоинство передъ прочими.

На другой день по выступленіи изъ Мховъ, заняли мы съ артиллеріею великолѣпную, пустую мызу; отъ дворника узнали, что она принадлежала одному бригадному Генералу Польскихъ войскъ. Вся мебель комнатная оставалась въ цѣлости, и Берлинскіе на стѣнахъ обои, съ сиреневыми кустами и берёзками, своею живостію привлекали наше вниманіе. Въ библіотекѣ оставлено было много Нѣмецкихъ и Французскихъ книгъ. Я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи, чтобы не сдѣлать похищенія лучшихъ сочиненій, и весьма благодаренъ былъ хозяину, который такъ поспѣшно убрался отсюда, что въ торопяхъ забылъ въ своей библіотекѣ даже кисетъ съ табакомъ и трубку.

Потомъ вступили мы въ Лиссу, довольно чистое и опрятное мѣстечко, потому что оно принадлежало Пруссакамъ Познанскаго округа; Поляковъ здѣсь было очень немного. Отсюда мы думали быть уже

въ Германіи, ибо чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе встрѣчалось намъ во всемъ благоустройства и образованности.

1-го Марта оставили мы послѣдній городокъ Познанскаго округа, Фрауштатъ (женскій городъ), отличающійся множествомъ вѣтреныхъ мѣльницъ, которыхъ было на обоихъ выѣздахъ до двухъ сотъ, и когда по вѣтру завертѣлись ихъ крылья, то онѣ подлинно представили ужасное войско Донъ-Кихотовыхъ исполиновъ. Ежели обитательницы Фрауштата были довольно говорливы, то такое множество вѣтреныхъ мѣльницъ весьма приличествовало *женскому* городу.

Для ночлега остановили насъ въ Прусской деревнѣ Курсдорфѣ, на границѣ Силезіи, въ десяти верстахъ отъ кр. Глогау.

Корпусъ Генерала Милорадовича, въ составъ котораго входила наша артиллерія, остановился тутъ, вмѣстѣ съ отрядами Князя Волконскаго и Графа Сенъ-При, для блокированія крѣпости.

5-го Марта повели нашу артиллерію назадъ, мимо Фрауштата, и поставили въ пустой деревнѣ Нейлаубѣ, въ окрестностяхъ Глогау. Здѣсь простояли мы тринадцать дней весьма скучно, въ крестьянскихъ, пустыхъ избахъ. Французы, составлявшіе гарнизонъ крѣпости, частымъ

фуражированіемъ раззорили всѣ ближайшія селенія.

Изъ нашей артиллеріи только батарейная рота, съ Капитаномъ Свистуновымъ, находилась въ дѣйствій подъ крѣпостью; у него перебили довольно людей и лошадей, и одному офицеру 24-хъ фунтовое ядро оторвало руку. Бомбардированіе было сильное, городъ зажгли во многихъ мѣстахъ, однако Комендантъ не сдавался, и даже весьма грубо отвѣчалъ чрезъ нашего парламентера. Брать крѣпость штурмомъ не доставало у насъ войска, а для разбитія стѣнъ не было осадной артиллеріи; притомъ, въ тогдашнее время, Русскіе солдаты цѣнились дорого. Безъ осадныхъ орудій безполезно было тратить полевые артиллерійскіе снаряды. Вслѣдствіе чего Генералъ Милорадовичъ рѣшился содержать крѣпость въ тѣсной блокадѣ: запереть гарнизонъ въ предѣлахъ ретраншамента, и предоставить времени для вынужденія его къ сдачѣ голодомъ и болѣзнями.

Между тѣмъ главныя силы нашихъ войскъ приближались къ Эльбѣ, за которою непріятель сосредоточивалъ свои резервы. Императоръ нашъ и Король Прусскій желали овладѣть Саксоніею, и тѣмъ принудить Короля Саксонскаго отложиться отъ Рейнскаго Союза, чтобы примѣ-

ромъ этимъ вовлечь въ свой союзъ владѣтельныхъ Князей Германіи; для того надлежало собрать силы въ большомъ количествѣ. И такъ Корпусу Генерала Милорадовича приказано было, оставя блокаду крѣпости Глогау, слѣдовать для занятія Дрездена.

18-го Марта еще разъ прошли мы черезъ Фраушпатъ до с. Залишь, помѣщика Барона фонъ Олена. Офицерамъ нашей роты вмѣстѣ съ командиромъ ея, Подполковникомъ Т***, досталось квартировать въ пустой, огромной мызѣ. Во дворѣ оставались старый дворникъ и кухарка, съ тремя прекрасными дѣвушками, которыя, при нашемъ вступленіи, мяли въ сараѣ ленъ для пряжи. Въ домѣ вся мебель оставалась въ цѣлости, такъ-же какъ библіотека, съ которою я не упустилъ помѣняться книгами: вмѣсто Французской Флоры и другихъ медицинскихъ книгъ, я взялъ изъ библіотеки Барона сочиненія Гёте, Шиллера, Виланда, полагая, что хозяинъ не будетъ въ претензіи за такую мѣну.

Послѣ дневки, 20-го Марта, пришли мы въ с. Бойадель. Вступая въ настоящую Силезію, мы съ удовольствіемъ замѣтили отличное благоустройство въ жительствѣ Прусскихъ поселянъ, которые, можно сказать, наслаждаются бытіемъ своимъ въ

полной мѣрѣ. Это видно было по обширности ихъ домашнихъ заведеній, по чистотѣ и порядку во всемъ хозяйствѣ, по опрятству въ одеждѣ, и также — по плодовитости семействъ. Конечно истинное благоденствіе не скрывается подъ нищенскою наружностію. Не льзя сказать, чтобъ счастливы были поселяне, живущіе въ тѣсныхъ, мрачныхъ, полуразвалившихся хижинахъ, или землянкахъ, куда едва проницаетъ свѣтъ дневный; чтобъ счастливы были закоптѣвшія отъ дыма, покрытыя лохмотьями человѣческія существа, съ усиліемъ труда снискивающія скудное себѣ пропитаніе, и часто терпящія голодъ, не потому чтобы земля отказывала имъ въ дарахъ своихъ, но по существующему порядку вещей.

Для насъ странно было видѣть въ Силезіи поселянъ, по нашему мужиковъ, въ синихъ курткахъ изъ тонкаго сукна, въ лосинныхъ панталонахъ, и въ ботфортахъ; каждый пожилой мужикъ носилъ треугольную шляпу съ кокардою, имѣлъ на запылкѣ косу, и важно курилъ трубку. Правда, что пожилые Пруссаки, вообще, были тощіе, съ длинными, угрюмыми лицами; за то дѣвушки Пруссачки прекрасны, какъ майскія розы, миловидны, румяны, и все блондинки. Юношей не было видно; всѣ они,

одушевленные патріотизмомъ, шли въ ополченіе.

Со вступленіемъ нашихъ въ Силезію, природа стала развивать свои прелести. Весенніе ковры мягкой зелени разстилались по полямъ, и уже почки древесныхъ листьевъ, трескаясь, зеленѣли. Все являло свѣжесть юности, все обновлялось — только ненависть людей старѣлась: одни на другихъ шли для взаимнаго истребленія.

22-го Марта, при с. Мильцихъ, переправились мы черезъ Одеръ по плашкотному мосту. На обоихъ берегахъ выставлены были бѣлыя доски, съ означеніемъ таксы: по скольку грошей слѣдуетъ платить за переправу съ воза, съ скотины, съ человѣка. Берега Одера съ обѣихъ сторонъ покрыты дубовымъ лѣсомъ, и вода, ниже и выше переправы, потопляла деревья, почти до половины роста ихъ.

Въ одинъ переходъ отсюда, прошли мы чрезъ хорошія мѣстечки Вартенбергъ, Нейзальцъ, и остановились для ночлега въ мѣст. Нейштетелѣ. Жители, Пруссаки, въ треугольныхъ шляпахъ, и женщины въ чепчикахъ, смотрѣли на насъ съ большимъ удивленіемъ, и въ квартирахъ прислуживались весьма усердно. Они насъ кормили вездѣ, какъ будто по заказу, опредѣленными порціями супа, баранины и черно-

слива. Къ нашей отрадѣ, въ мѣстечкѣ явился тракниръ. Содержатель, для приманки посѣтителей, вмѣсто вывѣски, выставилъ черную доску съ желтою Русскою надписью: *Побѣда Рускихъ*! — и наши офицеры невольно входили къ затѣйливому ресторатёру играть на билліардѣ, курить трубку, и пить кофе. Кажется, въ мѣстечкѣ все приготовлялось для принятія гостей: улицы и площадь, вымощенныя камнемъ, были чисто выметены, а около ратуши ходилъ угрюмый часовой, въ длинномъ, до пятъ, синемъ кафтанѣ, и въ треугольной шляпѣ; будучи перепоясанъ желтымъ ремнемъ, онъ носилъ обѣими руками заржавленную саблю.

Потомъ пришли мы въ гор. Шпроттау, на р. Боберѣ. Земля около города песчаная, и вблизи сосновый лѣсъ. Знакомые предметы эти напоминали намъ о Россіи.—Здѣсь мы дневали. Квартиры отведены были каждому офицеру особо, на площади, въ каменныхъ двуэтажныхъ домахъ. Городъ, вымощенный камнемъ, довольно опрятенъ; только строенія ветхи, закоптѣвшихъ колеровъ зеленаго, розоваго и желтаго, лавки большею частію были пусты, безъ купцовъ и безъ товаровъ. Пруссаки, не ознакомясь съ Рускими, кажется, опасались быть разграбленными, и не довѣряли

союзничеству. Ассигнаціи наши они только разсматривали, и то не съ большимъ любопытствомъ; товаровъ-же за нихъ не давали никакихъ, а требовали своихъ талеровъ, или Русскаго серебра. Впрочемъ, на квартирахъ, по обязанности, всѣ они были услужливы, не льзя сказать гостепріимны: кто живетъ съ строгимъ разсчетомъ и ставитъ копѣйку ребромъ, тотъ не расщедрится для угощенія незваныхъ гостей. Особенное достоинство Нѣмцевъ, въ замѣну ихъ скупости, есть говорливость и вникательность въ мѣлочныя подробности ничтожныхъ предметовъ; но дѣвушки, Нѣмочки, восхитительны, какъ Душенька Богдановича: почти каждою надобно любоваться. Съ какою тщательностію и вкусомъ онѣ одѣты! Сколько томности во взорахъ, скромности въ рѣчахъ, нѣжности въ движеніяхъ! Сколько прелести въ цѣломъ существѣ ихъ! Это, кажется, настоящія Весталки .... Польки прекрасны и поражаютъ, подобно молніи, блескомъ своихъ прелестей; Нѣмочки-же плѣняютъ вкрадчиво, подобно тихому пламени древнихъ Гебровъ. Первыя дѣйствуютъ болѣе на чувства, вторыя на душу; пылкій юноша скорѣе плѣнится Полькою, но разсудительный будетъ обожать Нѣмочку.

25-го Марта прошли мы через гор. Бунцлау, на р. Боберѣ, и въ нѣсколькихъ верстахъ отъ него расположились въ с. Нидеръ-Шенфельдъ. На пути видѣли, влѣво къ югу, синій хребетъ Исполинскихъ горъ (Riesengebirge; la chaîne des Sudètes), отдѣляющихъ Силезію отъ Богеміи.

На другой день помѣщикъ деревни, Баронъ фонъ Ц***, позвалъ насъ къ себѣ обѣдать. Домъ, комнаты, мебель и все показалось намъ такъ-же ветхо, какъ самъ хозяинъ съ хозяйкою, съ дочерью и съ моською. Всякой живетъ по своему вкусу, характеру и по лѣтамъ. Напримѣръ, у молодаго, пылкаго, вѣтренаго повѣсы нѣтъ никакого порядка въ комнатахъ: все разбросано, измято, поломано, хотя впрочемъ все щегольскаго вида и дорогой цѣны. У военнаго офицера въ квартирѣ, кромѣ чемодановъ, трубокъ, просыпаннаго табаку, сабель, и валяющихся по полу двоекъ съ дамами и валетами, ничего не встрѣчается; напротивъ, у человѣка гражданскаго, степеннаго, особенно кто думаетъ жениться, является въ комнатахъ мебель краснаго дерева, занавѣски, картинки, горки съ фарфоромъ, и проч. Но у пожилыхъ людей, вкусившихъ всю сладость и всю горечь супружеской жизни, мебель ветшаетъ вмѣстѣ съ ними, и вся-

кая перемѣна, или новость, для нихъ крайне непріятна, потому что измѣняетъ привычку видѣть все по старому, а старое напоминаетъ о радостяхъ, пролетѣвшихъ съ свѣжимъ возрастомъ, радостяхъ, которыя не возвращаются болѣе въ лѣтахъ преклонныхъ, когда силы ослабѣваютъ, органы чувствъ притупляются, огнь жизни угасаетъ.... Такъ, по мебели въ домѣ можно судить иногда о характерахъ людей.

Нашъ Баронъ фонъ Ц***, угрюмый, длинный Нѣмецъ, встрѣтилъ гостей холоднымъ привѣтствіемъ, приглашая только одного Подполковника сѣсть на софу. Баронша, въ чепчикѣ, сидѣла вдали за круглымъ столикомъ, и проворно вязала чулки, а пожилая дочь ихъ шила тутъ-же новое платье; первая сдѣлала легкое наклоненіе головою, а вторая только повернула шейку и удостоила насъ косвеннымъ взглядомъ. Полагая, что никто изъ гостей не умѣетъ говорить по-Нѣмецки, Баронъ, нѣсколько минутъ наблюдая строгое молчаніе, широко зѣвалъ; Баронша не спускала глазъ съ гостей и, казалось, съ удовольствіемъ разсматривала молодыхъ офицеровъ, а почтенная дѣвушка прилежно занималась своею работою. Одинъ изъ товарищей нашихъ рѣшился прервать молчаніе и, приступивъ къ

Баронш̀ѣ, сказалъ по-Нѣмецки: « Что за прекрасная погода сегодня! »—Ja wohl!— отвѣчалъ Баронъ протяжно. — Sie sprechen Deutsch!—(вы говорите по-Нѣмецки?) сказала Баронша съ улыбкою. — Ah! Sie sprechen Deutsch! — повторила умильно дѣвушка, поднявшись прямо на стулѣ и положивъ свою работу на столъ. Общее ихъ удивленіе заставило насъ усмѣхнуться. Мнѣніе Барона и Баронши о нашемъ невѣжествѣ дало намъ поводъ находить у нихъ самихъ много смѣшнаго; мы, въ продолженіе обѣда и во весь день, часто усмѣхались между собою. По признанію ихъ, они не ожидали, чтобы Рускіе, живучи среди вѣчной зимы, между лѣсами и болотами, могли имѣть какое-либо образованіе, особенно знать иностранные языки. Между тѣмъ сѣли за столъ: вассеръ-супъ и жидкіе соусы насъ довольно забавляли; но когда Баронъ фонъ Ц***, взявъ кусокъ пшеничнаго хлѣба, спросилъ у Подполковника: имѣется-ли въ Россіи такой чистый хлѣбъ?—то мы всѣ оказали невѣжливость громкимъ смѣхомъ, и потомъ удивленному Барону стали объяснять изобиліе Россіи въ прекрасномъ хлѣбѣ, говоря ему, что одна Москва могла-бы прокормить калачами всю Германію; и что пшеничный хлѣбъ нашъ несравненно превосходнѣе того,

который имѣемъ честь кушать у него. Баронъ, пожавъ плечами, едва съ нами соглашался.

Ввечеру, почтенная дѣвушка хотѣла показать, что и она учена чему нибудь, взяла гитару, и пропищала звонкимъ голосомъ Нѣмецкую арію. Мы восхищались на заказъ, и въ замѣну этого одинъ изъ насъ поквитался съ нею Русскою пѣсенкою, которая кажется не оскорбила Нѣмецкаго слуха. Такимъ образомъ знакомство наше стало пріятнѣе, и остатокъ дня былъ проведенъ довольно весело между шутками и музыкою.

Въ послѣдніе дни Марта не было похода. Войски наши двигались впередъ весьма осторожно, и часто дневали.

Пользуясь свободнымъ временемъ, я раза два ѣздилъ верхомъ въ Бунцлау, для мѣны ассигнацій на талеры и для разныхъ покупокъ. Городъ, съ каменною стѣною и съ кирпичными высокими домами, показался мнѣ весьма древнимъ. Проѣзжая по улицамъ, я разсматривалъ разныя вывѣски; Нѣмцы замѣтили мое любопытство и между прочимъ указали на одинъ домъ, гдѣ славный механикъ показывалъ удивительные часы, которые дѣлалъ онъ восемь лѣтъ, и употребилъ на одни матеріялы болѣе тысячи талеровъ. Я вошелъ по

узкой лѣстницѣ въ небольшую комнату; самъ механикъ встрѣтилъ меня весьма учтиво, и, желая показать удивительный механизмъ своихъ часовъ, просилъ взглянуть на большіе стѣнные часы, и, въ сторонѣ при нихъ, на ящикъ за занавѣскою. Онъ завелъ машину, отдернулъ занавѣсъ, и часы заиграли печальную музыку. Ящикъ былъ аршина полтора въ квадратѣ, въ видѣ райка; въ немъ двигались, въ продолженіе музыки, фигуры въ полъ-аршина величиною, выходившія изъ-за кулисъ. Механикъ изъяснялъ дѣйствіе фигуръ, представлявшихъ Страсти Христовы, со всею подробностію. Въ первомъ актѣ приходитъ Іуда предатель, и съ нимъ множество народа съ фонарями; во второмъ представленъ Іисусъ Христосъ предъ судилищемъ, и Пилатъ моетъ себѣ руки; въ третьемъ актѣ Іисуса распинаютъ, и при немъ стоитъ плачущая Марія съ Іосифомъ. Для каждаго акта механикъ заводилъ часы, которые, по смыслу представленія, играли разнообразную музыку, а между тѣмъ фигуры, безъ всякой посторонней помощи, выходили изъ-за кулисъ, дѣйствовали, и уходили посредствомъ колесъ подъ ногами; въ каждой куклѣ скрывались потаенныя пружины, посредствомъ которыхъ онѣ представляли свои роли.

Механизмъ всего, точно, былъ удивителенъ. Я отблагодарилъ механика за піесу талеромъ, и сожалѣлъ только, что онъ не употребилъ своего таланта и долговременныхъ трудовъ для сооруженія чего либо существенно полезнѣйшаго для себя и своихъ соотечественниковъ.

Въ продолженіе нѣсколькихъ дней нашего квартированія въ д. Нидеръ-Шенфельдъ, мы узнали много пріятныхъ новостей, какъ-то: Государя Императора нашего ожидали въ Бунцлау изъ Калиша, гдѣ онъ заключилъ дружественный союзъ съ Королемъ Прусскимъ, имѣя передъ тѣмъ, 3-го Марта, торжественный въѣздъ съ нимъ въ гор. Бреславль, при громѣ пушекъ и радостномъ восклицаніи многочисленнаго народа. Пруссаки ополчались всенародно; Французы собирали великія силы за Рейномъ. Летучіе отряды Корпуса Графа Витгенштейна выгнали Французовъ изъ Берлина, Ганновера, потревожили Гамбургъ, и уже Графъ Чернышевъ съ Казаками залетѣлъ на самый Рейнъ къ Майнцу. Говорили, что Казаки отняли у Французскихъ гвардейцевъ драгоцѣнное знамя, которое Государь нашъ отправилъ въ подарокъ къ Австрійскому Императору. Между тѣмъ нашихъ войскъ перешло за Вислу до 126,000. Мы достали Берлинскія газеты, въ кото-

рыхъ напечатана была 26-го Марта прокламація союзныхъ Монарховъ къ Саксонцамъ. Въ газетахъ писали, что во Франкфуртѣ на Майнѣ, въ Вестфаліи и въ Королевствѣ Баварскомъ происходятъ возмущенія; даже въ самой Франціи завелась Королевская партія, вслѣдствіе манифеста Короля Людовика XVIII-го, и многіе Французы надѣли бѣлыя кокарды. Тучи скоплялись надъ главою Наполеона, однако еще всѣ націи страшились его.

31-го Марта вышли мы изъ с. Нидеръ-Шенфельдъ. Переходъ былъ черезъ Бунцлау, три мили до Саксонскаго мѣстечка Вальдау; на половинѣ пути перешли рѣчку Квейсъ, составляющую границу Силезіи. На первомъ шагу въ Саксонію встрѣтилъ насъ слѣпой музыкантъ-кларнетистъ, съ мальчикомъ, который велъ его. Это явленіе, близъ рощицы, на лужку, было довольно романическое. Не слыхавши давно пріятной музыки, мы охотно набросали мальчику въ шляпу нѣсколько грошей за талантъ слѣпца-виртуоза. Нѣсколько верстъ далѣе встрѣтилъ насъ горбатый нищій, поющій церковный гимнъ козлинымъ гласомъ; надобно было дать и этому. Еще далѣе явилось нѣсколько босыхъ, пригожихъ мальчиковъ, которые, протягивая къ намъ руки, просили гроша; но видя нашу непре-

клонность, стали передъ нами вертѣться колесомъ, ходить на рукахъ внизъ головою, и были столько неотвязчивы, что мы, сжалившись надъ ними, наградили и ихъ. Эта встрѣча нищихъ и уродовъ, на первый разъ хотя и произвела въ насъ непріятное впечатлѣніе, однако мы полюбили Саксонію, нашедъ въ городахъ и селахъ ея благоустройство. Уже въ первомъ мѣстечкѣ Вальдау замѣтно было, что Саксонцы жили просторнѣе, изобильнѣе и лучше Пруссаковъ: домы ихъ были четырехъ-этажные, а близъ мѣстечка частыя селенія, по теченію рѣчекъ, простирались на нѣсколько верстъ; при каждомъ домѣ находился садъ и много пристроекъ. Въ обширномъ хозяйствѣ поселянъ отличный порядокъ и чистота; каждая вещь имѣетъ опредѣленное мѣсто. Между тѣмъ день ото дня развивалось болѣе весеннихъ красотъ: яркая зелень уже покрывала всѣ луга, и только деревья еще не распускались совершенно.

1-го Апрѣля вступили мы въ гор. Герлицъ, довольно обширный и окруженный каменною стѣною; внутри есть хорошія, хотя довольно ветхія зданія, и пять церквей съ большими пѣтухами на шпицахъ, вмѣсто креста. Мѣстоположеніе вокругъ города прелестное: съ юга отъ Богемскихъ

горъ простираются къ городу холмистыя отлогости, покрытыя рощами, а съ прочихъ сторонъ окружаютъ его плодоносныя долины, пересѣкаемыя рѣчками, на которыхъ, между садами, скрываются безпрерывныя селенія съ красными, черепичными крышами на домахъ. Въ городѣ расположилась корпусная штабъ-квартира, а для артиллеріи нашей отвели селеніе Гербицдорфъ. Мы прошли версты четыре отъ города до показанной намъ деревни, близъ которой находилась небольшая, красивая гора Ландскрона, увѣнчанная до половины кустарникомъ, а на вершинѣ имѣющая башню.

У Саксонскихъ поселянъ въ деревнѣ, или, по нашему, у мужиковъ, нашли мы славныя квартиры съ мебелью и зеркалами, шкафы съ фаянсовою и стекляною посудою; при дверяхъ стѣнные часы; на столѣ скатерть, куверты съ салфетками и оловянныя ложки: все чисто и опрятно. Кушанье было хорошо приготовлено, и къ нему явилось желтое, кисловатое вино, Эльбинскаго винограда. Мы удивлялись такому благосостоянію простыхъ поселянъ. Почтенный хозяинъ явился къ намъ въ голубой курткѣ, въ кожаныхъ панталонахъ и въ треугольной шляпѣ, безъ кокарды, а хозяйка въ чепчикѣ, въ корсетѣ

и въ бѣломъ передникѣ. Въ селеніи многія женщины носили на головѣ повязки, на подобіе Русскихъ кокошниковъ, но юпки у нихъ только до колѣнъ, и ноги обнаженныя. Дѣвушки весьма пригожи, стройны, и дороднѣе чѣмъ въ Силезіи.

Передъ вечеромъ ходилъ я на Ландскрону, которая показалась мнѣ вышиною не болѣе 300 саженъ; она имѣетъ видъ конуса. На вершинѣ есть башня, открытая со всѣхъ сторонъ, съ которой видны прекрасныя окрестности: въ планѣ разстилавшіяся деревеньки, рощицы, поля и луга, между которыми вились рѣчки, обсаженныя ивами; вдали синія Богемскія горы, вблизи городъ, и при немъ голубая полоса р. Нейссе, все это представлялось мнѣ живою панорамою. Заходящее солнце, позлащавшее всѣ предметы, яркая зелень юной весны, свѣжій, чистый воздухъ, и пріятная пестрота общей картины меня восхищали. Я радовался, что встрѣчаю весну въ благословенной Саксоніи, на горѣ Ландскронѣ.

2-го Апрѣля пришли мы въ небольшой, красивый городокъ Лебау, лежащій у подошвы предгорій, близъ границъ Богеміи. Окрестности города весьма пріятныя: холмы съ рощицами, и долины, пересѣкаемыя рѣчками. Лебау, какъ говорили намъ, существуетъ болѣе 700 лѣтъ; жители по-

чпи всѣ купцы и промышленники. Строенія каменныя, высокія, сплошныя; улицы вымощены камнемъ и весьма чисты. По увѣренію жителей, городъ ихъ всегда былъ славенъ красавицами; точно, нигдѣ намъ не встрѣчалось ихъ столько, даже между простыми служанками, какъ здѣсь. Мужчины также благообразны, и юноши-Нѣмчики весьма пригожи; за то часто встрѣчаются здѣсь уроды, горбатые или хромые. Произношеніе или нарѣчіе Нѣмецкаго языка здѣсь гораздо правильнѣе и чище, нежели въ Силезіи. Полиція по образцу Французской: жандармы въ свѣтлосинихъ мундирахъ, съ желтыми аксельбантами и большими эполетами; но часовые около ратуши всегда угрюмые антики, въ синихъ, длиннополыхъ кафтанахъ.

Въ домахъ здѣсь единственныя прислужницы женщины. Цѣлый домъ въ рукахъ одной служанки: она убираетъ комнаты, она носитъ дрова и воду, она и кушанье готовитъ. Воду служанки носятъ здѣсь въ овальныхъ ушатахъ, ведра въ три величиною, которые на ремняхъ надѣваютъ онѣ на плеча, за спину, и снизу поддерживаютъ руками. Въ услугу нанимаются, большею частію, бѣдныя дѣвушки, которыя впрочемъ ведутъ себя честно и благопристойно, одѣваются опрятно, и не

безъ щегольства, особенно въ праздничные дни; изъ домовъ отпускаютъ ихъ въ церковь, или на гулянье, гдѣ онѣ привлекаютъ къ себѣ жениховъ, и, накопивъ службою нѣсколько талеровъ приданаго, съ добрымъ именемъ выходятъ за мужъ за какого либо честнаго ремесленника.

Гуляя по городу съ товарищемъ, нарочно мы замѣчали женщинъ и дѣвушекъ; рѣдкая изъ нихъ не была красавицею: все блондинки съ румяными, веселыми личиками, въ разговорахъ всегда съ улыбкою и милою стыдливостію. Товарищъ мой, одинъ изъ Бароновъ, будучи довольно сантиментaленъ, признавался, что онъ весь-бы истаялъ, и превратился-бы въ эхо отъ любви, если-бы на долго здѣсь остался. Мы замѣтили притомъ, что красавицы-Жидовки въ нашей Польшѣ, кажется, переняли, для привлекательности, покрой платья отъ прелестныхъ Саксонокъ, ибо носятъ такія-же кофточки, нагрудники и фартуки.

Послѣ дневки 4-го Апрѣля, мы прошли мимо гор. Бауцена, окруженнаго каменною стѣною, и для ночлега остановились въ с. Блезау. Въ городѣ расположилась корпусная штабъ-квартира. Здѣсь жители говорятъ особеннымъ Славяно-Нѣмецкимъ нарѣчіемъ; они называютъ себя Вендами

или Вандалами. Наши солдаты весьма удивились, нашедши тутъ почти земляковъ своихъ, съ которыми могли объясняться по-Русски, и понимать ихъ; при чемъ дѣлали свое заключеніе, что вѣрно когда нибудь эта сторона была Россіею, и не худо-бы теперь снова завоевать ее.

Далѣе прошли къ мѣстечку Бишофсверде. Поселяне здѣсь очень богаты, живутъ въ большихъ двуэтажныхъ домахъ съ обширными пристройками и садами; не только для гостей, но и сами употребляютъ Эльбинское вино. Смотря на ихъ обильное сельское житье, въ которомъ едва-ли могутъ сравниться съ ними многіе изъ нашихъ мѣлкопомѣстныхъ дворянъ, не льзя не удивляться, какъ могли простые поселяне, по нашему мужики, достигнуть такого благосостоянія! — Ужь Русская-ли земля не плодородна, и Русскій-ли крестьянинъ не трудолюбивъ! Но все онъ бѣденъ и далекъ отъ подобнаго благосостоянія. Кто можетъ объяснить причину этого?— Всякому извѣстно, что по мѣрѣ просвѣщенія народа совершенствуется порядокъ вещей, отъ котораго зависитъ его благо, а разность между Саксонскимъ поселяниномъ и Русскимъ мужикомъ въ этомъ отношеніи столь велика, какъ

между студентомъ и простымъ школьникомъ.

6-го Апрѣля подошли мы къ р. Эльбѣ, и расположились квартирами въ д. Лешвицъ, въ 3-хъ верстахъ ниже Дрездена. Берега рѣки здѣсь прелестны; домики деревушки разсѣяны по всей крутизнѣ праваго берега, между фруктовыми и виноградными садами.

Отсюда Дрезденъ кажется не великъ. Онъ раздѣляется рѣкою на двѣ половины: по ту сторону большая часть называется *Старымъ* городомъ, а по сю сторону *Новымъ*, который бѣлокаменными палатами своими точно кажется новѣе и лучше стараго. Изъ всѣхъ строеній Стараго города отличаются: соборъ Св. Петра, съ острыми шпицами колоколенъ и высокимъ корпусомъ, стоящій противъ большаго каменнаго моста съ арками; еще другой соборъ Фраункирхе, съ обширнымъ куполомъ, на подобіе бывшей Исакіевской церкви въ С. Петербургѣ. Всѣ прочія зданія, по тому берегу рѣки, закрыты густыми каштановыми аллеями; берега надъ водою обнажены, и не имѣютъ набережной; въ этомъ отношеніи наша Нева несравненно красивѣе и величественнѣе.

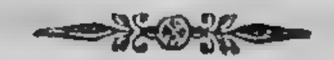
Квартира въ д. Лешвицъ досталась мнѣ у крестьянина въ небольшомъ, красивомъ,

чистомъ домикѣ, на самой крутизнѣ берега, среди фруктовыхъ деревъ и виноградныхъ лозъ, которыя вились по наружной стѣнѣ шпалерами ; надъ домомъ, вверху, деревья были еще безъ листьевъ, а внизу черешни и яблони одѣвались млечнымъ и красноватымъ цвѣтомъ; крыжовникъ яркою зеленью своею покрывалъ берега ручейка , стремящагося съ шумомъ подъ гору. Передъ каждымъ домикомъ были мостики черезъ канавы, которыми они ограждались. Изъ оконъ открывались на Эльбу прелестные виды. Жители здѣсь промышляютъ единственно виноградомъ и фруктами. Въ окрестностяхъ Дрездена, по сю сторону рѣки, земля песчаная, покрытая сосновымъ лѣсомъ, позволяетъ разводить только картофель; но по ту сторону Эльбы разстилаются плодоносныя , хлѣбородныя равнины лучшей почвы. Поселяне здѣсь сами дѣлаютъ вино, которое хотя довольно кисловато, но непротивно : старое Эльбинское, густое и желтаго цвѣта , въ Росiи продается за Рейнское. Можно сказать, поселяне здѣсь благоденствуютъ; они дружелюбны въ обхожденiи—и почему не такъ? Коль скоро человѣкъ доволенъ своимъ состоянiемъ, то онъ не имѣетъ причины ненавидѣть другихъ и самъ быть предметомъ ненависти. Если нужды его удовлетворены, душа спо-

койна; тогда внутреннее ощущеніе своего блага, разливаясь по всему существу его, отражается въ веселыхъ чертахъ лица: онъ дѣлается добръ и дружелюбенъ къ окружающимъ его людямъ. Только нужда дѣлаетъ преступниковъ и злодѣевъ. Хозяинъ мой не зналъ какъ угостить меня, и былъ весьма разговорчивъ. Онъ разсказывалъ мнѣ, что пять недѣль назадъ (7-го Марта) Генералъ Ренье взорвалъ мостъ ихъ, единственную драгоцѣнность всей Саксоніи, украшеніе р. Эльбы, мостъ, существовавшій 450 лѣтъ и стоящій 30,000 талеровъ, до котораго прежде никто не смѣлъ касаться враждебною силою. Я спросилъ: « Какъ-же вы позволили Французамъ это сдѣлать, имѣя въ городѣ свой гарнизонъ, гражданскую милицію?» — Въ городѣ не знали злаго умысла—отвѣчалъ хозяинъ—но послѣ ужаснаго взрыва жители схватили инженернаго офицера, сдѣлавшаго мину, и бросили его въ рѣку; они то-же хотѣли сдѣлать съ самимъ Ренье, но онъ успѣлъ укрыться во дворцѣ, загородившись войсками; однако жители бросали каменьями въ окна къ нему; послѣ чего многихъ изъ нихъ, за эту дерзость, посадили въ тюрьму, а Ренье тайно уѣхалъ въ Парижъ. О, долго Саксонцы — продолжалъ Нѣмецъ—будутъ помнить эту обиду! Они уже на-

чинаютъ мстить: наши солдаты, видя погибающее отечество и ничтожность могущества Наполеонова, оставляютъ ряды его; уже внутри Королевства тайно формируется 60,000 войска, которое присоединится къ Рускимъ.» — Я однако не во всемъ вѣрилъ доброму патріоту.

Мы на Эльбу принесли съ собою зиму: за ночь выпалъ большой снѣгъ. Странно было видѣть по утру слѣдующаго дня всю зелень подъ бѣлымъ покровомъ снѣга; но только что солнце поднялось выше, какъ весь снѣгъ исчезъ и напоилъ землю.



ГЛАВА III.

ОТЪ ДРЕЗДЕНА ДО ЛЮЦЕНА.

Сближеніе враждующихъ силъ. — Дрезденъ. — Пантеонъ скульптуры. — Парадное вшествіе войскъ. — Квартиры. — Театръ. — Походъ изъ Дрездена. — Фрейбергскіе рудники. — Хемницъ. — Нѣчто о Нѣмцахъ. — Минеральныя воды. — Пѣвчіе. — Сближеніе съ непріятелемъ. — Движеніе корпуса Генер. Милорадовича. — Извѣстіе о сраженіи подъ Люценомъ.

Французская армія собиралась на Майнѣ. Наполеонъ магически созидалъ легіоны войскъ, и вооруженныя силы его снова возраждались изъ праха сокрушенныхъ. Онъ успѣлъ въ нѣсколько мѣсяцевъ сформировать и выставить противъ своихъ непріятелей около 200,000 войска. Никогда время не было для него такъ драгоцѣнно, какъ теперь: съ каждымъ днемъ терялъ онъ по нѣскольку миль изъ завоеванныхъ земель. Союзныя войски Россіи и Пруссіи, вступая въ Голландію, почти обходили Вице-Короля Итальянскаго, занимавшаго съ войсками выгодную позицію около Магдебурга. Союзники, перешедъ Эльбу и не

встрѣчая нигдѣ сопротивленія, быстро углублялись во Франконію. Въ Эйзенахѣ баталъонъ Саксонцевъ перешелъ къ Пруссакамъ. Вскорѣ союзники заняли Веймаръ, Эрфуртъ, даже вступили въ Готу. Наполеонъ видѣлъ приближающуюся опасность, страшился, чтобы Князья Рейнскаго Союза не отпали отъ него, и поспѣшилъ явиться на поле ратное. Онъ выѣхалъ изъ Парижа, въ началѣ Апрѣля, къ Маинцу, гдѣ собирались его войски; послѣ смотра и одушевленія ихъ своимъ присутствіемъ, онъ велѣлъ имъ идти на р. Заалу; Вице-Король двинулся къ Мерзебургу, а Маршалъ Ней, съ авангардомъ арміи, приближался къ Люцену, предъ которымъ стоялъ тогда для встрѣчи его Генер. Винценгероде.

Такимъ образомъ сближались на Сѣверѣ Германіи главныя силы враждующихъ Державъ, силы, по числу и свѣжести, почти равныя. Россія едва-ли имѣла 60,000 стараго войска послѣ отечественной войны; но почти столько-же было молодыхъ солдатъ, поступившихъ изъ ближайшихъ рекрутскихъ депо, считая въ томъ числѣ нерегулярныя войски и ополченіе. Много отдѣльныхъ отрядовъ оставлено было при блокадѣ крѣпостей, на Вислѣ и Одерѣ. Притомъ должно признаться, что переходъ отъ бѣдной жизни и грубой пищи на пре-

красныя квартиры и изобильное угощеніе Нѣмцевъ разстроивали дебелое здоровье Русскихъ солдатъ, которые оставались по всѣмъ городамъ въ военныхъ госпиталяхъ. Пруссаки едва оживали; усилія ихъ были велики, энтузіазмъ производилъ безчисленно воиновъ; но всѣ они были рекруты; старыхъ солдатъ едва-ли собралось до 40,000. Притомъ еще страхъ къ ужасному побѣдителю невольно сжималъ сердца ихъ, и отъ первой встрѣчи, отъ перваго удара его оружія зависѣло спасеніе ихъ отечества, или вѣчный плѣнъ. Союзники имѣли на своей сторонѣ ту выгоду, что у нихъ было много кавалеріи, которой не доставало у Наполеона; но онъ имѣлъ болѣе пѣхоты. Русская артиллерія тогда была превосходнѣе Французской. Наполеонъ собралъ изъ приморскихъ городовъ артиллеристовъ, неопытныхъ въ полѣ, которые безъ практики не могли быть хорошими стрѣлками.

Сходились силы враждующія, какъ страшныя тучи, готовыя, при первой встрѣчѣ, раздробиться ужасною бурею; участь Европы зависѣла отъ перваго удара; болѣе всѣхъ трепетала Пруссія: отъ первой неудачи она могла-бы погибнуть невозвратно, между тѣмъ какъ Россія отошла-бы только къ своимъ предѣламъ.

Корпусъ Генерала Милорадовича гото-вился вступить церемоніяльно въ Дрез-денъ.

7-го Апрѣля, изъ д. Лешвицъ, поѣхалъ я въ городъ верхомъ, пригласивъ съ собою одного товарища. Въ Новомъ городѣ ули-цы широки, обсажены липами, и строенія новѣйшей архитектуры; на площади сто-итъ бронзовая статуя Станислава Авгу-ста III-го, Короля Польскаго. Мостъ чрезъ Эльбу достоинъ замѣчанія: длина его 200 саженъ, съ шестнадцатью боль-шими арками; построенъ изъ толстыхъ плитъ желтаго камня, съ желѣзными пе-рилами и съ тротуарами для пѣшеходцевъ. Двѣ арки, по срединѣ моста, на 30 саженъ пространства были разрушены взрывомъ; однако на подпорахъ сдѣлали черезъ нихъ деревянный помостъ, чрезъ который мо-гла проходить артиллерія.

За мостомъ, на площади, въ Ста-ромъ городѣ является соборъ Св. Петра, обширное, красивое строеніе. Внутрен-ность его проста и величественна; освѣ-щеніе, изъ большихъ оконъ, со всѣхъ сто-ронъ такъ сильно, что для тѣни нѣтъ мѣста. Служба производилась съ благого-вѣніемъ; народа, по обширности храма, было немного. На хорахъ вокальная и ин-струментальная музыка восхитила меня

и невольно приковала къ колоннамъ храма. Предавшись сладкому ощущенію гармоніи, среди величественнаго явленія божественной службы, я нѣсколько минутъ находился въ очаровательномъ забвеніи.... Товарищъ разбудилъ меня, и напомнилъ, что намъ много еще чего надобно смотрѣть въ городѣ, а потому должно дорожить временемъ.

Отсюда поѣхали мы въ Пантеонъ Скульптуры, гдѣ любовались изящными произведеніями искуснаго рѣзца. Мраморъ одушевлялся въ изображеніяхъ Аякса и Патрокла, въ Лаокоонѣ съ дѣтьми, въ Тезеевой головѣ; но особенно обратилъ на себя наше вниманіе Аполлонъ Бельведерскій. Какая анатомическая правильность въ мускулахъ! естественность выраженія! чистота въ отдѣлкѣ! какое грозное и вмѣстѣ прекрасное лицо возмужалаго юноши, пустившаго стрѣлу въ Пиѳона! Еще лѣвая рука его крѣпко сжимаетъ лукъ, еще брови не распрямились отъ гнѣва, ноздри не опустились отъ негодованія, и послѣдняя черта презрѣнія еще осталась на нижней губѣ. — Насъ остановила гораздо долѣе передъ собою стыдливая Венера Медицейская: сколько совершенствъ въ ея округлостяхъ!... Стоило-бы только каплю кармина развести по ней, и она казалась-бы оживленною: мраморъ

дышитъ жизнію; кажется, груди ея тихо колеблются; кажется, вѣетъ аромать ея дыханія; кажется.... извѣстно, какъ пылко воображеніе молодыхъ людей: оно далеко заводитъ въ мечтанія. Чтобы не раздражить своей чувствительности, мы съ товарищемъ отошли отъ этой очаровательницы къ другой Венерѣ, смотрящейся черезъ плечо назадъ, и въ этой встрѣтили не менѣе привлекательности. Здѣсь представилось новое изящество творческой силы рѣзца: онъ далъ столь естественную гибкость ея членамъ, особенно шейкѣ, ручкамъ и груди, что не знаешь, которой изъ двухъ Венеръ отдать преимущество: одна плѣнительна въ Европейскомъ, а другая въ Азіятскомъ вкусѣ.... Амуръ и Психея весьма мило обнимались; особенно ласки Псисеи, касающейся правою рукою подбородка своего любезнаго, и смотрящей ему съ улыбкою въ глаза, изображены прелестно. Мы не могли довольно всѣмъ налюбоваться. «Жаль, что столько прекрасныхъ существъ не воскресаютъ изъ очаровательнаго окаменѣнія » — сказалъ я почтенному Нѣмцу смотрителю. Онъ улыбнулся за комплиментъ, и отвѣчалъ, что тутъ осталось только посредственное, а все лучшее перевезено въ крѣпость Кенигштейнъ.

Отсюда мы хотѣли побывать въ Кар-

тинной Галлереѣ, въ Зеленой Палатѣ (Grüne Gewölbe), гдѣ собраны всякихъ родовъ драгоцѣнности, въ Королевской Библіотекѣ; но намъ сказали, что все это заперто, и при нынѣшнихъ обстоятельствахъ не всякому позволяется входить туда, особенно военнымъ чужеземцамъ. — Жалкая предосторожность!

Не только галлереи, но и лавки, магазины, все было заперто; Саксонцы опасались, чтобы Рускіе, увидя товары и все хорошее, не бросились грабить ихъ: они были слишкомъ предубѣждены противъ насъ.

Насмотрѣвшись на изваянія въ Пантеонѣ Скульптуры, мы увидѣли послѣ живые идеалы въ прелестныхъ Саксонкахъ, которыя мимо насъ порхали съ бѣлыми, румяными личиками, и были столько привлекательны, что не одну-бы изъ нихъ желали мы посмотрѣть въ образѣ той или другой Венеры.

На возвратномъ пути встрѣтили мы входящую парадно въ городъ кавалерію нашего авангарда: къ ней стекалась со всѣхъ сторонъ толпа любопытныхъ жителей. Малороссійскіе Казаки, въ сѣрыхъ кафтанахъ, съ клѣтчатыми платочками на шеѣ и съ мѣшечками у сѣделъ, на тощихъ клячахъ, казались Саксонцамъ

довольно забавными; смотря на нихъ, они посмѣивались.

8-го Апрѣля приказано было войскамъ подойдти къ Дрездену и приготовиться для церемоніяльнаго вшествія. Мы стали передъ Новымъ городомъ и, вмѣстѣ съ пѣхотою, ожидали приказанія тронуться. Войски одѣлись довольно опрятно, сколько можно было послѣ похода; ясная погода благопріятствовала чистотѣ наряда. Между тѣмъ любопытные сходились смотрѣть насъ. Одинъ почтенный Нѣмецъ, съ тремя малютками, подошелъ къ моимъ пушкамъ, и, разсматривая ихъ, вступилъ со мною въ разговоръ: спрашивалъ, какого калибра орудія, гдѣ они выливаются, какого вѣса заряды, и проч.; хвалилъ чистоту отдѣлки лафетовъ, однако замѣтилъ, что они должны быть тяжелы, потому что кругомъ вездѣ желѣзо. Я спросилъ его, съ кѣмъ имѣю честь говорить? Старикъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ учитель Артиллеріи въ Королевско-Военной школѣ, пришелъ нарочно объяснить ученикамъ своимъ различіе, и, если можно, превосходство Русской артиллеріи надъ Французскою. Я опять спросилъ его, какого онъ объ этомъ мнѣнія? — «Ваша Артиллерія красивѣе—отвѣчалъ онъ:—о прочемъ, не зная основательно, не могу судить вѣрно; но

извѣстно, что Русскіе артиллеристы храбры.» — Я отвѣсилъ ему пренизкій поклонъ.

Вдругъ все зашевелилось: побѣжали къ своимъ мѣстамъ. Пѣхота построилась побатальонно въ колонны; между ними стала артиллерія по два орудія; ударили въ барабаны, заиграла музыка, и мы потянулись парадно черезъ Новый городъ, потомъ черезъ мостъ. Множество народа всякаго званія высыпало на улицы смотрѣть насъ. Окна домовъ наполнились головками черными, сѣдыми, рыжими, въ парикахъ подъ пудрою, въ чепчикахъ, и подъ гребенками; между послѣдними выказывались иногда миленькія лица. На площади, передъ соборомъ, войски дефилировали мимо Корпуснаго Командира Генерала отъ Инфантеріи Милорадовича, окруженнаго блестящею свитою. Саксонцы смотрѣли на насъ, какъ на чудо. Казалось, вся Саксонія удивлялась силамъ Царя Русскаго, смотря на крѣпкихъ тѣломъ и духомъ сыновъ Сѣвера, и едва вѣрила, чтобы Россійское воинство могло быть столь благоустроенно и красиво.

Мы прошли черезъ весь Старый городъ, который точно былъ старъ: улицы въ немъ неправильныя, довольно узкія, а каменные высокіе домы закоптѣли отъ древности. За городомъ остановили насъ въ

предмѣстіи Фридрихштатъ, гдѣ вправо увидѣли мы огромное строеніе съ Русскою на воротахъ золотою надписью: *Потѣшныя Палаты Его Королевскаго Высочества Князя Максимиліана.* Широкій ровъ отдѣлялъ это зданіе отъ густой каштановой аллеи. Мы не могли понять, что это за Русскій Князь Максимиліанъ.

Офицерамъ отводили особенныя каждому квартиры, въ большихъ домахъ, по билетамъ изъ ратуши; солдатъ становили вмѣстѣ по два, по три, иногда по шести, смотря по достатку хозяевъ, также по билетамъ, которые получались за день впередъ нашими квартиргерами. Тутъ солдатушки Русскіе садились за столы, накрытые скатертями; вмѣсто артельной чаши, передъ каждымъ становили кувертъ съ салфеткою; кушали они супъ сребровидными ложками изъ фаянсовыхъ тарелокъ; жаркое съ салатомъ учились брать вилками, и пили пиво кружками. Служивые, посмѣиваясь между собою, говорили, что въ такой чести и дѣды ихъ не бывали; Саксонцы-же удивлялись аппетиту ихъ, смотря какъ они кушали и выпивали, втрое болѣе, нежели сколько опредѣлялось по Нѣмецкой разсчетливости.

Мнѣ отвели квартиру у медика. Комната моя была наполнена книгами объ Ана-

шомiи, Акушерствѣ, Хирургiи, Фармакопеѣ, Ботаникѣ, Энциклопедiи, большею частiю на Латинскомъ языкѣ. Хозяинъ не являлся, но когда надобно было приготовить обѣденный столъ, то вошла хозяйка, пожилая женщина, и съ нею молодая прекрасная дѣвушка. Онѣ сами накрыли мнѣ столъ, и дѣвушка носила кушанье. Она была такъ прекрасна и благородна, что я совѣстился принимать услуги отъ этой милой особы, которой самъ охотно-бы желалъ прислуживать. Это не простая была служанка, но дочь самого хозяина. Такимъ образомъ, во всей Саксонiи прислуживали намъ за обѣдомъ милыя дѣвушки, хозяйскiя дочери, или воспитанницы. За всякое приносимое блюдо я вставалъ со стула, благодарилъ ее, извинялся въ томъ, что невольно явился незваннымъ гостемъ, говорилъ комплименты; она отвѣчала мнѣ только улыбкою, но эта улыбка и взоры изъ голубыхъ очей ея были вкуснѣе тѣхъ сочныхъ карповъ, которыми она меня угощала!

Въ такомъ городѣ, каковъ Дрезденъ, столицѣ Саксонiи, вмѣщающемъ до 60,000 жителей, надобно было все осмотрѣть, сколько время позволяло. И такъ, ввечеру, пошелъ я въ театръ. Чтобы позабавить Руских, режиссеръ вздумалъ сыграть для

смѣха оперу *Рохусъ Помперникель*, наполненную дурачествами. Аріи въ ней были набранныя, и музыка составная изъ разныхъ пьесъ. Рохусъ, въ зеленомъ мундирѣ съ краснымъ воротникомъ, явился на сцену верхомъ; потомъ, увѣшанный колбасами и сосисками, плетью гонялъ отъ себя мальчиковъ, дразнившихъ его будто-бы на улицѣ, въ городѣ, куда онъ пріѣхалъ. Рохусъ много дурачился, какъ наши паяцы на качеляхъ, пѣлъ довольно замысловатыя аріи, и одну даже невѣжливую, въ которой женскую красоту (конечно національную) сравнивалъ съ картофелемъ. Смыслъ пѣсни заключался въ насмѣшкахъ надъ непрочностью женской красоты, надъ вѣтренностью, непостоянствомъ женщинъ и проч., такъ, что рондо каждаго куплета оканчивалось *картофелемъ*. Однако немногимъ изъ Рускихъ зрителей нравилось дурачество Рохуса, который, впрочемъ, игралъ лучше другихъ актеровъ. Послѣ оперы представляли жалкій балетъ, въ которомъ двѣ малютки прыгали и вертѣлись какъ попало. Я ни мало не ожидалъ увидѣть столь дурную игру на Дрезденскомъ театрѣ; или, можетъ быть, Саксонцы не полагали, чтобы Руские стоили чего-нибудь лучшаго. Такое мнѣніе относилось болѣе къ грубому невѣдѣнію Саксонцевъ о Россіи: они точно

были слишкомъ предубѣждены, и почитали насъ непросвѣщенными, варварами; но мы на каждомъ шагу въ томъ разувѣряли ихъ.

Въ театрѣ публика собралась значительная, кажется, не столько для пьесы, какъ для Русскихъ зрителей: офицеры изъ цѣлаго Корпуса не преминули быть въ театрѣ. Угрюмые Нѣмцы сидѣли въ шляпахъ, по образцу Французской вольности; но мы почитали это невѣжливостію тамъ, гдѣ вмѣстѣ съ нами, въ креслахъ и въ ложахъ, находились пригожія, по видимому, благородныя дамы. Можетъ быть, Саксонцы приглядѣлись къ своимъ красавицамъ, и, можетъ быть, не безъ причины уподобляютъ непрочность ихъ красоты, этого дара природы, картофелю: онъ точно твердъ и свѣжъ, когда еще не въ огнѣ; но послѣ хорошаго кипятка, мякнетъ и распадается. Всякой свое лучше знаетъ, и Нѣмцы справедливѣе насъ могутъ судить о Нѣмецкой красотѣ.

Не дали намъ довольно позабавиться въ Дрезденѣ. 9-го Апрѣля Корпусъ выступилъ къ Альтенбургу. Я однако нашелъ случай остаться въ городѣ на нѣсколько часовъ. По выходѣ войскъ, лавки и магазины съ товарами открылись; я купилъ себѣ нотъ и нѣсколько иллюминованныхъ видовъ окре-

стностей Дрездена и береговъ Эльбы. Для обѣда зашелъ въ ресторацію, гдѣ засталъ много Русскихъ офицеровъ и молодыхъ Саксонцевъ, уже сидѣвшихъ за столомъ; столовая была не обширна, но меблирована отлично, съ прекрасными картинами и зеркалами. За четыре хорошо приготовленныя блюда кушанья, стаканъ Бургонскаго и чашку кофе, я заплатилъ полталера, и признаюсь, что нигдѣ не платилъ такъ дешево за хорошій обѣдъ. Наши офицеры были очень скромны; въ общей бесѣдѣ не было ничего замѣчательнаго. Послѣ обѣда посѣтилъ я кандитерскую; тутъ прочиталъ нѣсколько страницъ изъ Франкфуртской газеты, которая угрожала Европѣ несмѣтными силами Императора Наполеона; внушаемый ею страхъ къ великому завоевателю я старался запивать шоколадомъ, и спѣшилъ возвратиться къ своимъ, чтобы не опоздать къ дѣлу.

Ѣхавши верхомъ, я могъ свободно любоваться окрестностями по ту сторону Дрездена. Тогда весна уподоблялась пятнадцатилѣтней дѣвушкѣ съ юными прелестями: возвышенныя долины покрывались яркою зеленью озимаго хлѣба; деревья въ половину отцвѣтали и готовили плоды въ безчисленныхъ завязяхъ; жаворонки, одинъ передъ другимъ, возносясь къ небу, трепетали

въ воздухѣ и соревновались мелодіею. Кресшьянскіе домы за городомъ огромные, и каждая деревня, съ кирпичными кровлями, уподобляется городу. Вотъ гдѣ благоденствуетъ народъ, думалъ я; наружность тутъ не обманчива; это не театральное представленіе декорацій. Тутъ повсюду встрѣчаешь существенность благосостоянія: не видишь скудныхъ хижинъ, едва примѣтныхъ надъ землею; не видишь искаженныхъ нуждою и бѣдствіями лицъ, или чертъ, запечатлѣнныхъ пороками. Тутъ все улыбается, кромѣ угрюмыхъ Нѣмцевъ, отягощенныхъ обстоятельствами времени. Теперь они не могутъ быть спокойны духомъ, теряя свое достояніе безполезными жертвами настоящему; но пусть только озаритъ ихъ солнце мира, и тогда лица ихъ снова разцвѣтутъ веселіемъ.

Отъ Дрездена переходъ былъ до Фрейберга, стариннаго, довольно обширнаго города, окруженнаго каменною стѣною съ башнями, и лежащаго на вершинѣ р. Мульды, по горѣ, надъ рудниками, въ которыхъ добываютъ желѣзо, свинецъ, серебро и золото. Въ городѣ есть славное училище Минералогіи, и превосходныя заведенія выдѣлки металловъ. Весь городъ съ окрестностями подрытъ на нѣсколько миль рудокопами, которые живутъ съ семействами

въ подземельѣ, лѣтъ по пятнадцати не выходя на свѣтъ; ремесло ихъ переходитъ отъ отца къ сыну, такъ какъ и вообще всѣ ремесла въ Германіи, большею частію наслѣдственныя: отецъ научаетъ сына быть хорошимъ ремесленникомъ, который, улучшая ремесло, передаетъ его своему сыну, и такъ далѣе; всякое художество, достигая совершенства, прославляетъ фамилію мастера. Тамъ нѣтъ глупаго домогательства въ дворяне. — Фрейбергскіе рудники приносятъ Правительству ежегодно дохода на 22 милліона талеровъ. Глубина перваго спуска простирается на 900 ступеней. Я не имѣлъ времени побывать въ рудникахъ, и осмотрѣть всѣ заведенія, а потому довольствовался только разсказами своего хозяина, который, какъ и всѣ здѣшніе жители, принялъ насъ почтительно.

Отсюда шли мы по высотамъ предгорій, простирающихся отъ большихъ рудокопныхъ горъ Богеміи (Erzgebirge). Здѣсь стало холоднѣе, и, казалось, мы опять приближаемся къ Сѣверу. Для ночлега расположились въ предмѣстіи города Хемница, гдѣ находилась корпусная штабъ - квартира. Жители, въ честь Генералу Милорадовичу и для удовольствія офицеровъ, сдѣлали балъ.

Во время дневки я цѣлый день провалялся съ лихорадкою. Не только солдаты, даже офицеры стали у насъ хворать отъ перемѣны воздуха и пищи. Я занемогъ еще въ Дрезденѣ, но мало занимался своею болѣзнію, которая теперь усилилась.

Между тѣмъ слухи удостовѣряли насъ о сближеніи съ непріятелемъ. 50,000 Баварцевъ, у своей границы, отъ которой мы находились за два перехода, готовы были насъ встрѣтить. Авангардъ нашъ уже имѣлъ сшибку съ ними, и мы видѣли провезенные трофеи: двѣ пушки и четыре повозки съ ружьями. Саксонскіе поселяне прогнали нѣсколько партій плѣнныхъ Баварцевъ. Все предвѣщало близкую войну; мы готовились опять участвовать въ кровопролитныхъ битвахъ, но уже — за свободу Германіи.

13-го Апрѣля здѣсь встрѣтили мы первый день Св. Пасхи. По случаю этого праздника, или по другимъ обстоятельствамъ, только нашъ Корпусъ не двигался съ мѣста. Кому праздникъ, а у меня сдѣлалась горячка; я цѣлый день провалялся въ сильномъ жару, съ головною болью. Не имѣя чѣмъ утолить жажду, я пилъ кислое вино съ водою, которое еще болѣе усиливало жаръ во мнѣ. Къ вечеру артиллерію нашу перевели не далеко въ сел. Гельберсдорфъ.

Въ слѣдующій день перевели насъ опять въ городъ, на лучшія квартиры. Для меня было мученье таскаться съ мѣста на мѣсто. Теперь досталась мнѣ хотя чистая и свѣтлая комната, у фабриканта ситцевъ и холстинокъ; но за то вѣчный шумъ воды и стукъ машинъ при его домѣ не давали мнѣ покоя. Хозяинъ, добрый Нѣмецъ, принялъ участіе въ моемъ положеніи, привелъ городскаго лекаря, который убѣдилъ меня пользоваться его медикаментами.

Къ счастію моему, еще два дни войски оставались на мѣстѣ, и я въ продолженіе этого времени получилъ облегченіе. Съ удовольствіемъ видѣлъ, какъ въ моей комнатѣ, за большимъ станкомъ, восемь пригожихъ дѣвушекъ рисовали по ситцу разные узоры яркими, ѣдкими красками, химически для сего приготовленными. Любуясь ими, я забывалъ свою болѣзнь; въ разговорахъ съ ними слышалъ довольно замысловатые вопросы, шутки, и стыдился своего нездоровья. Кажется, присутствіе милыхъ дѣвушекъ, развеселяя духъ мой, послужило не мало къ возстановленію моего здоровья.

Потомъ я былъ въ состояніи выйдти изъ квартиры, прогуляться и осмотрѣть городъ. Онъ мнѣ очень понравился чисто-

тою строеній и дѣятельностію жителей, которые, почти всѣ, были ремесленники. Въ городѣ есть бумажныя, ситцовыя и полотняныя фабрики. Хемницъ лучше Гёрлица, но менѣе Бауцена, хотя также окруженъ каменною стѣною, по обычаю всѣхъ городовъ Германіи, еще со временъ феодализма и рыцарскихъ разбоевъ; но полуразвалившіяся стѣны его могутъ нынѣ защищать только отъ сильныхъ вѣтровъ, а не отъ нашествія непріятеля; во рвахъ вездѣ разведена овощная зелень.

Кажется, нынѣшніе Германцы отличаются отъ грубыхъ предковъ своихъ образованностію и трудолюбіемъ; уже *кулачное право* (Faustrecht) замѣнилось просвѣщеніемъ въ дворянахъ, а ремесла и торговля укрѣпили буйную нравственность въ низкомъ классѣ народа. Нынѣ Германцы дорожатъ временемъ, трудятся, какъ пчелы, и будучи строги для себя въ будніе дни, наслаждаются отдохновеніемъ только по праздникамъ: гуляютъ въ загородныхъ садахъ, гдѣ каждый находитъ свой кругъ пріятелей; бомбардируя трубками Европейскую политику, они мирятъ за столомъ воюющія державы, и опредѣляютъ границы государствъ пролитымъ пивомъ. Нѣмки довольно церемонны; стараясь плѣнять вынужденною улыбкою и выискан-

ными пріятностями, онѣ всегда жеманны; по ихъ стыдливой скромности и потупленнымъ взорамъ можно-бы каждую почесть Весталкою; но пламя вѣчнаго огня, къ сожалѣнію, у нихъ никогда не возгорается.... Всѣ онѣ весьма привлекательны, и столько чувствительны ко вздохамъ, что не выдерживаютъ смѣлыхъ атакъ обольстителей. Въ городахъ Саксоніи не видно ни лоскутьевъ на людяхъ, ни бѣдныхъ, полуразвалившихся хижинъ. Въ этомъ, кажется, полиція довольно строга; даже не позволяетъ таскаться по улицамъ тунеядцамъ: всякому празднотающемуся есть мѣсто и работа, и всякой признакъ бѣдности прикрытъ благовидностію. Нѣтъ унылаго опустѣнія въ развалинахъ; все дурное прибрано къ мѣсту; не видно безобразныхъ нищихъ, изуродованныхъ развратомъ; не видно преступниковъ въ тяжкихъ цѣпяхъ, подъ стражею шпыковъ собирающихъ по улицамъ милостыню. Ничто не напоминаетъ о бѣдствіяхъ человѣческихъ; все въ обновленіи, все улыбается. Вотъ гдѣ видно благоустройство и мудрость правителей.

Въ предмѣстіи, на улицѣ, называемой Никольскою (Niclas-Gasse), находятся иску-

ственныя минеральныя воды (*). Въ саду одного загороднаго дома устроена обширная, красивая галлерея, со многими комнатами, обсаженная кустами и деревьями пріятной зелени; внутри поставлено шесть ваннъ, и при входѣ въ каждую печатная у дверей табель показываетъ цѣну за каждую ванну минеральной воды: Карлсбадской, Ахенской, Пирмонтской, сѣрной, желѣзной, и проч. На пробу я просилъ сдѣлать себѣ ванну желѣзной воды; для этого всыпали въ нее мѣру, гарнца въ два величиною, какого-то желтаго состава, на подобіе охры, и потомъ впустили холодной воды. Я заплатилъ 9 грошей (40 копѣекъ), и воображалъ, что сижу въ минеральной водѣ. Кромѣ обыкновенной свѣжести послѣ купанья, я не чувствовалъ никакого дѣйствія отъ этой желѣзной ванны; можетъ быть полный курсъ леченія доставилъ-бы пользу. Для укрѣпленія желудка, послѣ ваннъ, предлагаютъ шоколадъ, кофе, вино, или закуску и всякое лакомство. Въ праздничные дни собираются сюда здоровые для прогулки, иногда купаются, но дѣйствительно больныхъ никогда не бываетъ; можетъ быть

(*) Не оттуда-ли онѣ перешли и къ намъ въ Москву?

одно присутствіе этихъ ваннъ изгоняетъ болѣзни, или шарлатанству заведенія истинно больные не довѣряютъ.

Здѣсь въ первый разъ замѣтилъ я обычай Нѣмецкихъ городовъ: въ праздничные дни собираются молодые школьники во фракахъ и въ черныхъ плащахъ; они ходятъ съ нотами по городу, почти передъ каждымъ большимъ домомъ останавливаются, и поютъ хоромъ духовныя кантаты, соображаясь съ лѣтами и званіемъ хозяина. Такимъ образомъ, безъ стыда, собираютъ они отъ каждаго дома по нѣскольку грошей, для того чтобы ввечеру погулять въ саду и выпить кружку пива.

Еще разъ жители Хемница сдѣлали балъ для Русскихъ офицеровъ. Я, по слабости своей отъ болѣзни, не могъ участвовать въ общемъ удовольствіи, и не смотря на присланный мнѣ билетъ, по неволѣ отказался отъ бала, потому что больное и печальное лицо, между здоровыми и веселыми, бываетъ въ тягость себѣ и другимъ.

17-го Апрѣля, войски нашего Корпуса выступили изъ Хемница и пришли въ м. Линценау, лежащее въ горахъ. Мѣстоположеніе живописное; городокъ стелется по каменистой отлогости. Долго я не сходилъ съ пригорка, и, любуясь видомъ, хотѣлъ срисовать его; но къ несчастію потерялъ

карандашъ. Въ утѣшеніе за эту потерю купался въ прозрачныхъ струяхъ быстрой рѣчки.

Между тѣмъ слухи были, что непріятель близко, и мы идемъ къ нему на встрѣчу.

18-го Апрѣля хотѣли дневать, но вдругъ, въ 10 часовъ утра, сказанъ былъ походъ, и мы продолжительнымъ грязнымъ путемъ, около пяти миль (35 верстъ), пришли въ полночь въ д. Минцо, близъ гор. Альтенбурга. Отъ множества пришедшей прежде насъ въ деревню пѣхоты, я съ трудомъ отыскалъ себѣ хижину для ночлега. Во весь переходъ мочилъ насъ дождь, а ночь была такъ темна, что не видать своего носа; мы съ трудомъ переходили черезъ мостики. На бѣду, въ одномъ мѣстѣ пушка перевернулась въ канаву, и около двухъ часовъ я провозился съ канонерами, среди темноты и дождя, чтобы ее вытащить. Такимъ образомъ начались для насъ опять труды и нужды.

Въ слѣдующій день прошли мы черезъ гор. Пенигъ, Альтенбургскаго округа. Тутъ войски оставили всѣ тяжести съ обозами: это значило, мы приближаемся къ непріятелю. Жители здѣсь бѣднѣе Саксонцевъ, и одѣваются весьма странно, по какой-то стародавней формѣ своихъ

прадѣдовъ; они настоящіе старообрядцы въ отношеніи къ прочимъ народамъ Германіи. Женщины носятъ кирасы, или деревянные щиты на груди, отъ шеи до пояса, что весьма ихъ безобразитъ; на головахъ черныя конусомъ каски, наклоненныя къ затылку, юпки на фижмахъ до колѣнъ, ноги обнаженныя. Мужчины въ куртшкахъ на распашку, и въ черныхъ шароварахъ, висящихъ сверхъ длинныхъ сапоговъ, какъ у нашихъ Малороссійскихъ погонщиковъ; головы покрываютъ круглыми шляпками, на подобіе цирюльничьихъ блюдечекъ.

За городомъ войски построились въ боевыя колонны; на пути нѣсколько разъ становились мы въ боевыя позиціи; казалось, ожидали встрѣчи съ непріятелемъ.

На ночь пришли въ д. Вильхвицъ, и расположились въ квартирахъ. Тутъ все во вкусѣ національномъ, старое и почернѣвшее отъ ветхости; только у Альтенбургцевъ хозяйство еще обширнѣе, нежели у Саксонцевъ.

У всѣхъ Нѣмцевъ есть обычай (съ чего взяли примѣръ и наши Жиды) спать, вмѣсто одѣялъ, подъ перинами. Я въ первый разъ попробовалъ здѣсь уснуть подъ периною, но по утру такъ ослабѣлъ, что едва могъ въ продолженіе дня оправиться. По моему мнѣнію, Нѣмцы отъ того бываютъ

хилы и слабы, что спятъ подъ перинами, которыя нѣжатъ тѣло, и, производя сильную испарину, истощаютъ его.

20-го Апрѣля, 12,000-й Корпусъ Генерала Милорадовича, въ боевомъ порядкѣ, прошелъ черезъ Альтенбургъ къ Цейтцу. Альтенбургцы, видя грозныя силы Русскія, прятались въ домахъ и не показывались на улицахъ. Городъ большой; строенія очень ветхи отъ своей древности, такъ-же какъ и жители. При городѣ есть большой Герцогскій замокъ.

На пути къ Цейтцу слышали мы вправо сильную канонаду, продолжавшуюся до самаго вечера: это было дѣйствіе генеральнаго сраженія при Люценѣ.

Не доходя версты двѣ до Цейтца, войски стали на биваки, въ боевомъ порядкѣ; корпусная квартира расположилась въ городѣ; авангардъ пошелъ вправо, по направленію къ Люцену, отъ котораго мы находились на одинъ небольшой переходъ.

По всему казалось, что намъ не миновать встрѣчи съ непріятелемъ, и войски стояли въ ежеминутномъ ожиданіи. Слыша безпрерывную вдали канонаду, и будучи такъ близко отъ мѣста сраженія, мы думали, что скоро позовутъ и насъ для рѣшительнаго удара, ибо находились въ закрытіи противъ праваго непріятельскаго

фланга. Солдаты, пришедши на мѣсто и сложивъ ружья въ козлы, долго не расходились для устроенія себѣ бивачныхъ шалашей, долго не начинали варить кашицы, покуда не пришло повторительное приказаніе. Воображая ужасное кровопролитіе, они, казалось, желали участвовать въ бою своихъ товарищей. Но когда день склонился къ вечеру и канонада затихла, тогда войски нашего Корпуса увѣрились, что ихъ не позовутъ до утра. Съ наступленіемъ ночи вдругъ услышали возобновившуюся канонаду; пламя изъ пушекъ отъ каждаго выстрѣла отражалось въ небѣ отблескомъ молніи; по этому пламени, которое безпрерывно являлось и исчезало въ черномъ небѣ, замѣтно было усиліе наступающаго непріятеля и отступленіе союзниковъ. Тогда участь сраженія насъ потревожила; мы не могли уснуть спокойно; извѣстія о сраженіи не было; всѣ удивлялись, какъ Наполеонъ такъ скоро могъ сформировать армію!

На другой день каждый любопытствовалъ знать о дѣйствіи и послѣдствіяхъ вчерашняго сраженія; оно было очень жаркое и отчаянное съ обѣихъ сторонъ. Нашъ Императоръ и Наполеонъ находились подъ выстрѣлами. Французовъ сначала сбили въ центрѣ, и самъ Наполеонъ былъ въ опас-

ности, однако онъ успѣлъ поправиться, выставивъ страшную батарею о 80 пушкахъ противъ наступающихъ колоннъ, и употребивъ въ дѣло гвардію. Пруссаки на первый разъ весьма отличились; они взяли батарею. Французы были-бы совершенно разбиты, но, при наступленіи ночи, Вице-Король Итальянскій, съ своимъ Корпусомъ войскъ, подоспѣлъ отъ Лейпцига и ударилъ на правый флангъ Союзниковъ, которые принуждены были уступить ему занятое мѣсто. Ночью, девять эскадроновъ Прусскихъ кирасировъ ударили на правый флангъ Французовъ, сбили всю ихъ пѣхоту и заставили ее бѣжать; но по причинѣ темноты ночной, эта атака не произвела никакихъ послѣдствій. Разсказывали также, что на первый разъ между нашими и Прусскими войсками происходили ошибки: одни другихъ принимали за непріятелей. Прусская кавалерія бросилась было на нашихъ гвардейцевъ, и потеряла въ этой ошибкѣ болѣе сотни людей, а наша пѣхота напала на Прусскихъ волонтеровъ, принявъ ихъ за непріятельскихъ егерей, при чемъ также обошлось не безъ урона, покуда не узнали другъ друга. Говорили, что Французы дрались, какъ школьники, настращенные строгимъ и сердитымъ учителемъ. Уронъ съ обѣихъ сто-

ронъ былъ значительный; Принцъ Гессенъ-Гомбургскій, со стороны Пруссаковъ, убитъ, Генералы Блюхеръ и Коновницынъ ранены. Впрочемъ Наполеонъ имѣлъ болѣе войска, нежели Союзники; но по недостатку въ кавалеріи онъ не могъ имѣть преимущества и довершить побѣду; онъ долженъ былъ довольствоваться тѣмъ, что заставилъ Союзниковъ ретироваться за Эльбу.

ГЛАВА IV.

ОТЪ ЛЮЦЕНА ДО БАУЦЕНА.

Начало ретирады. — Сшибки въ аррiергардѣ. — Переходъ черезъ Дрезденъ. — Убiйственная канонада. — Отступленiе. — Приключенiе съ Фигнеромъ. — Дѣйствiе авангарда предъ Бауценомъ.

21-го Апрѣля, Корпусъ Генерала Милорадовича отъ Цейтца пошелъ къ Пегау, и, не доходя за милю, присоединился къ Большой армiи, которая тутъ маневрировала, избирая боевыя позицiи; она вскорѣ потомъ перешла чрезъ р. Эльстеръ, а нашъ Корпусъ остался въ аррiергардѣ. Непрiятель насъ не тревожилъ, однако для безопасности и мы перешли рѣчку по плотинѣ; тутъ выбирали и часто перемѣняли позицiи; наконецъ въ полночь пришли къ м. Фронбургу, выходивши въ продолженiе дня до 40 верстъ.

Отсюда принялись мы опять за старое: ретироваться. Причиною отступленiя, какъ говорили, былъ недостатокъ въ огнестрѣльныхъ снарядахъ: войски наши, покуда не встрѣтились съ Наполеономъ,

такъ скоро шли впередъ, что парки и транспорты не поспѣвали за ними; но главнѣйшею причиною ретирады полагали кончину Фельдмаршала нашего, Князя Кутузова-Смоленскаго, которая случилась за три дни до Люценскаго сраженія. Всѣ съ горестію приняли эту вѣсть, и навѣрное ожидали, что Наполеонъ снова восторжествуетъ: началомъ этого была наша ретирада. Сверхъ того войски не знали, кто дѣйствительно былъ Главнокомандующимъ послѣ Свѣтлѣйшаго; одни почитали Графа Витгенштейна, другіе Милорадовича, какъ старшаго по службѣ; нѣкоторые утверждали, что самъ Императоръ нашъ принялъ званіе Генералиссимуса надъ всѣми Союзными войсками. Вскорѣ послѣ того слышно было, что Корпусный Командиръ нашъ Генералъ Милорадовичъ, по какому-то неудовольствію, намѣренъ былъ уѣхать изъ арміи на воды; Руские любили его, и полагали на него большую надежду, какъ на современника и ученика Суворова. Такія обстоятельства, всѣ вмѣстѣ съ началомъ ретирады, произвели опять въ войскахъ уныніе.

Въ слѣдующій день, арріергардъ нашъ пришелъ къ м. Рохлицъ. По прежнему начали мы становиться на бивакахъ, а не въ квартирахъ. Противъ насъ, въ непріятель-

скомъ авангардѣ, находился Корпусъ Вице-Короля. Пруссаки отъ Пегау пошли къ Мейссену, а мы взяли направленіе къ Дрездену.

Какъ скучна ретирада! Жители вездѣ прячутся, а которые и являются, то съ печальными лицами и слезами: они не хотѣли разставаться съ нами, опасаясь мщенія Французовъ. Многіе уѣзжали съ имуществомъ, оставляя домы впустѣ, и тѣмъ напоминали намъ горестную ретираду въ Россіи. Досадно было видѣть отступленіе войскъ, а еще непріятнѣе смотрѣть на отчаяніе жителей, терпящихъ раззореніе отъ неизбѣжныхъ бѣдствій войны. Избаловавшимся нѣсколько на квартирахъ, Цыганская жизнь въ бивакахъ опять весьма не нравилась намъ. Болѣзни во время похода заставили насъ не мало людей оставить въ разныхъ госпиталяхъ, такъ что рота артиллеріи, въ которой я служилъ, могла дѣйствовать только полуротою.

23-го Апрѣля, перешедъ за м. Рохлицъ, стали мы въ боевую позицію; около полудни услышали вправо, въ арріергардѣ Пруссаковъ, канонаду. Въ Кольдицѣ, за р. Мульдою, они хотѣли остановить стремленіе непріятелей, но Французы переправились въ бродъ и вытѣснили Пруссаковъ,

между тѣмъ какъ мы оставались еще при Рохлицѣ; такимъ образомъ они были у насъ во флангѣ, и хотѣли пресѣчь намъ путь къ Вальдгейму. Уже непріятельская кавалерія показалась у насъ на правомъ флангѣ, въ лѣсистой лощинѣ; мы прибавили рыси. Генералъ Милорадовичъ тотчасъ сдѣлалъ надлежащее распоряженіе для удержанія Французовъ: въ подкрѣпленіе Пруссакамъ, при д. Герсдорфѣ, онъ послалъ отрядъ съ Графомъ Сенъ-При, который упорно выдерживалъ стремленіе Французовъ; въ арріергардъ, къ Генералу Корфу, также послалъ подкрѣпленіе; послѣ чего вдругъ увидѣли мы, что Французы были остановлены. Въ это самое время проѣзжалъ мимо артиллеріи нашъ Баярдъ, на котораго солдаты всегда взирали съ уваженіемъ; одинъ глазъ у него былъ перевязанъ бѣлымъ платкомъ. Кому-то въ отдаленіи онъ говорилъ довольно важно: «Сенъ-При послалъ я на встрѣчу; Корфу «велѣлъ, чтобы онъ не торопился, и не-«пріятель—остановился!» — Это магическое изрѣченіе многіе слышали и затвердили; точно, Французы не двигались съ мѣста, и мы благополучно перешли м. Вальдгеймъ. Арріергардъ, оставшійся по ту сторону мѣстечка, удерживалъ съ большимъ усиліемъ стремящагося непріятеля; въ ви-

ду нашемъ дымилась канонада, и Французы, не смотря на многочисленность пѣхоты своей, принуждены были остановиться. Говорили, что если-бы мы опоздали еще однимъ часомъ, то они прежде насъ заняли-бы мѣстечко; эта форсировка стоила имъ потери нѣсколькихъ зарядныхъ ящиковъ, но они сами отняли у Пруссаковъ четыре пушки. Молодые воины Наполеоновы, не взирая на ихъ юность, дрались отчаянно, и будучи ободрены нашимъ отступленіемъ, лѣзли впередъ, какъ бѣшеные.

Въ полночь, нашу артиллерію, находившуюся въ резервѣ, повели къ м. Росвейну; пѣхота оставалась на мѣстѣ, но вскорѣ и она пришла туда-же.

Въ слѣдующій день, не доходя версты двѣ до м. Носсена, сдѣлали мы привалъ; потомъ, перейдя ручей около мѣстечка, отошли верстъ семь и расположились биваками для ночлега. Непріятель не слишкомъ горячился. Мѣстоположеніе отъ самаго Рохлица гористое, съ частыми пролѣсками; грунтъ земли каменистый, особенно около Вальдгейма, который стоитъ на скалахъ; при военныхъ дѣйствіяхъ мѣста большею частію закрыты, и способны только для стрѣлковъ. Раззоренные жители убѣгали отъ насъ, такъ-же скоро какъ прежде усердно встрѣчали.

Потомъ Французы стали наступать на насъ. Шесть орудій нашей роты изъ резерва послали въ арріергардъ ; мы заняли мѣсто въ боевой позиціи и приготовились. Однако Французы не тронули нашего фронта, прикрытаго ручьемъ, а усиливались противъ праваго фланга , и стали тѣснить его. Уланы съ конною артиллеріею атаковали непріятельскую пѣхоту, только неудачно , и мы принуждены были отступать, поспѣшая пройдти дефиле къ д. Вильсдруфъ. Лордъ Вильсонъ, въ красномъ мундирѣ, опять явился тутъ, распоряжался, и давалъ намъ направленіе куда идти; непріятельскія гранаты безпрестанно хлопали и разрывались надъ нами , заставляя скорѣе убираться ; кромѣ того, съ самаго утра мочилъ насъ дождь. Однимъ словомъ, все что-то было неловко ; порядокъ отступленія едва держался ; пѣхотныя колонны , при первомъ разрывѣ надъ ними гранаты , ворочались на лѣво кругомъ , и уходили ; раненыхъ едва успѣвали увозить на подводахъ. Эта ретирада , напоминая Россійскую, невольно ослабляла воинственный духъ и давала намъ чувствовать превосходство силъ Наполеоновыхъ. Смотря на плѣнныхъ Французовъ, отважныхъ мальчиковъ, не льзя было не досадовать на то , что мы, старики, отъ нихъ уходимъ; но

ихъ одушевлялъ геній Наполеона, который умѣлъ изъ юношей создать новыхъ героевъ Франціи, соревнователей славы и мстителей погибшихъ въ Россіи.

26-го Апрѣля, въ 7 часовъ утра, арріергардъ тронулся съ мѣста, и, кажется, немного опоздалъ; Французы съ фронта насъ не трогали, но все обходили правый флангъ. Узнавъ это, и опасаясь быть отрѣзанными, спѣшили мы уходить, не видя впрочемъ нигдѣ передъ собою непріятелей. Не далеко отъ Дрездена, въ моей артиллеріи подъ запаснымъ лафетомъ сломилась ось; я остался съ нѣсколькими канонерами подѣлать ее какъ нибудь, чтобы убраться съ лафетомъ. Мимо меня рысью проѣзжали драгуны, и совѣтовали скорѣе уходить, стращая Французами. Мнѣ показалось страннымъ, что, не видя непріятеля и не слыша даже выстрѣла, всѣ спѣшили въ городъ; однако и я съ лафетомъ побѣжалъ вслѣдъ за драгунами. Черезъ Дрезденъ мы уже не съ такимъ парадомъ проходили, какъ прежде; обозы по мостовой летѣли съ громомъ и стукомъ; все бѣжало, стараясь достигнуть понтонныхъ мостовъ, наведенныхъ ниже и выше города. Жители равнодушно смотрѣли на насъ, каждый занимаясь своимъ дѣломъ; любопытныхъ было мало; впрочемъ многіе посмѣивались, и,

кажется, съ удовольствіемъ смотрѣли на нашу суетливость. Однѣ миловидныя Саксоночки выглядывали на насъ кой-гдѣ съ нѣжнымъ состраданіемъ; намъ самимъ жаль было разставаться съ ними.

Какъ войски ни спѣшили къ обоимъ мостамъ, однако Французы отхватили у насъ часть обоза и нѣсколько плѣнныхъ; Казаки подожгли мосты, и тѣмъ избавили насъ отъ большей потери, остановивъ стремленіе непріятеля.

Саксонцы въ городѣ встрѣтили Французовъ съ колокольнымъ звономъ и радостнымъ крикомъ. Это для насъ показалось весьма оскорбительно.

За Эльбою мы спали покойнѣе. Тутъ сошлось много войскъ изъ разныхъ Корпусовъ для прикрытія нашего арріергарда.

Артиллерію повели было къ м. Радебергъ; но послѣ привала велѣли на ночь воротиться къ Дрездену, и мы взадъ и впередъ прошли около 40 верстъ; люди и лошади весьма утомились по песчанымъ дорогамъ, на правой сторонѣ Эльбы.

Теперь одна половина Дрездена была у насъ, а другая у Французовъ; оба берега рѣки были усажены войсками, особенно съ нашей стороны, и биваки всюду дымились; стрѣлки съ обоихъ береговъ, до глухой полуночи перестукивались. Къ утру мы

ожидали чего нибудь важнаго, потому что самъ Наполеонъ находился въ Дрезденѣ; а онъ не любилъ гулять.

27-го Апрѣля, въ 4 часа утра, я поднялся нарочно, и вышелъ съ биваковъ осмотрѣть положеніе нашихъ и непріятельскихъ войскъ, для всякаго случая. Я проходилъ черезъ Нейштатъ, или Новый городъ, и только что вступилъ въ большую аллею, ведущую къ мосту, какъ вдругъ взвизгнула мимо ушей моихъ пуля, и такъ сильно рванула за правый високъ, что я на мѣстѣ перевернулся; пуля отъ меня ударилась близъ одного Нѣмца, который, будучи тѣмъ остановленъ, спросилъ съ изумленіемъ: «Camrad! was ist das?»— Das ist kein Spass, Camrad (*)! отвѣчалъ я, и поворотилъ влѣво. Кромѣ этого выстрѣла, направленнаго именно въ меня скрытымъ злодѣемъ, все оставалось тихо и спокойно. Еще было довольно рано; людей по улицамъ ходило немного: большею частію служанки съ корзинами шли изъ домовъ къ овощному рынку. Въ молчаніи или съ шепотомъ Нѣмцы ходили по улицамъ, такъ что стукъ ихъ сапоговъ по мостовой былъ внятнѣе словъ. У ка-

---

(*) «Пріятель! что это?» — Это не шутка, пріятель!

меннаго моста я нашелъ два батарейныя орудія нашей бригады, съ Подпоручикомъ Сенкевичемъ, закрытыя турами; отсюда пошелъ лѣвѣе по берегу, и черезъ кварталъ нашелъ еще два такія-же орудія, съ Подпоручикомъ Мешетичемъ, на открытомъ мѣстѣ, направленныя на площадь Св. Петра въ Старый городъ. За развалинами взорванной части моста, по срединѣ рѣки, съ непріятельской стороны также поставлены были двѣ пушки, и за насыпью ходилъ часовой. По этимъ развалинамъ нѣкоторые изъ жителей, конечно по необходимой надобности, пробирались на нашу сторону изъ Стараго города, и ихъ пропускали безпрепятственно. Все молчало; изрѣдка Французскіе стрѣлки изъ-за развалинъ моста, гдѣ сидѣли притаившись, стрѣляли по нашему берегу, и вмѣсто Русскихъ солдатъ ранили часто бѣдныхъ жителей.

Около 6 часовъ утра поднялся колокольный звонъ въ Старомъ городѣ, и вскорѣ стали являться непріятельскія войски на площади Св. Петра. Кажется, Наполеонъ хотѣлъ сдѣлать разводъ съ церемоніею, но Подпоручики Сенкевичъ и Мешетичъ, первыми выстрѣлами изъ своихъ пушекъ черезъ мостъ, разстроили весь парадъ. Это было знакомъ ко всеобщей тревогѣ. Я поспѣшилъ къ своему лагерю и увидѣлъ пѣ-

хошу съ орудіями, уже выступающими для дѣла. Тогда нашею дивизіею начальствовалъ Генералъ Лейтенантъ Марковъ, а бригадою Князь Гуріаловъ. Мои два орудія находились при Староскольскомъ полку Генералъ-Маіора Шкапскаго.

Еще въ продолженіе ночи Наполеонъ приказалъ наводить мостъ черезъ Эльбу, ниже города, у д. Присницъ, о чемъ мы вовсе не знали. Нѣсколько стрѣлковъ его переправились на нашу сторону, и засѣли въ кустарникъ. По утру Казаки открыли ихъ, и мы уже въ 7 часовъ пошли съ биваковъ, чтобы воспрепятствовать непріятелю устроивать переправу.

Едва войски отошли отъ города, какъ были встрѣчены гранатами съ противнаго берега. Я при двухъ пушкахъ шелъ со второю цѣпью стрѣлковъ, закрытый высокою рожью. По ту сторону рѣки увидѣли мы уходящую отъ берега непріятельскую гаубицу съ большимъ зряднымъ ящикомъ; тотчасъ я съ пушками побѣжалъ за первую цѣпь стрѣлковъ, остановился, прицѣлилъ и велѣлъ стрѣлять; канонеръ два, три раза прикладывалъ пальникъ къ затравкѣ, и выстрѣла не было. Что за чудо! Пушка была заряжена ядромъ; я самъ схватилъ фитиль, дунулъ въ него, и увидѣлъ, что онъ не былъ заж-

женъ!... между тѣмъ гаубица ушла. Какая досада!... Въ торопяхъ я не осмотрѣлъ исправны-ли мои канонеры, а они, также въ торопяхъ, забыли зажечь фитиль. Князь Гуріаловъ далъ за это мнѣ добрый нагоняй, и по дѣломъ. Желая поправить свою погрѣшность, я съ пушками, въ первой цѣпи стрѣлковъ, пошелъ по берегу къ д. Кольдицъ; два батальона Старооскольскаго полка слѣдовали за мною. Едва мы, прошедъ улицу черезъ деревню, показались на берегъ, какъ вдругъ увидѣли, на противной сторонѣ, дугообразно выставленную непріятельскую батарею въ 60 орудій, и мостъ, сдѣланный Французами уже до половины. Я не успѣлъ стать, какъ по мнѣ плюнули изъ нѣсколькихъ пушекъ картечью, отъ чего вдругъ пало два канонера и лошадь. — «Прочь! убирайся ты съ своими пушчонками!» сказалъ мнѣ Генералъ, и велѣлъ отойдти за деревню, не давши ни разу выстрѣлить; другой ударъ картечью, въ догонку за нами, свалилъ нѣсколько солдатъ армейскихъ. Теперь узнали мы, гдѣ непріятель. Князь Гуріаловъ занялъ берегъ стрѣлками, и послалъ къ Генералу Маркову сказать о дѣйствительной переправѣ непріятеля, подъ прикрытіемъ весьма сильной батареи. Тотчасъ прислали двѣ батарейныя роты Полковни-

ковъ Нилуса и Малеева, и этими 24-мя орудіями приказано было имъ разстроить непріятельскую переправу. Тогда-то открылась съ обѣихъ сторонъ ужасная канонада, и въ нѣсколько минутъ обѣ наши роты, перекрестными выстрѣлами Французской батареи, были разбиты: большая часть канонеровъ и лошадей остались на мѣстѣ; сами командиры ротъ едва уцѣлѣли, поспѣшая спастись съ остатками. Тѣснота мѣста на нашемъ берегу не позволяла выстроить равносильную батарею противъ непріятельской; однако, на мѣсто разбитыхъ двухъ ротъ батарейной артиллеріи, прислали еще столько-же и конную роту Капитана Христодулова, которая стала по лѣвую сторону д. Кодицъ; подлѣ него велѣли стать мнѣ съ двумя пушками, а еще лѣвѣе, по открытому берегу, стали шесть орудій нашей роты, подъ командою Подполковника Тимоѳеева. Непріятель, кромѣ основной батареи своей, выставилъ противъ насъ еще нѣсколько легкихъ орудій, и тутъ-то открылась жарня съ обоихъ береговъ, болѣе нежели изо ста огнедышащихъ жерлъ, отъ Присницъ и Кодицъ до Дрездена, версты на двѣ пространства: дымъ клубился, и земля стонала отъ оглушительнаго стука выстрѣловъ. За нами строились колонны пѣхотныя и

кавалерійскія. Дѣло выходило горячее, убійственное. Явился самъ Начальникъ Корпуса, Генералъ Милорадовичъ. Видя безполезное упорство съ нашей стороны, и уважая значительный вредъ въ артиллеріи, онъ приказалъ батареямъ отступить отъ берега, и далъ непріятелямъ свободу переправляться. Французы заняли дер. Кодицъ на нашей сторонѣ, однако далѣе не выходили, остерегаясь отъ насъ натиска. Эта переправа сдѣлана была ими нарочно для того, чтобы оттянуть наши войски отъ города, и спасти его отъ раззоренія. Между тѣмъ, въ Мейссенѣ, Генералъ Лористонъ перешелъ Эльбу, вслѣдъ за Пруссаками. Съ наступленіемъ вечера мы отошли внизъ по Эльбѣ, къ д. Рехенберхъ, а ночью, оставивъ на мѣстѣ бивачные огни, отступили, мимо Дрездена, къ д. Вейссигъ, гдѣ и пробыли до утра.

Такимъ образомъ кончился бѣдственный день для нашей артиллеріи; мы оплакивали погибшихъ трупъ многихъ своихъ товарищей. Поручику Краевскому оторвало ядромъ обѣ руки, въ то время какъ онъ, становя орудіе на мѣсто, хотѣлъ пособить снять хоботъ лафета съ передка; другому Поручику оторвало обѣ ноги, когда онъ стоялъ противъ колеса своего орудія. Не льзя было смотрѣть безъ жалости

и содроганія на разбитыя роты, собранныя при д. Рехенбергъ. Ротные командиры, Полковники Нилусъ, Малеевъ, Магденко, лишась офицеровъ, лучшихъ людей и лошадей, со слезами исчисляли уронъ свой. Менѣе всѣхъ потерпѣла наша рота; но конной ротѣ досталось порядочно. Капитану Христодулову гранатнымъ черепкомъ разбило голову; его полумертваго везли на форшпанѣ, и онъ вскорѣ умеръ.

Послѣ Вяземскаго сраженія въ Россіи, здѣсь, за границею, въ первый разъ удалось мнѣ приняться опять за свое дѣло. Непріятельскія ядра жестоко насъ поражали, взрывая землю, а гранаты лопались въ воздухѣ съ адскимъ визгомъ. Удары съ обѣихъ сторонъ потрясали берега Эльбы, а густой дымъ помрачалъ небо. Одно шальное ядро, передо мною, шагахъ въ двухъ, сдѣлало рикошетъ, и должно-бы отскочить прямо ко мнѣ въ лобъ, но для спасенія моего случился тутъ камень, о который ударившись, оно съ визгомъ описало надо мною параболу влѣво.

Въ слѣдующій день изъ Вейссига пошли мы къ мѣстечку Бишофсверда, и не доходя полмили, возвратились на ночь опять къ Вейссигу. Французовъ не было слышно; занявши Дрезденъ, они присмирѣли, потому что главныя силы ихъ пошли чрезъ Мейсенъ въ Пруссію.

29-го Апрѣля спокойно оставались на прежнемъ мѣстѣ, и сочиняли реляціи. Наша рота, укомплектованная зарядами изъ запаснаго парка, поступила опять въ аріергардъ.

Въ 5 часовъ по полудни Французы выступили изъ Дрездена, и началась арріергардная перестрѣлка. Мы заняли довольно выгодную позицію на высотахъ у д. Фишбахъ, и держались долго. Передъ нами простиралась топкая долина, черезъ которую съ усиліемъ пробирались непріятельскіе стрѣлки. Изъ любопытства я взъѣхалъ на ближайшую горку , и любовался стрѣлками, какъ они, перебѣгая отъ камня къ кусточку, и отъ кусточка къ камню, пускали убійственный дымокъ , и какъ иногда, среди мѣлкой стукотни ружейной, пушечные громогласные выстрѣлы заставляли молчать ихъ. То резервы , разсыпнымъ строемъ, подкрѣпляли тѣснимыхъ стрѣлковъ, то эскадроны кавалеріи сбивали первую цѣпь ихъ, и тревожили резервы ; все это было похоже болѣе на полевую охоту, нежели на войну. Между тѣмъ непріятели сбивали нашъ лѣвый флангъ. На горку, гдѣ я находился, пріѣхалъ на сѣрой лошади Генералъ, и сквозь зрительную трубку замѣчалъ положеніе непріятеля , какъ вдругъ прилетѣло къ намъ Французское ядро , и

заставило насъ тотчасъ разъѣхаться по своимъ мѣстамъ, чтобы не кстати не быть жертвою любопытства. Непріятель обошелъ нашу позицію и сталъ тѣснить фланги; мы отступали съ горки на горку довольно упорно, продолжая перестрѣлку; такимъ образомъ, до вечера, прошли не болѣе семи верстъ, къ д. Капелленбергъ, въ чащу лѣса; тутъ перестрѣлка усилилась. Французы, по своему обычаю, къ вечеру сдѣлали общій натискъ на стрѣлковъ нашихъ, и такъ сильно, что много вышло изъ лѣса раненыхъ, и столько-же тамъ осталось; особенно потерпѣлъ Елецкій полкъ, при чемъ храбрый Маіоръ Тишинъ получилъ смертельную рану пулею въ грудь. Послѣ этого, съ наступленіемъ ночи, все утихло: Французы и Рускіе остановились въ виду другъ друга и развели свѣтлые бивачные огни.

Въ 4 часа утра слѣдующаго дня, мы тронулись съ мѣста и, не доходя м. Бишофсверда, имѣли продолжительный привалъ; потомъ, далѣе на пути, еще нѣсколько разъ останавливались. Не доходя верстъ 7 до Бауцена, ночевали. Французы не горячо насъ преслѣдовали; но отъ кавалерійской сшибки, въ м. Бишофсверда, сдѣлался пожаръ, и все мѣстечко выгорѣло до основанія. Перестрѣлка съ непріятелемъ во весь

день была столь ничтожна, что у насъ, въ арріергардѣ, не оказалось даже ни одного раненаго; вѣроятно то-же было и у Французовъ.

1-го Мая. День точно Майскій; весна, въ полнотѣ своихъ прелестей, какъ юная невѣста, представлялась взорамъ, и, казалось, хотѣла примирить враговъ. Все было тихо и спокойно. Войски стояли на высотахъ, около лѣсковъ и ручейковъ, какъ будто въ ожиданіи какого-либо торжества, а не для кровопролитія. Такъ сама природа на время внушала врагамъ мирныя чувства, и останавливала удары смерти.

Между тѣмъ союзныя войски Пруссіи и Россіи собирались за Бауценомъ въ общую боевую позицію. Слухи были, что Австрія также вступила съ нами въ союзъ, и Наполеону не удалось преклонить тестя на свою сторону: въ этотъ разъ его политика спасовала.

Сказывали, что Наполеонъ взялъ съ Дрездена контрибуціи пять, а съ Лейпцига семь милліоновъ франковъ, не смотря на колокольный звонъ и радостные крики, съ которыми его тамъ встрѣчали.

Слѣдующій (2 Мая) день также прошелъ безъ драки. Въ этотъ день неожиданно явился къ намъ въ бивакъ партизанъ Фигнеръ. Со времени разбитія Французовъ

подъ Ляховымъ въ Россіи, когда онъ проводилъ мимо насъ плѣнныхъ изъ бригады Генерала Ожеро, мы его не видали. Съ недавняго времени, за границею, носились слухи, что Фигнеръ повѣшенъ въ Данцигѣ, куда былъ посланъ тайно, для возмущенія жителей противъ Французскаго гарнизона; но теперь Фигнеръ, передъ нами, какъ съ неба свалился. Мы обрадовались старому товарищу и закидали его вопросами. Повѣсть о приключеніяхъ его въ Данцигѣ была очень любопытна. Фигнеръ показалъ новый опытъ отважности, присутствія духа, и отличную способность быть новымъ Протеемъ, принимая на себя различные виды. Въ этотъ разъ послѣдствія его отважности не произвели ожидаемаго успѣха, но спасеніе его самого было чудесное.

Чтобы пробраться въ Данцигъ, Фигнеръ принялъ на себя видъ несчастнаго Итальянца, ограбленнаго Казаками. Съ перваго раза ему не повѣрили, и посадили его въ городскую тюрьму. Между тѣмъ удалось ему сдѣлать свое сношеніе съ главными лицами въ городѣ, къ которымъ имѣлъ тайную рекомендацію; въ ожиданіи отъ нихъ содѣйствія для своего предпріятія, онъ не терялъ надежды на успѣхъ. Только вмѣсто 5,000 непріятельскаго гарнизона, какъ полагали пославшіе его, было тамъ

35,000 ; впрочемъ крѣпостъ, блокируемая Союзниками, находилась въ жалкомъ положеніи, и едва 18,000 могли выйдти подъ ружье, а прочіе всѣ были больные и немощные. Главное затрудненіе для Фигнера состояло въ недостаткѣ единодушія и отважности между гражданами. Губернаторъ, Генералъ Раппъ, содержалъ жителей въ страхѣ, и мѣры полиціи были весьма строги.

Фигнеръ два мѣсяца сидѣлъ въ тюрьмѣ; его подозрѣвали и допрашивали; требовали доказательствъ дѣйствительнаго происхожденія изъ Италіи. На этотъ разъ ему пришлось весьма кстати короткое знакомство съ тою фамиліею въ Миланѣ, гдѣ онъ нѣкогда гостилъ, какъ родной, и которой назвался теперь сыномъ; онъ разсказалъ малѣйшія фамильныя подробности: какихъ лѣтъ отецъ и мать, какого состоянія, на какой улицѣ стоитъ ихъ домъ, даже какого цвѣта крыша и ставни; все это онъ умѣлъ описать въ подробности. Къ счастію его нашелся въ Данцигѣ человѣкъ, жившій нѣсколько лѣтъ въ Миланѣ, и который подтвердилъ все сказанное Фигнеромъ объ извѣстной ему фамиліи. Такимъ образомъ, не будучи ни въ чемъ уличенъ, онъ былъ выпущенъ изъ тюрьмы на поруку одного именитаго гражданина, и

получилъ письменный видъ; однако находился подъ присмотромъ полиціи. Желая отвести отъ себя и эту грозу, Фигнеръ научилъ одного изъ своихъ сообщниковъ принять его собственное имя, и съ тайнымъ порученіемъ командировалъ его въ Гамбургъ, такъ, что этотъ мнимый Фигнеръ былъ тамъ захваченъ и повѣшенъ.

Настоящій Фигнеръ-Протей не щадилъ своихъ способностей и усердія для произведенія въ Данцигѣ всеобщаго возмущенія противъ Французовъ, но долженъ былъ видѣть неудачу своего отважнаго покушенія, и, чтобы съ честію и въ цѣлости выйдти изъ опасности, выдумалъ новую дерзость.

Онъ явился къ Генералу Раппу, какъ ревностный патріотъ-Итальянецъ, преданный Наполеону, ожесточенный противъ варваровъ Казаковъ; при чемъ изъявилъ желаніе показать на дѣлѣ свое пламенное усердіе къ пользамъ Императора Французовъ, и заслужить о себѣ доброе мнѣніе. Онъ просилъ, чтобы Генералъ употребилъ его по своему произволенію на службу. Фигнеръ столь искусно могъ принять видъ Итальянца, приверженнаго къ Наполеону, что Раппъ вздумалъ послать его съ важными донесеніями изъ крѣпости, чрезъ непріятельскій станъ блокирующихъ его Союзниковъ, къ своему Императору, и—отваж-

ный Фигнеръ съ депешами невредимо предсталъ къ Главнокомандующему Россійскими войсками. Мы не могли довольно надивиться способностямъ этого новаго Протея, и поздравляли его отъ чистаго сердца съ благополучнымъ возвращеніемъ.

Фигнеръ явился лично къ Государю Императору нашему, и представилъ точныя и подробныя свѣдѣнія о состояніи Данцига, съ содержащимся тамъ гарнизономъ Французскихъ войскъ; свѣдѣнія эти могли послужить съ пользою для соображеній при осадѣ города. За этотъ подвигъ Фигнеръ былъ произведенъ въ Полковники, съ переводомъ въ Свиту Его Величества; однако, слѣдуя своей склонности, онъ опять облекся въ плащъ отчаяннаго партизана, отростилъ длинные усы, надѣлъ высокую медвѣжью шапку, съ изображеніемъ серебряной мертвой головы, и, нося съ собою смерть врагамъ, искалъ себѣ безсмертія.

3-го Мая, рано по утру, началась въ цѣпи авангарда перестрѣлка, и непріятель сталъ усиливаться; принимая вправо, онъ обходилъ высоты центра и лѣвый флангъ позиціи нашихъ войскъ. За нами, верстахъ въ семи, лежалъ Бауценъ, на р. Шпреѣ, а потому, чтобы не быть опрокинутыми на него, надлежало держаться. Коман-

дующій арріергардомъ, Графъ Милорадовичъ получилъ въ подкрѣпленіе изъ главной арміи нѣсколько баталъоновъ пѣхоты и Чугуевскій уланскій полкъ. Союзныя войски были расположены въ боевой укрѣпленной позиціи, на высотахъ, позади Бауцена.

Прекрасно было смотрѣть, какъ стремленіе непріятельскихъ стрѣлковъ и артиллеріи пресѣкалось засадами нашей пѣхоты и атакою легкой кавалеріи. Передъ нами, залпы скрывавшейся за рощею пѣхоты и штыки заставляли непріятельскія колонны обращать тылъ, и передъ нашими глазами Чугуевскіе уланы, бросаясь съ фланговъ на цѣпи стрѣлковъ, топтали и кололи ихъ пиками, среди облаковъ пыли. Чѣмъ ближе отходили мы къ городу, тѣмъ отпоръ нашъ былъ жесточе, и уронъ непріятеля до вечера простирался около 2,000 убитыми и ранеными; при чемъ 700 взято въ плѣнъ, и захвачено двѣ пушки. Этотъ успѣхъ на ретирадѣ былъ поздравленіемъ отъ войскъ авангардному герою нашему, возведенному тогда Высочайшею милостію въ Графское достоинство.

Усилія непріятеля были тщетны; мы остановили его передъ городомъ и не пустили туда ночевать. Изъ этого можно было замѣтить, что силы Французовъ передъ нашими здѣсь не были значительны.

Плѣнные говорили, что большая часть Наполеоновыхъ войскъ потянулась къ Берлину, и здѣсь оставленъ былъ только одинъ Корпусъ; между плѣнными встрѣчались наиболѣе Итальянцы и Баварцы. Наполеонъ конечно желалъ отдалить Союзниковъ отъ Австрійскихъ предѣловъ, угрожая занятіемъ Берлина; но Союзники предпочли лучше придержаться Австріи, которая уже готова была склониться на ихъ сторону. Тогда Наполеонъ, узнавъ о собранныхъ за Бауценомъ силахъ Россіи и Пруссіи, принужденъ былъ стянуть свои туда-же, чтобъ испытать еще разъ генеральное сраженіе: при удачѣ его онъ надѣялся преклонить тестя на свою сторону. Никогда политика его не была въ столь шаткомъ положеніи.

До вечера мы простояли передъ Бауценомъ, и только съ захожденіемъ солнца стали переходить черезъ городъ. Жители, казалось, приготовлялись для торжественной встрѣчи Французовъ съ ихъ Императоромъ: все чистили, мели и прибирали въ виду нашемъ.

ГЛАВА V.

ОТЪ БАУЦЕНА ДО ШВЕЙДНИЦА.

Позиція Союзныхъ войскъ. — Виды сраженія. — Ретирада. — Ошибка при Рейхенбахѣ. — Отступленіе Союзниковъ къ Швейдницу. — Военное замѣчаніе.

Союзная армія Россійскихъ и Прусскихъ войскъ расположилась въ укрѣпленной позиціи, верстахъ въ пяти позади Бауцена, на высотахъ, отъ м. Гохкирхена чрезъ с. Пуршвицъ до Креквица, на пространствѣ около 7-ми верстъ. Высоты лѣваго фланга прикрывались оврагами и лѣсомъ, простирающимся отъ Кюневальда до Кубшица; приступъ съ этой стороны для непріятелей былъ весьма затруднителенъ. Центръ позиціи, простираясь версты на три по равнинѣ чрезъ Пуршвицъ, прикрывался окопами, въ родѣ ретраншамента; небольшой ручей отдѣлялъ центръ отъ праваго фланга, расположеннаго на выдавшихся за Креквицемъ высотахъ, которыя, сближаясь къ р. Шпреѣ, противъ с. Мальшвицъ, обращались къ нашему тылу. Хотя центръ общей позиціи былъ открытъ, но онъ за-

щищался множествомъ артиллеріи въ окопахъ ретраншамента; мѣстоположеніе лѣваго фланга по горамъ, въ лѣсу, способное для разсыпнаго дѣйствія егерей, представляло довольно твердую опору, хотя горы близко стояли надъ большою дорогою, ведущею къ нашимъ резервамъ; но правый флангъ, выдавшійся при Креквицѣ, не смотря на то что прикрывался двумя редутами на высокихъ курганахъ, подвергался обходу, и открывалъ тылъ общей позиціи.

Въ Союзной арміи считалось до 110,000 войска; Прусскія, подъ начальствомъ Генерала Блюхера, занимали правый флангъ на высотахъ Креквица; Русскіе егерскіе полки, съ частію Прусскихъ, разсѣяны были по лѣсистымъ горамъ лѣваго фланга; Русская гвардія, съ большею частію кавалеріи и съ легкою артиллеріею, оставалась въ резервѣ; главная квартира Союзныхъ Монарховъ находилась за резервами, въ м. Вуршенѣ. Мы не знали, кто былъ Главнокомандующимъ.

Французы скрывались за Бауценомъ и за р. Ширсею. Наполеонъ съ удовольствіемъ видѣлъ, что ему предлагаютъ вновь генеральное сраженіе. Онъ имѣлъ при себѣ до 140,000 войскъ, и въ самомъ началѣ предпріятія отдѣлилъ Маршаловъ Нея и Лористона,

съ ихъ Корпусами, къ м. Кенигсвартѣ и Гойерсвердѣ, для обхода нашего праваго фланга.

Съ 4-го по 8-е Мая, цѣлыхъ четыре дни стояли мы на мѣстѣ спокойно, не видя непріятелей, хотя въ это время стягивались ихъ войски, и они близко отъ насъ находились. Впереди нашего артиллерійскаго резерва, гвардейцы безпрестанно забавлялись музыкою. Насъ укомплектовали зарядами и людьми, вышедшими изъ госпиталей. Резервы и всякаго рода запасы безпрерывно подходили изъ Россіи; войски получили третное жалованье и сухари, а лошадей снабдили овсомъ; сверхъ того позволялось намъ фуражировать, то есть ѣздить за сѣномъ въ ближайшія селенія. Однажды для этого меня командировали въ с. Помрицъ, лежащее позади лѣваго фланга. Взявши съ собою человѣкъ тридцать артиллеристовъ, на коняхъ и съ веревками, я проѣхалъ, черезъ горы и лѣса, въ пустую деревню: всѣ домы были настежь открыты; жители оставили ихъ на произволъ враждующихъ. Во внутренности домовъ все было перебито, переломано, все представляло ужасное опустошеніе; мои фуражиры съ трудомъ находили, кой-гдѣ, на чердакахъ, сѣно. Намъ не встрѣтилось никакой опасности; напротивъ, непріятельскихъ фуражировъ нерѣд-

ко проводили мимо нашего резерва. Несчастные жители раззоренныхъ селеній, въ пространствѣ расположенія Союзныхъ войскъ, ходили, покрытые рубищами, среди нашихъ биваковъ, и жалобно, со слезами, просили хлѣба, которымъ недавно насъ кормили.

7-го Мая, съ полудни до вечера, слышали передъ линіею вправо сильную канонаду и видѣли густую пыль, поднимавшуюся съ той стороны отъ Бауцена. Когда два Корпуса непріятельскіе, Лористона и Нея, пошли въ обходъ праваго фланга общей позиціи Союзныхъ войскъ, тогда Генералы Барклай-де-Толли и Іоркъ, съ Корпусами Русскихъ и Прусскихъ войскъ, посланы были къ нимъ на встрѣчу. Барклай-де-Толли напалъ на Лористона при м. Кенигсвартѣ, разбилъ его Корпусъ, взялъ 1500 въ плѣнъ и 6 пушекъ; но Іоркъ нашелъ Маршала Нея вдвое себя сильнѣе, и потому, хотя вступилъ въ сраженіе съ нимъ, однако принужденъ былъ соединиться съ Корпусомъ Барклая, тѣмъ болѣе что Французскіе два Корпуса соединенными силами стали тѣснить ихъ. Темнота ночи позволила союзнымъ Генераламъ отойдти безпрепятственно къ правому флангу общей позиціи.

8-го Мая, на разсвѣтѣ, началась перестрѣлка въ авангардѣ, потомъ на пра-

вомъ флангѣ, гдѣ непріятель усиливался. Я выѣхалъ полюбопытствовать на высоты Креквица, и видѣлъ, какъ по ту сторону р. Шпреи, отъ Бауцена, тянулись непріятельскія колонны къ Мальшвицу, для подкрѣпленія атаки Маршала Нея, который тѣснилъ Барклая-де-Толли. Между тѣмъ Французы въ Бауценѣ, противъ нашего центра, перешли р. Шпрею за авангардомъ Графа Милорадовича, который послѣ упорнаго сопротивленія отступилъ къ лѣвому флангу общей позиціи. Непріятель, желая узнать силу нашей артиллеріи въ центрѣ, пустилъ довольно близко, вдоль линіи, съ праваго фланга, нѣсколько эскадроновъ кавалеріи; тогда наши артиллеристы, долгое время съ нетерпѣніемъ ожидавшіе Французовъ, встрѣтили ихъ изъ каждой батареи со всѣхъ орудій, и тѣмъ себя обнаружили; на лѣвомъ-же флангѣ, въ горахъ, по неудобности мѣстоположенія, было у насъ очень мало артиллеріи. Наполеонъ, замѣтивъ центръ нашей позиціи довольно укрѣпленнымъ батареями въ ретраншаментѣ, устремилъ свою пѣхоту на лѣсистыя высоты противъ лѣваго фланга, и вскорѣ поднялась тамъ ужасная перестрѣлка въ лѣсу, по крутизнамъ и оврагамъ, близъ Гохкирхена и Кубшица. Находившійся тамъ отрядъ, подъ начальствомъ Генерала Эммануэля, отсту-

пая, чуть могъ держаться противъ превосходнаго числа непріятельскихъ стрѣлковъ, и подкрѣпленіе авангардной пѣхоты Графа Милорадовича съ большимъ усиліемъ могло ихъ удерживать. Пруссаки, занимавшіе горы правѣе и ближе къ центру позиціи, были сбиты Французами. Мы изъ резерва видѣли, какъ, влѣво на горахъ, ружейный дымокъ изъ кустарника цѣлою линіею спускался внизъ, и ожидали, что Французы, вмѣстѣ съ Пруссаками, оттуда посыплются на большую дорогу; но въ подкрѣпленіе Пруссакамъ тотчасъ посланы были изъ резерва два полка Русскихъ гренадеровъ, которые штыками возстановили порядокъ, и подняли своихъ союзниковъ опять на гору. Къ вечеру непріятель былъ отдаленъ, не смотря на всѣ его усилія овладѣть высотами лѣваго фланга; успѣхъ этого приписывали стойкости Русскихъ войскъ, и особенно распоряженіямъ Графа Милорадовича, командовавшаго войсками на томъ флангѣ: съ неустрашимостію онъ самъ лично вездѣ возстановлялъ ослабѣвающихъ, подвергаясь опасности. Не мало содѣйствовалъ тутъ и Графъ Остерманъ-Толстой, пріѣхавшій недавно изъ Берлина, гдѣ онъ находился за болѣзнію. Разсказывали, что когда стрѣлки наши, сбитые Французами, поспѣшно отступали,

встрѣтился имъ Графъ, стоявшій неподвижно на своемъ мѣстѣ. Съ грознымъ видомъ онъ крикнулъ имъ: *Ребята*! *стыдно*! *впередъ*! и это всѣхъ остановило. Рускіе опомнились, и обратились на Французовъ съ новымъ мужествомъ. Ночью не велѣно было намъ разводить огней, чтобы не открыть непріятелямъ положенія и силы войскъ нашихъ; въ слѣдующцій день мы ожидали генеральной битвы.

9-го Мая, съ разсвѣтомъ дня, стрѣлки начали постукивать на горахъ лѣваго фланга. Наполеонъ безъ сомнѣнія много-бы выигралъ, если-бы успѣлъ занять эти горы, открывавшія ему надъ большою дорогою весь центръ Союзной арміи; но Рускіе держались тамъ упорно, получая безпрестанно подкрѣпленія. Всѣ были увѣрены, что Графъ Милорадовичъ не измѣнитъ чести Русскаго оружія; самъ Императоръ нашъ столько былъ доволенъ твердостію Графа, что дважды посылалъ ему свое благоволеніе. Графъ Остерманъ - Толстой не переставалъ тутъ-же содѣйствовать, не смотря на полученную рану. Молодые Наполеоновы солдаты, при всей горячности своей къ славѣ, не могли сдвинуть съ горъ Рускихъ, и прежнее превосходство Французскихъ стрѣлковъ въ закрытыхъ мѣстахъ отнынѣ измѣнилось.

Въ 4 часа утра, нашу роту артиллеріи изъ резерва подвинули къ высотамъ Креквица, гдѣ стоялъ Корпусъ Пруссаковъ Блюхера. Самъ онъ со свитою находился въ курганномъ редутѣ, и смотрѣлъ на дѣйствіе Французовъ противъ нашего праваго фланга въ зрительную трубу; отсюда видно было явственно отступленіе отряда Барклая-де-Толли, подъ прикрытіемъ артиллеріи, къ с. Глейнъ, и усиліе непріятеля противъ нашего лѣваго фланга: въ трехъ мѣстахъ онъ поставилъ батареи, чтобы перекрестнымъ огнемъ сбить нашу батарею и войски, занимавшія с. Башвицъ. Вскорѣ за тѣмъ, Французская пѣхота отъ Бауцена построилась въ большое каре, и по открытой долинѣ медленно приближалась къ центру нашей линіи; въ срединѣ каре Генералъ, верхомъ на лошади, управлялъ его движеніемъ и выравнивалъ колеблющіеся фасы. Впрочемъ, до 7-ми часовъ утра, Французы не открывали общаго дѣйствія на всю линію нашей позиціи, ограничиваясь одною перестрѣлкою, при чемъ изрѣдка пускали и изъ нашихъ батарей гранаты, потому что артиллеристамъ уже строго было подтверждено отъ Начальника всей артиллеріи, Князя Яшвиля, беречь заряды. Между тѣмъ Маршалъ Ней обходилъ высоты Креквица, прикрываясь селеніемъ Мальшвицъ.

Когда Барклай-де-Толли принужденъ былъ стать позади сел. Глейна, тогда линія нашихъ войскъ растянулась верстъ на десять, и у высотъ Кreквица выходилъ почти прямой уголъ ея; большая часть Союзныхъ войскъ находилась на лѣвомъ флангѣ, для удержанія усилій непріятеля; въ центрѣ оставалась только гвардія и кавалерія. Барклай-де-Толли, имѣя не много войскъ, едва въ состояніи былъ держаться противъ с. Глейна, хотя и занялъ по сю сторону рѣчки выгодную позицію у мѣльницы.

Генералъ Блюхеръ, усматривая опасное положеніе нашего праваго фланга и желая отвлечь силы непріятеля отъ Барклая-де-Толли, приказалъ нашей ротѣ артиллеріи стать лѣвѣе с. Прейтицъ, противъ непріятельской батареи, стоявшей вправо отъ Глейна. Тутъ, отъ высотъ Крeквица до Прейтица, для сообщенія съ отрядомъ Барклая-де-Толли, стояла только одна бригада Прусской кавалеріи и двѣ конныя гаубицы. Подполковникъ Тимоѳеевъ, командовавшій ротою, послалъ меня выбрать мѣсто для батареи. Проѣзжая мимо Прусской кавалеріи, я въ одномъ полку услышалъ громкій смѣхъ, обернулся и увидѣлъ, что Прусскіе драгуны смѣялись надъ своею маркитанткою, которая позади фронта разносила шнапсъ (водку); но вдругъ ядро

оторвало ей обѣ ноги, и она съ кувшиномъ опрокинулась.... Мнѣ удалось найти выгодное мѣсто для расположенія своей роты; я повелъ ее, и поставилъ на небольшое возвышеніе, прикрываемое топкою долиною, которая защищала насъ отъ нападенія кавалеріи; лѣвѣе отъ долины начинался лѣсъ, и за нимъ д. Мальшвицъ. Только что наши двѣнадцать орудій стали на мѣсто, какъ со втораго выстрѣла на непріятельской батареѣ былъ взорванъ нами зарядный ящикъ; въ нѣсколько минутъ, удачною стрѣльбою, мы сбили Французскихъ восемь пушекъ, заставили ихъ замолчать и оттащиться назадъ. Тогда артиллеристы крикнули ура! и я съ четырьмя орудіями, отъ лѣваго фланга батареи, спустился съ высоты къ лѣсу, куда со мною побѣжали и наши егери. Генералъ Блюхеръ, замѣтивъ успѣхъ батареи, прислалъ своего Адъютанта къ Подполковнику съ благодарностію. Ободренные такимъ вниманіемъ иностраннаго Генерала, мы стали бить вкось по непріятельскимъ колоннамъ, приступавшимъ къ позиціи отряда Барклая-де-Толли. Тогда Маршалъ Ней, озабоченный движеніемъ и дѣйствіемъ нашей батареи, опасаясь, чтобы мы, съ занятіемъ лѣса, не пробрались къ д. Мальшвицъ и не взяли его во флангъ, послалъ

шуда свою пѣхошу, которая бѣгомъ поспѣшала къ лѣсу, увершываясь и валясь отъ нашихъ ядеръ и гранатъ; противъ насъ-же онъ послалъ кавалерію, но топкая долина воспрепятствовала ей броситься на батарею. Тогда онъ выставилъ сильную батарею, и у насъ возобновилась опять жаркая канонада. Этимъ дѣйствіемъ батареи нашей роты Генералъ Барклай-де-Толли былъ весьма облегченъ, ибо Маршалъ Ней послалъ значительную часть своей пѣхоты для удержанія д. Мальшвицъ и лежащаго передъ нимъ лѣса. Французская батарея засыпала насъ ядрами, которыя впрочемъ мало дѣлали намъ вреда, потому что я скрылъ орудія до половины за пригоркомъ, и они не представляли вѣрнаго прицѣла, выключая моихъ четырехъ орудій, спущенныхъ внизъ: въ продолженіе всего дѣла у насъ убито и ранено смертельно шесть человѣкъ. Въ это время артиллерійскій Генералъ Рѣзвой пріѣзжалъ къ намъ на батарею и похвалилъ наше дѣйствіе; Прусскіе офицеры часто къ намъ подъѣзжали и также похваливали; Блюхеръ еще разъ присылалъ Адъютанта благодарить Подполковника и приказалъ, чтобы послѣ сраженія представилъ своихъ офицеровъ къ наградѣ. Мы держались до тѣхъ поръ, покуда испра-

тили всѣ заряды. Я оставался еще въ долинѣ съ четырьмя орудіями, но Французы, занявши лѣсъ, потѣснили егерей, и, выходя за опушку его, стали стрѣлять въ моихъ канонеровъ; нѣсколько картечныхъ выстрѣловъ прогнали ихъ. Тогда въ лѣсу, противъ моихъ орудій, Французы поставили батарею, которая заставила меня подняться на высоту и отстрѣливаться изрѣдка послѣдними зарядами (*).

(*) Норвенъ (Vie de Napoléon par Norvins, 1829. Paris), описывая Бауценское сраженіе (Tom. IV. pag. 68), говоритъ: «Alors le maréchal força Preititz «avec trois divisions; mais tout-à-coup pris en flanc «par l'artillerie, que Blücher faisait descendre de «Klein-Bautzen, égaré par l'erreur du combat, Ney «oublie la direction d'Hochkirch, et au lieu d'avan-«cer à gauche, gravit sur la droite les hauteurs qui «dominent Klein-Bautzen. Ainsi fut manquée cette «grande manoeuvre, qui devrait couper la retraite «aux alliés.»—То есть: «Маршалъ Ней,» посланный Наполеономъ для обхода праваго фланга Союзниковъ. противъ Барклая-де-Толли, котораго онъ тѣснилъ, «взялъ тремя дивизіями Прейтицъ; но вдругъ при-«нятый во флангъ артиллеріею, спущенною Блю-«херомъ отъ Малаго Бауцена, Ней обманулся замѣ-«шательствомъ битвы, забылъ направленіе къ Гох-«кирхену, и вмѣсто того, чтобы подвигаться влѣво, «принялъ вправо на высоты, командующія Малымъ «Бауценомъ. Чрезъ то не исполнилось великое пред-«пріятіе Наполеона отрѣзать ретираду Союзни-

Когда отъ недостатка въ зарядахъ батарея наша замолчала и на смѣну ей не присылали другой, тогда Маршалъ Ней, замѣтивъ наше бездѣйствіе, снова устремился вправо на отрядъ Генерала Барклая-де-Толли; дѣйствовавшая противъ насъ батарея обратила свои выстрѣлы на его колонны, и онъ принужденъ былъ отступать далѣе къ Баруту. Въ с. Прейтицъ, правѣе насъ, еще держались Пруссаки. Нашей батареѣ, безъ зарядовъ, приказано было сойдти; мѣсто, занимаемое нами почти у самаго угла выдавшагося центра позиціи, было столь важно, что когда мы сошли, то началось отступленіе Пруссаковъ отъ Креквица. Уже Французы заняли Прейтицъ, и когда я послѣдній сходилъ съ мѣста, ретирада сдѣлалась общею, хотя въ порядкѣ и безъ замѣшательства. Я близко проходилъ съ послѣдними двумя пушками около цѣпи Прусскихъ волонтеровъ, которые весьма бойко отстрѣливались отъ Французовъ; за нами слѣдовали Пруссаки, занимавшіе высоты Креквица.

«камъ.» — Эта батарея была та самая, съ которою я, безъ всякаго приказанія отъ Блюхера, по собственному соображенію спустился, и, подавшись влѣво флангомъ, открылъ мѣткую стрѣльбу во флангъ Французамъ, шедшимъ густыми колоннами на Барклая.

Въ это время увидѣли мы партизана Фигнера, который, въ синемъ плащѣ и въ медвѣжьей шапкѣ, скакалъ на сѣрой лошади: эмалевый образъ Св. Николая Чудотворца на груди его выказывался изъ-подъ мундира до половины; рукою крѣпко держалъ онъ обнаженную саблю; во взорахъ его сверкала отважность, а на блѣдномъ лицѣ выражалось негодованіе. Этотъ воинственно-романическій видъ его запечатлѣлся живо въ моей памяти. Нѣсколько Казаковъ, въ такомъ-же нарядѣ (С. Петербургскаго ополченія), провожали его. Встрѣтившись съ нами, онъ остановился, и разсказалъ на скоро, какъ ему удалось съ своими партизанами и съ помощію Прусской пѣхоты, выгнать Французовъ изъ Глейна; но не будучи подкрѣпленнымъ, онъ принужденъ былъ отступить. Теперь онъ ѣхалъ къ Государю Императору съ донесеніемъ объ опасности, въ которой находился Барклай-де-Толли съ отрядомъ, и о помощи, которую онъ оказалъ ему. Мы пожелали пылкому Фигнеру обратить на себя милостивое вниманіе Императора и награды; но прощаясь съ нимъ, не думали, что прощаемся на вѣки: послѣ этого онъ погибъ.

По сбитіи праваго фланга Союзной арміи Маршаломъ Неемъ, Французы устремились на высоты Креквица, и по всему цен-

тру позиціи открылась сильная канонада; Блюхеръ съ Пруссаками принужденъ былъ отступить къ с. Пуртвицъ. Между тѣмъ Генералъ Іоркъ, сдѣлавъ нечаянное нападеніе на Французовъ, овладѣлъ снова Кревкицомъ, и взялъ въ плѣнъ цѣлый баталіонъ Виртембергцевъ; однако самъ одинъ не могъ держаться. Гвардейская артиллерія Наполеонова, занявъ курганы, стала бить въ Пруссаковъ. День склонялся къ вечеру, и отступленіе наше сдѣлалось форсированнымъ: всякаго рода войски, Прусскія и Русскія, одни черезъ другихъ, проходили съ поспѣшностію; непріятельскія гранаты безпрестанно надъ ними разрывались и ускоряли дѣйствіе ретирады. Колонны Французской пѣхоты безпрерывно шли впередъ; ихъ батареи, часто перемѣняя мѣста, подвигались и преслѣдовали нашу артиллерію, которая безъ зарядовъ спѣшила уходить. Для прикрытія въ арріергардѣ оставалась одна кавалерія. Я опять чуть не попалъ въ бѣду: у моей послѣдней пушки сломилось колесо; мнѣ велѣли ее бросить, но я успѣлъ надѣть запасное, которое случилось при зарядномъ ящикѣ. За то драгуны чуть меня не задавили, поспѣшая уходить отъ гранатъ и ядеръ. Если-бы Наполеонъ имѣлъ тутъ у себя добрую кавалерію, то могъ-бы, во время нашей ретирады, довольно со-

брать плѣнныхъ и трофеевъ; послѣдствія этого сраженія были-бы для него славнѣе, и для Союзниковъ потеря ощутительнѣе. Напротивъ того мы не оставили ни одной пушки, и даже въ плѣнъ попалось весьма немного. Наполеонъ могъ утѣшаться только тѣмъ, что сдвинулъ Союзниковъ съ мѣста. Зажженныя вокругъ деревни означали предѣлы, занятые непріятелями. Преслѣдованіе ихъ къ ночи ослабѣло; за м. Вейссенбергомъ провели мы половину ночи въ отдохновеніи. Арріергардъ нашъ, которымъ, во время отступленія отъ Бауцена, командовалъ Генералъ Ермоловъ, остановился при с. Кетицъ, не доходя Вейссенберга; правѣе, въ с. Гродицъ, остановился Барклай-де-Толли съ Пруссаками, а съ лѣваго фланга Союзныя войски отступили къ Лебау. Такимъ образомъ кончилось Бауценское сраженіе безъ важныхъ послѣдствій. Наполеонъ, при всей изобрѣтательности воинственнаго генія своего, явно обнаруживалъ безсиліе своихъ войскъ.

Потеря съ обѣихъ сторонъ была довольно значительна, особенно на лѣвомъ флангѣ и въ отрядѣ Барклая-де-Толли; но Французы должны были потерпѣть болѣе, потому что нападающій всегда теряетъ болѣе защищающагося на мѣстѣ.

Послѣ Бауценскаго сраженія Союзники

находились въ затруднительномъ положеніи. Отступленіе ихъ также обнаруживало безсиліе противъ Наполеона, открывало ему пути въ Силезію, въ Маркграфство Бранденбургское, и повергало Берлинъ въ жертву его мщенія. Союзникамъ оставалось или прикрывать Польшу, и отдалиться отъ сообщенія съ Австріею, или допустить непріятеля занять Берлинъ и Варшаву, чтобы только не потерять союза съ Австріею; они рѣшились на послѣднее, въ ожиданіи благопріятныхъ происшествій.

10-го Мая, обезсиленная рота наша, вмѣстѣ съ остатками разбитыхъ полковъ, пошла къ мѣст. Рейхенбаху, и ночевала за Герлицемъ, въ пустомъ селеніи. Въ городѣ отъ проходящихъ по улицамъ войскъ было тѣсно; Нѣмцы, покуривая трубки, спокойно смотрѣли на нашу суету, и, казалось, ожидали Французовъ. День былъ туманный и сырой.

Наполеонъ, видя упорность отступленія нашего арріергарда, которымъ опять сталъ командовать Графъ Милорадовичъ, принялъ самъ начальство надъ своимъ авангардомъ; однако неудачно. Около Рейхенбаха, между кавалеріею съ обѣихъ сторонъ вышла жестокая сшибка: гвардейская кавалерія Наполеонова хотѣла ударить во флангъ на-

шей, но сама была встрѣчена тѣмъ-же. Украинскіе, новосформированные Казаки наши въ этомъ дѣлѣ отличились: они изрубили цѣлый полкъ красныхъ улановъ Наполеоновыхъ, вновь набранныхъ изъ Голландцевъ. Нѣсколько десятковъ этихъ гвардейскихъ щеголей, съ изображеніемъ золотаго полу-солнца на киверахъ, были прогнаны мимо насъ въ плѣнъ. Сверхъ того отбито у Французовъ шесть пушекъ, но взято только двѣ, а прочія брошены. Артиллерія наша дѣйствовала съ отличнымъ успѣхомъ: одно ядро оторвало ноги у дивизіоннаго Генерала Ла Брюйера, а другое убило начальника артиллеріи, Генерала Кирхнера, и разорвало животъ Генерала Дюрока, лучшаго друга Наполеонова. Такъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ жесточе были встрѣчи, и Наполеонъ видѣлъ немощь своей новоустроенной арміи. Уже не находилось при немъ тѣхъ мужественныхъ воиновъ, съ коими рѣшалъ онъ судьбу Государствъ, послѣ генеральныхъ сраженій; уже много погибло тѣхъ искусныхъ Генераловъ, которые содѣйствовали славѣ его оружія. Онъ самъ долженъ былъ командовать авангардомъ, и побѣдитель при Лоди, Маренго, Ваграмѣ, Іенѣ, долженъ былъ видѣть собственными глазами пораженіе своихъ войскъ въ простой стычкѣ, чего прежде не бывало.

Союзники день ото дня становились для него страшнѣе. Войски наши отступали въ порядкѣ, не теряя мужества, и каждый шагъ впередъ стоилъ Наполеону лучшей крови героевъ его. Онъ долженъ былъ смущаться духомъ: уже судьба грозила ему.

11-го Мая, отъ Герлица пошли мы къ Лаубану, старинному городку на границѣ Силезіи. Наша рота была причислен къ гвардейской артиллеріи 5-го Корпуса, подъ начальство Генерала Костенецкаго; ее хотѣли расформировать, но въ уваженіе того, что носила имя славнаго партизана Фигнера, оставили; онъ самъ хлопоталъ объ этомъ.

Во время переправы нашего арріергарда чрезъ р. Нейссе, въ Герлицѣ, произошла сильная перестрѣлка. Рота артиллеріи Подполковника Нестеровскаго, занимавшая берегъ по сю сторону, защищала переправу черезъ мостъ, который вскорѣ былъ сожженъ; оставшіеся маркитанты съ повозками бросились въ бродъ, и всѣ попались въ руки Французамъ.

На другой день отступили мы опять въ Силезію и пришли къ мѣс. Левенбергу; тутъ расположились биваками на прекрасной долинѣ, окруженной высотами и пересѣкаемой ручейками. Жители съ трепетомъ ожидали Французовъ, и сѣтовали на

насъ, что мы за нихъ не устояли. «Погодите, чѣмъ кончится!» говорили мы имъ въ утѣшеніе, не зная сами, что будетъ впереди.

По арміи вышелъ строгій приказъ отъ Главнокомандующаго, Графа Витгенштейна, о прекращеніи мародёрства; не велѣно посылать въ селенія фуражировъ, не позволено брать нигдѣ соломы и дровъ, потому что мы вступили во владѣнія нашихъ союзниковъ, Пруссаковъ. Въ Саксоніи, напротивъ того, гдѣ что попадалось подъ руки, позволялось брать даромъ.

Слухи были, что Французы отступаютъ, и перестали насъ преслѣдовать; иные говорили, что главныя силы ихъ потянулись къ Берлину и Глогау. Союзная армія наша раздѣлилась на двѣ части: Блюхеръ съ Пруссаками пошелъ чрезъ Бунцлау прикрывать дорогу на Бреславль, а Барклай-де-Толли съ Рускими придерживался границъ Богеміи; это было самое благоразумное средство побудить Австрійцевъ ко вступленію въ союзъ съ нами.

Чрезъ гористыя мѣста прошли мы до Гольдберга; вправо слышали канонаду. Въ 14 верстахъ отъ насъ, при м. Гейнау, Блюхеръ сдѣлалъ кавалерійскую засаду изъ 20 эскадроновъ на Французскій авангардъ,

много порубилъ, взялъ въ плѣнъ, и отнялъ 4 пушки съ зарядными ящиками.

Здѣсь Силезія красотою видовъ не уступаетъ окрестностямъ Дрездена. Жители не оставляли домовъ своихъ, потому что никто не смѣлъ коснуться ихъ собственности военною рукою, и они за все брали съ насъ *добрые гроши* (*). Солому и дрова мы находили на мѣстахъ биваковъ приготовленными, а довольствовались своими сухарями и кашицею.

15-го Мая, послѣ дневки при Гольдбергѣ, не доходя трехъ верстъ до м. Яура, расположились мы на высотахъ противъ с. Геннерсдорфъ, и слышали въ авангардѣ канонаду. Недалеко отъ насъ стояла гвардія. Государь Императоръ изволилъ проѣзжать по фронту, и гвардейцы встрѣчали его крикомъ: ура!

Потомъ перешли мы за м. Стригау. Многіе жители выѣзжали отсюда съ имуществомъ, и выгоняли скотъ свой; они страшились мщенія Французовъ. Здѣсь поймали нѣсколько шпіоновъ.

Два дни стояли мы на мѣстѣ. Для Со-

(*) Въ Пруссіи ходячая монета есть такъ называемые *худые*, или *добрые гроши* (schlechte oder gute Groschen): мѣлкое серебро, съ большею или меньшею примѣсью мѣди.

юзной арміи избиралась новая позиція за Швейдницемъ, у подошвы Исполинскихъ горъ (Riesengebirge). Слухи были, что Генералъ Винценгероде, съ Рускими и 8,000 Пруссаковъ, занялъ Лейпцигъ; что Французы въ тылу своей арміи претерпѣваютъ пораженія; но что и сами Французы, около Бреславля, будто-бы, отняли у насъ 6 пушекъ и артиллерійскій паркъ съ снарядами.

Графъ Милорадовичъ сталъ командовать 3-мъ и 5-мъ Корпусами; въ авангардѣ начальствовалъ Графъ Паленъ. Главнокомандующимъ Россійскими войсками назначенъ Генералъ Барклай-де-Толли.

19-го Мая прошли мы чрезъ старинный укрѣпленный городъ Швейдницъ, и вступили въ общую позицію Союзныхъ войскъ.

Швейдницъ древній городъ. Ветхая ограда его была теперь исправлена свѣжими насыпями; при всемъ томъ, едва-ли можно было въ немъ держаться: надлежало уничтожить предмѣстія и напустить въ ровъ воды; въ наружныхъ пристройкахъ крѣпости надлежало истребить сады и огороды. Впрочемъ городъ съ крѣпостью довольно обширенъ; домы внутри большіе кирпичные, и столько-же ветхіе, какъ угрюмые ихъ обитатели. Лавки были всѣ заперты,

кромѣ нѣкоторыхъ съ мѣлочными товарами. Наши ассигнаціи были не въ цѣнѣ: за сторублевую давали 18 талеровъ, и то не охотно.

За городомъ, въ двухъ верстахъ, линія боевой позиціи простиралась версты на четыре по высотамъ, вдоль рѣчки; по линіи и на флангахъ строились редуты для батарей. Мѣстоположеніе въ военномъ отношеніи было довольно выгодное, только не обширное; правый флангъ съ отлогимъ скатомъ весьма обнаруживался и подвергался обходу; вся армія не могла-бы тутъ помѣститься. Кажется, ключемъ позиціи полагали впереди крѣпость Швейдницъ; но если-бы непріятель обошелъ и сбилъ правый флангъ, то армія съ трудомъ могла-бы скрыться въ Исполинскія горы.

Тутъ опять сошлись мы съ Пруссаками. Передъ вечернею зарею заиграла музыка во всѣхъ полкахъ; Прусская отличалась кларнетами и валторнами, а наша барабанами и флейточками.

Опять два дни стояли мы на мѣстѣ. Погода была ясная, сухая, и пыль несносная; среди дня было довольно жарко. Около рѣчекъ, обсаженныхъ ивами, пріятная прохлада; я освѣжился купаньемъ въ мутныхъ струяхъ ручейка, обтекавшаго нашу боевую позицію.

Въ авангардѣ слышна была канонада. Между тѣмъ начались переговоры о перемиріи.

По слухамъ, положеніе непріятельской арміи представлялось весьма невыгоднымъ. Наполеонъ со всѣхъ сторонъ окружаемъ былъ врагами.

Положеніе Союзныхъ войскъ у подошвы Исполинскихъ горъ утверждалось на крѣпостяхъ Зильберберг, Глацъ и Нейссе, лежащихъ на хребтѣ, у границъ Австрійскихъ владѣній. Если-бы Французы насъ сбили подъ Швейдницемъ, то мы какъ нибудь ушли-бы въ горы, подъ защиту этихъ крѣпостей; а если-бы они, оставивъ насъ въ горахъ, стали-бы углубляться въ Польшу, тогда-бы мы въ тылу ихъ могли прервать сообщеніе съ Эльбою. Однако, не смотря на то, что Французы 20-го Мая заняли Бреславль на Одерѣ, Наполеонъ поспѣшилъ заключить перемиріе. Армія его была хотя многочисленнѣе нашей, но разсѣяна и въ худомъ положеніи; конница его вовсе не годилась и не давала ему никакой надежды обезопасить тылъ своей арміи, если-бы онъ вздумалъ идти далѣе. Наполеонъ ожидалъ вспомогательныхъ войскъ отъ Рейнскихъ своихъ союзниковъ, и долженъ былъ снова устроить корпусы, госпитали, и парки. Нерѣшимость Австріи заставля-

ла его опасаться, чтобы, при углубленіи его въ Польшу, она явно не возстала, и занятіемъ Дрездена не отрѣзала ему сообщенія съ Рейномъ. Такія обстоятельства побудили Наполеона охотно принять перемиріе. Онъ надѣялся на хитрость своей Дипломатіи, и думалъ, что успѣетъ склонить къ себѣ Австрію. Но, кажется, онъ болѣе-бы выигралъ, если-бы безостановочно шелъ къ Варшавѣ. Тогда могъ-бы онъ присоединить къ себѣ нѣсколько десятковъ тысячь старыхъ воиновъ, оставленныхъ имъ въ крѣпостяхъ на Одерѣ и на Вислѣ, разрушилъ-бы всѣ военныя учрежденія, депо, магазины продовольствія Союзниковъ, въ Герцогствѣ Варшавскомъ, и особенно въ Пруссіи, которую-бы сверхъ того могъ раззорить до основанія. Правда, война дошла-бы до послѣдней крайности; но будучи сильнѣе Союзниковъ въ средствахъ, и обладая общимъ страхомъ народовъ въ свою пользу, онъ могъ-бы побудить враговъ своихъ просить выгоднаго для него мира: стоило-бы только заблаговременно успокоить Австрію уступкою завоеванныхъ имъ провинцій Иллиріи, Силезіи и проч.; но уже геній Наполеона старѣлся; потери и слабость многочисленной арміи юношей отклоняли его отъ великихъ предпріятій.

Положеніе Союзниковъ было опаснѣе. Пруссія находилась въ худомъ состояніи. Ея ополченіе, хотя въ началѣ произведенное съ энтузіазмомъ, не было устроено; еще многаго недоставало для полнаго вооруженія націи; потери въ сраженіяхъ Люценскомъ и Бауценскомъ были значительны; при дальнѣйшемъ углубленіи Французовъ въ Силезію и Бранденбургію, Пруссаки лишились-бы даже способовъ вооруженія и продовольствія войскъ. Россія, слишкомъ удаленная отъ своихъ источниковъ, имѣла большую нужду въ укомплектованіи войскъ, въ снабженіи ихъ ремонтами и всякаго рода припасами. Требовалось время кончить дипломатическіе переговоры въ свою пользу: ввести въ союзъ Австрію, Швецію, и побудить Англію къ содѣйствію Союзникамъ деньгами и оружіемъ. Такимъ образомъ обѣ враждующія силы нуждались въ отдохновеніи; но менѣе всѣхъ имѣлъ въ томъ нужды Наполеонъ; Союзникамъ перемиріе было необходимо, и на этотъ разъ Дипломатія ихъ перехитрила своенравную политику Наполеона.

ГЛАВА VI.

ПЕРЕМИРІЕ.

Прекращеніе военныхъ дѣйствій. — Рейхенбахъ. — Приключеніе въ трактирѣ. — Парадъ. — Калибровка ружей. — Странствіе вокругъ Швейдница. — Исполинскія горы. — Цобтенбергъ. — Вооруженіе Союзниковъ.—Состояніе жителей.—Перемѣщеніе войскъ.— Продолженіе перемирія. — Квартированіе. — Смотры войскамъ.

Съ занятіемъ Французами города Бреславля на Одерѣ, прекратились всѣ военныя дѣйствія, и чрезъ три дни, 23 числа, заключено перемиріе, близъ Яура, въ с. Пейшвицѣ, уполномоченными съ обѣихъ сторонъ Генералами. Срокъ перемирія положенъ до 8-го Іюля; военныя дѣйствія долженствовали начаться спустя шесть дней послѣ срока. Но условія перемирія въ самомъ началѣ были нарушены, и, кажется, оно заключалось для того единственно, чтобы приготовиться къ продолженію войны съ новымъ ожесточеніемъ.

23-го Мая, въ день заключенія перемирія, стали разводить войски на кантониръ-

квартиры. Наша рота артиллеріи въ полдень тронулась съ биваковъ изъ общей позиціи подъ Швейдницемъ, и, прошедъ за м. Минстербергъ двѣ версты, остановилась на биваки у с. Вейсенталь.

Здѣсь мы дневали, и писали требовательную вѣдомость о жалованьѣ, котораго за прошедшую Генварскую треть до сего времени не получали.

Теперь стали мы нуждаться въ продовольствіи: за деньги въ деревняхъ ничего не находили, а фуражировать было запрещено. Жителямъ приказали ловить фуражировъ, или мародёровъ, и за каждаго обѣщали по червонцу.

Потомъ отвели намъ квартиры. 3-я легкая рота, въ которой я служилъ старшимъ Поручикомъ, поступила въ совершенное командованіе Подполковнику Тимоѳееву. До этого времени онъ имѣлъ свою полуроту, и только надзиралъ надъ ротою, которою я командовалъ послѣ Фигнера.

Ввечеру полученъ былъ приказъ отъ Начальника резервной артиллеріи, Генерала Эйлера, чтобы командировать меня въ главную квартиру, въ м. Рейхенбахъ, къ Начальнику всей артиллеріи, Князю Яшвилю, для особеннаго порученія; вмѣстѣ со мною назначили изъ разныхъ ротъ Поручиковъ Арнольди, Альбедиля, и Селезнева.

Верхомъ на подъемныхъ клячахъ пріѣхали мы четверо въ Рейхенбахъ, и явились въ квартиру Князя, гдѣ въ передней комнатѣ застали многочисленное сборище артиллерійскихъ офицеровъ. Важность всего окружающаго навела на насъ какую-то робость, и мы, зная строгость Князя, ожидали себѣ какой нибудь бѣды. Однако мы его не видали; насъ позвали къ Начальнику артиллерійскаго штаба, Генералу Сухозанету, который обошелся съ нами весьма ласково и приказалъ отправиться къ Графу Аракчееву.

Въ пріятной деревушкѣ Петерсвальдау, въ двухъ верстахъ отъ Рейхенбаха, явились мы въ квартиру Графа Аракчеева. Въ сѣняхъ стоялъ фельдъегерь, а въ передней Графскій Адъютантъ Полковникъ К***, который тотчасъ доложилъ о насъ Графу. Черезъ нѣсколько минутъ вошли мы, по призыву, съ нѣкоторымъ трепетомъ, въ огромную, безмебельную, довольно мрачную комнату, гдѣ, въ отдаленномъ углу, Графъ одинъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ. Его Сіятельство удостоилъ насъ благосклоннымъ пріемомъ, и, вручивъ мнѣ бумаги, приказалъ намъ отправиться обратно къ Князю Яшвилю. Мы пошли, однако еще не знали своего назначенія и были въ недоумѣніи.

По нѣкоторомъ ожиданіи въ домѣ Князя, Генералъ Сухозанетъ приказалъ намъ отправиться въ свои квартиры, съ тѣмъ, чтобъ мы явились въ Рейхенбахъ, когда насъ потребуютъ.

Пользуясь свободою, мы зашли въ трактиръ закусить; но за тѣснотою, отъ множества офицеровъ разныхъ полковъ, едва достали себѣ кусокъ баранины. Въ небольшомъ городкѣ Рейхенбахѣ расположены были главныя квартиры Союзныхъ Монарховъ, Главнокомандующаго, всѣхъ Дипломатовъ, Министровъ, Посланниковъ, и всѣхъ важныхъ особъ, а потому безпрестанно мимо насъ мелькали блестящіе мундиры разнаго покроя и цвѣта на офицерахъ, составлявшихъ свиты; они взадъ и впередъ, на лошадяхъ и пѣшкомъ, суетились по площади.

Къ ночи надобно было намъ поспѣть въ м. Франкенштейнъ, въ 14-ти верстахъ отъ Рейхенбаха, чтобы явиться къ Начальнику резервной артиллеріи, и оставаться тамъ въ ожиданіи дальнѣйшаго приказанія; однако мы въ Рейхенбахѣ замѣшкались, выѣхали довольно поздно, и за темнотою принуждены были ночевать, не доѣзжая семи верстъ, въ деревушкѣ, у офицеровъ 1-го Украинскаго полка Князя Горчакова. Мы нашли у нихъ добрый пріемъ,

музыку , веселую компанію, и до полуночи разсказывали другъ другу разные анекдоты.

По утру, на другой день, пріѣхали мы четверо въ м. Франкенштейнъ, и явились къ Генералу Эйлеру. Между тѣмъ произошла объ насъ тутъ сумат оха: за нами присылали изъ Рейхенбаха тогда, какъ мы еще не успѣли пріѣхать въ Франкенштейнъ. Генералъ, не зная куда мы дѣвались, будучи посланы въ главную квартиру, назначилъ другихъ офицеровъ; но узнавъ, что мы ночевали на дорогѣ, сдѣлалъ намъ строгій выговоръ. Не знаю по какому случаю, только двоихъ изъ насъ перемѣнили. Съ полудня мы четверо: я, Чутинъ, Сенкевичъ и Селезневъ, отправились верхомъ опять въ Рейхенбахъ, и, пріѣхавъ поздно вечеромъ, явились къ Генералу Сухозанету, который, поговоривъ съ нами ласково, отпустилъ искать квартиры.

Не ѣвши ничего съ самаго утра, ни въ Франкенштейнѣ, ни въ Рейхенбахѣ, и проѣздивъ съ своими явками весь день, мы къ вечеру очень проголодались, и на ужинъ зашли въ тракширъ. Тутъ армейскіе офицеры играли въ билліардъ. Мы смиренно сѣли за столъ и просили убѣдительно хозяйку подать намъ чего нибудь закусить. Суетливая и ворчливая мутперхенъ, въ

ушастомъ чепцѣ, жаловалась, что она не можетъ ничего напастись для аппетита Русскихъ офицеровъ, однако — изъ милости — принесла намъ по кусочку печеной баранины съ салатомъ, поставила бутылку пива, и взяла — также изъ сострадания — по полуталеру съ брата. Отъ двухъ-дневной ѣзды и діеты мы довольно поизнурились, а потому, отблагодаривъ свою муттерхенъ за милостивый ужинъ, расположились по угламъ билліардной комнаты, кто на стулѣ, кто на канапе, и сидя дремали. Въ такомъ положеніи мы думали тутъ-же провести ночь, потому что отыскивать квартиры намъ было поздно....

По поводу нѣкотораго страннаго недоразумѣнія, товарищей моихъ посадили подъ караулъ, а меня, какъ зачинщика, отвели на гауптвахту, и сунули за рѣшетку, въ душное и смрадное отъ тѣсноты арестантовъ мѣсто. Сначала я крайне досадовалъ, что со мною поступили безъ всякой справедливости, какъ съ важнымъ преступникомъ, и, чувствуя свою невинность, прослезился; но послѣ сталъ смѣяться странности приключенія, и просилъ караульныхъ солдатъ, чтобъ позволили мнѣ выйдти на свѣжій воздухъ. Погода была тихая, хотя ночь темная и

прохладная. Я, не забывъ взять съ собою изъ тракпира шинель, легъ на мостовой, близъ будки часоваго, и спалъ на камняхъ крѣпко, до самаго разсвѣта.

По утру, на другой день, стали насъ искать по всему Рейхенбаху, и узнали, что мы ночуемъ въ добрыхъ и безопасныхъ квартирахъ. Прекрасная заря утренняго солнца нѣжила меня, и я, вытягиваясь, продолжалъ безпечно валяться на мостовой, когда пришелъ артиллеріи Капитанъ Эйсмонтъ, и потребовалъ меня съ гауптвахты. Ему указали на валяющагося у будки арестанта; онъ довольно посмѣялся, видя мою безпечность, и повелъ меня къ Князю Яшвилю. Тамъ я засталъ своихъ товарищей; мы поздравляли другъ друга съ пріятнымъ ночлегомъ, и довольно забавлялись своимъ приключеніемъ.

Князь вышелъ посмотрѣть насъ; онъ казался тогда довольно веселымъ, а потому я осмѣлился сказать ему:—Ваше Сіятельство! заступитесь за насъ; съ нами поступили весьма несправедливо и обидно.— « Какъ быть, братцы! » сказалъ онъ: « надобно впредь быть осторожнѣе, и не загуливаться въ тракпирахъ. »—Мы не имѣли квартиры—продолжалъ я—пріѣхали сюда поздно; тракпирщикъ.... « Ну, полно, полно! » — и тѣмъ все кончилось.

Узнавъ, что насъ командируютъ въ армію для калибровки ружей, мы вышли отъ Князя искать себѣ, заблаговременно до отправленія, квартиры. На площади застали парадный разводъ гвардіи Семеновскаго полка. Тутъ увидѣли своего Императора, Цесаревича, Графа Аракчеева, Князя Волконскаго, и многихъ своихъ и иностранныхъ Генераловъ; блестящая свита ихъ была столь-же многочисленна, какъ и разводъ. Гвардейцы наши парадировали стройно, ровно, какъ на картинкѣ; огромная музыка раздавалась по всѣмъ угламъ Рейхенбаха: было чѣмъ любоваться. Но мы, опасаясь попасть опять кому-либо на глаза не кстати, пробирались сторонкою подальше. Во весь день не могли мы найдти себѣ квартиры, ни чрезъ полицію, ни чрезъ ратушу; однако, по знакомству одного изъ товарищей, нашли пріютъ для ночлега у офицеровъ Гвардейскаго Экипажа.

Слѣдующій день прошелъ безъ дѣла. Мы выходили всѣ тѣсныя улицы Рейхенбаха, и по счастію нашли Коменданта Главной Квартиры, Генерала Ставракова, который пенялъ намъ, что мы давно къ нему не явились, и назначилъ квартиру въ пустомъ домишкѣ, на краю мѣстечка.

30-го Мая, по утру, фельдъегерь отъ Графа Аракчеева позвалъ насъ въ квартиру

Государя Императора. Мы пришли, и намъ велѣли ожидать приказанія въ пріемной залѣ. Тутъ много было всякихъ чиновниковъ въ блестящихъ мундирахъ; между ними расхаживалъ одинъ почтенный старичекъ, въ красномъ мундирѣ, обращавшій на себя вниманіе присутствующихъ; его почитали за Англійскаго Лорда, Министра. Въ залѣ наблюдалась строгая тишина, какъ въ преддверіи святилища. Черезъ нѣсколько минутъ явился Графъ Аракчеевъ, и повелъ насъ за собою. Черезъ три комнаты вошли мы въ одну небольшую, которая отъ опущенныхъ на окнахъ шторъ была въ пріятномъ полусвѣтѣ; на одномъ столѣ у дверей лежало восемь ружей съ билетиками, а за полуоткрытыми дверьми что-то читали вслухъ: тамъ находился самъ Государь Императоръ. Вскорѣ вышелъ оттуда Князь Волконскій. Графъ Аракчеевъ, взявъ меня подъ руку, сказалъ Князю: « Вотъ, Ваше Сіятельство, офицеры, которые выполнятъ въ точности порученіе! »—Князь приказалъ намъ взять ружья и откалибровать ихъ дома. Мы вынесли ихъ въ пріемную залу, и отдали вѣстовымъ гвардейцамъ, которые донесли ружья къ намъ на квартиру. Послѣ обѣда мы ихъ откалибровали, сдѣлали каждому ружью подробное описаніе и понеслись съ ними

опять въ квартиру Государя, къ Князю Волконскому. Онъ смотрѣлъ нашу работу, и приказалъ намъ явиться къ Начальнику Штаба 1-й арміи, Генералу Сабанееву. Отъ этого Генерала получили мы повелѣніе тотчасъ отправиться во всѣ войски калибровать ружья. Меня и Поручика Чупина назначили въ Корпусы Графа Витгенштейна, а прочихъ послали въ Корпусы Графа Ланжерона и Барона Сакена.

31-го Мая приготовились мы для путешествія, каждый самъ по себѣ; у почильнаго мастера взяли костяные цилиндры, которые, дни за два, заказали себѣ для пособія въ калибровкѣ ружей, и разъѣхались на форшпанахъ, по открытому листу отъ Дежурнаго Генерала Кикина.

Я поѣхалъ въ Швейдницъ. Крѣпость, по возможности, приведена была въ оборонительное состояніе: земляной валъ вооружили фрезами, а на гласисѣ вырыли волчьи ямы. Проѣзжая по улицамъ, я замѣтилъ въ домахъ довольно пригожихъ Нѣмочекъ; но для ночлега отвели мнѣ весьма дурную квартиру.

1-го Іюня, въ день Троицы, при ясной погодѣ, отправился я въ квартирное расположеніе Корпусовъ Графа Сенъ-При и Генерала Олсуфьева. Графъ Сенъ-При не находился при Корпусѣ; онъ былъ уволенъ

въ Вѣну. Въ отсутствіи его командовалъ Корпусомъ Генералъ Желтухинъ.

Я началъ свою работу въ 3-мъ егерскомъ полку, который находился тогда въ авангардѣ, на бивакахъ, при д. Яурникахъ, подъ начальствомъ Генерала Эммануэля. Биваки егерскіе были построены прочно и опрятно: соломенные шалаши, на подобіе домиковъ, поставленные линіями, издали представляли видъ деревушки. На постахъ выставлены были маяки, и, не смотря на перемиріе, соблюдалась вся воинская предосторожность.

Отсюда поѣхалъ я въ д. Тихенау, въ 17-ю дивизію Генерала Пиллара, въ Бѣлозерскій полкъ. Къ вечеру, на ужинъ поспѣлъ въ д. Шенфельдъ, къ 48-му егерскому полку, и ночевалъ въ с. Доманцахъ, въ огромной пустой мызѣ, гдѣ стоялъ Брестскій полкъ. Такимъ образомъ въ первыя сутки я успѣлъ окалибровать всѣ ружья въ трехъ полкахъ.

Разсѣянный по селеніямъ, Брестскій полкъ задержалъ меня на другой день; я ѣздилъ почти подъ самую гору Цобтенъ. Еще съ большею досадою искалъ и собиралъ Рязанскій полкъ въ с. Петервицъ и Пушкау.

Въ м. Спригау осмотрѣлъ я 23-й егерскій полкъ. Не смотря на то, что въ десяти верстахъ отсюда находились непрія-

шельскіе пикеты, повсюду была тишина и спокойствіе, какъ среди глубокаго мира. Мнѣ разсказывали, что 19-го Мая, около Стригау, была жаркая сшибка у нашихъ съ Французами, которые съ урономъ были сбиты съ мѣста.

Для ночлега поспѣлъ я въ с. Становицы, гдѣ успѣлъ окалибровать ружья только въ одномъ батальонѣ 24-го егерскаго полка.

Въ слѣдующій день работа моя была удачнѣе. Я осмотрѣлъ ружья въ 24, 25 и 26-мъ егерскихъ полкахъ, которые были многолюднѣе прочихъ и находились подъ командою Генерала Рота. Они были разсѣяны по деревнямъ, у подошвы Исполинскихъ горъ.

Къ вечеру прибылъ я въ опрятное и чистое мѣстечко Гоенъ-Фридбергъ, лежащее къ западу отъ Швейдница, у подошвы горъ. Прелестные холмы, украшенные рощицами, составляли его окрестности. Тутъ окалибровалъ ружья въ Олонецкомъ полку, и остался ночевать въ пустой мызѣ.

На другой день, съ разсвѣтомъ, я поѣхалъ въ горы, въ с. Баумгартенъ, въ Староскольскій полкъ; на пути любовался прелестными видами Исполинскихъ горъ, которыя воздымались передо мною, какъ древніе Титаны, и терялись въ отдаленности. На долинахъ, около небольшихъ деревушекъ,

увѣнчанныхъ садами, разстилались ковры яркой и блѣдножелтой зелени яроваго и озимаго хлѣба; около рѣчекъ, на лужкахъ, паслись небольшія стада коровъ, овецъ. Счастливые обитатели! думалъ я; вы теперь спокойны, и не чаете той грозы, которая вокругъ васъ скопляется; можетъ быть скоро она рушится надъ вами, и въ нѣсколько часовъ сотретъ съ лица земли ваше существованіе! Наслаждайтесь бытіемъ своимъ, покуда можете, и не теряйте безполезно минутъ жизни: пользуйтесь этимъ безцѣннымъ даромъ природы.

Какъ рано ни пріѣхалъ я въ Баумгартенъ, однако прождалъ до 10-ти часовъ, покуда собрался полкъ въ квартирѣ своего шефа, Генерала Ш***, который, въ продолженіе своей службы, прошелъ всѣ званія, начиная отъ деньщика, фельдфебеля и Подпоручика до Маіора и до Генерала. Съѣвъ у него балычка и икорки, сохранившихся еще отъ предѣловъ Россіи, поѣхалъ я далѣе въ горы, къ м. Болкенгайну, расположенному на сѣдыхъ скалахъ, надъ ужасными пропастями, и окруженному каменною стѣною, съ древнимъ полуразвалившимся замкомъ. Виды здѣсь живописные, романическіе: угрюмыя скалы, черные лѣса, опустѣвшіе замки; все это, встрѣчавшееся мнѣ часто въ этихъ горахъ, напо-

минало исторію минувшихъ вѣковъ Рыцарства, или благородныхъ разбоевъ Феодализма. Мѣста эти занималъ 19-й егерскій полкъ Генерала Вуича, который принялъ меня отмѣнно ласково и пригласилъ къ себѣ на обѣдъ.

Осмотрѣвъ ружья въ егерскомъ полку, поѣхалъ я искать Вятскаго, и нечаянно засталъ его въ городѣ Фрейбургѣ, подъ начальствомъ Князя Урусова. Отыскивая баталіонъ Вятскаго полка, ночевалъ въ одной бѣдной деревушкѣ.

Въ слѣдующій день возвратился въ Фрейбургъ для осмотра ружей въ Староингерманландскомъ полку. Въ с. Кунцендорфѣ осмотрѣлъ я Шлиссельбургскій полкъ, который меня задержалъ; въ с. Рейхенау, на самой вершинѣ Исполинскихъ горъ, осмотрѣлъ 7-й егерскій полкъ.

Проѣхавъ мѣстечко Ландсгутъ, ночевалъ въ д. Шрейбендорфѣ. Тутъ, на мызѣ, засталъ я за сытнымъ ужиномъ помѣщика съ семействомъ, и при нихъ молодаго Маіора. Замѣтивъ, что приходъ мой былъ не во время, я тотчасъ отретировался къ шульцу, или деревенскому старостѣ, который отвелъ мнѣ квартиру у мѣльника, на самой границѣ Богеміи. Здѣсь строились земляные окопы, конечно въ обезпеченіе отъ нападенія Французовъ.

Тушъ я былъ на вершинѣ *Исполинскихъ горъ,* въ шуманѣ, или въ облакахъ, между скалами, и окруженный пропасшями; выше эшого еще въ жизни своей не поднимался. Жишели здѣсь шакъ-же угрюмы и безобразны, какъ ихъ горы. Вездѣ природа земли ошпечашываешъ свою физіогномію на лицахъ мѣсшныхъ обишашелей. Какъ велико различіе между пріяшною наружносшію Саксонца и угрюмымъ безобразіемъ горнаго Богемца! Довольсшво жизни, образованіе ума и сердца, нравсшвенныя наслажденія нѣжашъ душу Саксонца, и выражаюшся въ спокойныхъ и пріяшныхъ черпахъ лица его; напрошивъ шого, вѣчная нужда, исшощеніе, забошы о пропишаніи семейсшва, вліяніе суровой ашмосферы, и самый видъ дикихъ скалъ, наводящихъ на душу горнаго обишашеля уныніе, искажаюшъ черты лица его. Романисшы прославляюшъ счасшливую жизнь въ Швейцаріи; но шакъ-ли она счасшлива? Можешъ быть шолько въ долинахъ, между горами, гдѣ человѣкъ живешъ безъ нужды, окруженный дарами природы, являюшся пріяшносши жизни, а не на скалахъ. Лучше всякихъ доказашельсшвъ я эшо видѣлъ предъ собою. Здѣсь, между гранишныхъ скалъ, хижины разсѣяны по шеченію бысшрыхъ ручейковъ; хошя берега ихъ украшены незабудочками, но эши

незабудочки прелестны только для минутнаго гостя. Жители бѣдны, хлѣба сѣютъ немного, даже недостаточно имѣютъ луговъ для содержанія тощаго и мѣлкаго скота своего. Хозяинъ мой, мѣльникъ, жилъ порядочнѣе прочихъ — отъ помола. Онъ занимается не одною мѣльницею, но и политикою: разсказывалъ мнѣ, что въ Прагѣ съѣхались Министры на конгрессъ, и, кажется, готовятъ миръ; что Французы болѣе всѣхъ въ томъ нуждаются, ибо въ молодомъ ихъ войскѣ множество больныхъ, и почти вовсе нѣтъ кавалеріи. И это говорилъ простой мѣльникъ.

По утру сходилъ я къ Подполковнику Шеншину, и взялъ отъ него записку о расположеніи Архангелогородскаго полка, для котораго, до полудня, ѣздилъ по деревушкамъ, въ горахъ, осматривать ружья. На пути безпрестанно мочилъ меня мѣлкій дождь; я ѣздилъ въ облакахъ по скаламъ, и любовался видами дикой природы. Скалы гранитныя, островерхія, покрыты у подошвы тонкимъ слоемъ дерна, въ которомъ ростетъ мѣлкая ель и колючій кустарникъ. Мѣстами выдаются большіе безобразные отломки.

Къ ночи спустился я съ горъ къ м. Гоенъ-Фридбергъ, и ночевалъ въ домѣ стараго, горбатаго Доктора, который посылалъ

Наполеона къ тысячѣ дьяволовъ за причиненное мною ему безпокойство. Послѣ продолжительной ѣзды, измокшаго и голоднаго гостя своего онъ уподчивалъ тремя яичками, увѣряя по своей наукѣ, что ничего въ свѣтѣ нѣтъ питательнѣе яицъ, что одно яйцо въ этомъ отношеніи стоитъ десяти картофелинъ. Впрочемъ причину скудости своего угощенія онъ слагалъ на Казаковъ, которые обшарили всѣ углы въ его домѣ, отыскивая Французовъ, и, казалось ему, готовы были самого Доктора съѣсть безъ соли.

Этимъ кончилъ я калибровку ружей въ Корпусѣ Графа Сенъ-При, осмотрѣвъ шестнадцать полковъ въ шесть дней. Я проѣхалъ часть демаркаціонной линіи, начиная отъ границъ Богеміи чрезъ Ландсгутъ, Болкенгайнъ, и Стригау, лежащее на большой дорогѣ между Яуромъ и Швейдницемъ, въ 14-ти верстахъ отъ каждаго.

7-го Іюня поѣхалъ я опять къ Швейдницу, чрезъ д. Яурникъ, въ Корпусъ Генерала Олсуфьева. Въ с. Швенцинау осмотрѣлъ ружья въ Сѣвскомъ полку. Въ с. Вилькенау нашелъ корпусный штабъ самого Генерала. Тутъ я осмотрѣлъ ружья въ егерскомъ баталіонѣ Ея Высочества, которымъ командовалъ Флигель - Адъютантъ, Полковникъ Князь Оболенскій. Я восхищался его бла-

городнымъ обхожденіемъ съ подчиненными офицерами. Въ с. Гросъ-Мерцдорфъ осмотрѣлъ Пермскій полкъ 5-й дивизіи, которою командовалъ Генералъ Мезенцевъ. Въ с. Клетендорфъ осмотрѣлъ Могилевскій полкъ. На вечеръ пріѣхалъ въ с. Биркгольцъ, въ Калужскій полкъ, гдѣ ужиналъ и ночевалъ въ обществѣ тридцати офицеровъ. Я замѣтилъ и здѣсь, что благородное обхожденіе полковаго командира съ офицерами дѣлало ихъ пріятными въ бесѣдѣ между собою.

До десяти часовъ утра слѣдующаго дня проѣздилъ по ротамъ Калужскаго полка. Проѣзжая с. Стефангайнъ, явился къ командиру дивизіи, Князю Гуріалову, и въ с. Гулау осмотрѣлъ Екатеринбургскій полкъ, при чемъ одинъ Маіоръ, своею повѣстію о великой потерѣ этого полка въ послѣднемъ сраженіи, продержалъ меня и сдѣлалъ безъ обѣда. Въ Оберъ-Кентхенѣ осмотрѣлъ Елецкій полкъ, а въ Кальтбрунѣ, у подошвы горы Цобтена, Полоцкій.

Гора Цобтенъ въ окружности имѣетъ верстъ 12-ть, а вышиною по отлогости версты двѣ съ половиною; снизу до верха покрыта она густымъ лѣсомъ, и стоитъ среди плодоносной равнины, усѣянной деревеньками. Положеніе ея къ востоку отъ Швейдница верстахъ въ десяти. На самой

вершинѣ стоитъ Лютеранская кирха, гдѣ въ Ивановъ день бываетъ большой праздникъ; жители изъ окрестныхъ мѣстечекъ и селеній во множествѣ стекаются на Цобтенбергъ въ честь Іогана-Вурста, и несутъ съ собою, говорятъ, каждый по гусю и по колбасѣ, для общаго торжества въ честь Мартину Лютеру.

Въ с. Оберъ-Вирау осмотрѣлъ 33-й егерскій полкъ, а въ Клейнъ-Вирау 1-й егерскій, гдѣ и остался ночевать у Маіора Бера.

Во время странствія моего узналъ я, что полки весьма нуждались въ продовольствіи и аммуниціи. Транспорты изъ Россіи еще не приходили; провіанта въ полкахъ недоставало, и многіе солдаты обносились. Сказывали мнѣ, будто вышелъ указъ, чтобы не впускать изъ-за границы въ Россію ни людей военныхъ, ни ассигнацій.

При осмотрѣ ружей я замѣтилъ, что разнокалиберщина произошла отъ несоблюденія порядка въ госпиталяхъ, ибо находилъ разносортныя ружья болѣе у тѣхъ рядовыхъ, которые оставались гдѣ-либо за ранами лечиться.

14-й дивизіи я не засталъ на мѣстѣ, и поѣхалъ опять чрезъ Швейдницъ къ горамъ, въ м. Вальденбургъ; тутъ, въ Эстляндскомъ и Тенгинскомъ полкахъ, на

походѣ сдѣлалъ послѣднюю калибровку ружей, и оставался обѣдать въ трактирѣ подъ вывѣскою *Золотой Надежды* (Goldene Hoffnung); любовался милыми Нѣмочками, которыя за разными надобностями приходили въ трактиръ, и, на вопросы мои отвѣчая съ усмѣшкою, поспѣшно уходили. Извощику на форшпанѣ никакъ не хотѣлось меня везти, и онъ давалъ мнѣ два добрыхъ гроша, чтобы я уволилъ его. За такое простосердечіе не льзя было не дать ему своихъ три; при чемъ представилъ я невозможность увольненія, потому что ходить пѣшкомъ такъ далеко не по моимъ силамъ.

Изъ м. Вальденбурга переѣхалъ я въ с. Вестрицъ по весьма дурной дорогѣ, чрезъ каменистые овраги. Тутъ опять ночевалъ въ 1-мъ егерскомъ полку.

Этотъ полкъ былъ извѣстенъ своей храбростію, имѣлъ Георгіевскія серебряныя трубы, за отличіе надпись на киверахъ, а офицеры золотыя петлицы на воротникѣ. Бывши съ начала войны подъ командою храбраго Полковника Карпенко, этотъ полкъ во всѣхъ сраженіяхъ отличался, особенно въ Бородинскомъ, и менѣе прочихъ понесъ потери. Между офицерами и солдатами была строгая дисциплина; солдаты были всегда одѣты щеголевато и опрят-

но; люди все рослые, стройные и проворные. За отсутствіемъ самого Полковника командовалъ полкомъ строгій Маіоръ Беръ.

10-го Іюня переписалъ я набѣло свой отчетъ, и сочинилъ форму табели (*) о показаніи во всѣхъ полкахъ разнаго сорта и калибра ружей, которыхъ было по общему итогу осмотрѣно мною въ 28 полкахъ до 30,000. Посему на каждый день моей работы приходилось до 3000 ружей, или по три полка. Многіе полки были очень малолюдны, особенно егерскіе. Ружья находилъ я большею частію Тульскія съ 1806 по 1809 годъ, формою весьма сходныя съ Французскими *Ліежъ*, и одинаковаго съ ними 7-го линейнаго калибра; въ линейныхъ пѣхотныхъ полкахъ было множество старыхъ, широкодульныхъ, или 8-ми линейныхъ Тульскихъ ружей, съ 1797 по 1800 годъ, которыя отъ большихъ разстрѣловъ вовсе не годились къ употребленію. Въ нѣкоторыхъ полкахъ были Англійскія ружья съ короною въ штемпелѣ, Французскія *Мобежъ*, Прусскія *Потсдамъ*, и даже Шведскія. Изъ всѣхъ легчайшія и лучшей отдѣлки были Французскія, съ надписью *Ліежъ*; Англійскія ружья были тя-

(*) По которой и нынѣ предписано въ полкахъ калибровать ружья.

желы, калибромъ шире Французскихъ, но въ рабошѣ прочнѣе; Прусскія и Шведскія, какъ наши сшаро-Тульскія, были весьма неловки, шяжелы и негодны.

Съ вѣдомосшію при рапоршѣ поѣхалъ я въ Рейхенбахъ шагомъ, на длинномъ форшпанѣ, и имѣлъ довольно времени любовашься на пуши видами и шучною зеленью наливающагося всюду хлѣба. Въ Рейхенбахѣ подалъ свой ошчешъ Начальнику Главнаго Шшаба 1-й арміи, Генералу Сабанееву; онъ просмошрѣлъ бумаги и сказалъ мнѣ: *хорошо*.

Для ошдыха зашелъ я въ шошъ-же шракширъ, ошкуда доставили мнѣ пріяшный ночлегъ на гаупшвахшѣ, какъ будшо въ награду предваришельно за исправное и скорое исполненіе порученія. Тушъ засталъ я, по обыкновенію, множесшво госшей и охошниковъ до билліарда; но какъ самъ не былъ охошникъ и не умѣлъ владѣшь кіемъ, шо черезъ нѣсколько минушъ на шомъ-же форшпанѣ, по полудни, двинулся въ Франкеншшейнъ. Здѣсь увидѣлъ я своихъ канонеровъ, и Шшабсъ-Капишана Жемчужникова, съ кошорымъ пріѣхалъ въ рошу, расположенную въ д. Шлаузѣ; Подполковникъ съ офицерами кваршировалъ въ обширномъ, пусшомъ зданіи какого-шо знашнаго помѣщика.

Вотъ я опять въ ротѣ по прежнему; не смотря на общество веселыхъ товарищей, мнѣ было скучно и тягостно. Во время десятидневной поѣздки я наслаждался полною свободою, и леталъ по горамъ, какъ чижикъ, вырвавшійся изъ клѣтки; располагалъ временемъ произвольно, вездѣ встрѣчалъ новые предметы, занимательные для любопытства; вездѣ принимали меня съ нѣкоторымъ уваженіемъ по моему занятію.

Между тѣмъ, въ продолженіе перемирія, Россія, Англія, Пруссія и Швеція заключили твердый союзъ противъ Наполеона.

Въ Пруссіи вооруженіе производилось съ большою дѣятельностію; одни жители Берлина сформировали 30,000-й Корпусъ. Къ намъ также стали подходить войски. Баронъ Остенъ-Сакенъ, оставленный въ Галлиціи противъ Князя Поняшовскаго, по удаленіи Польскихъ войскъ къ арміи Наполеона, пришелъ съ 11,000 въ Силезію. Генералъ Бенингсенъ, съ 70,000 резервнаго войска, находился на Вислѣ. Всѣхъ недовольныхъ Наполеономъ Германцевъ и Французовъ принимали охотно въ Русскую службу. Важнѣйшій изъ числа ихъ былъ славный Французскій полководецъ Генералъ Моро, вызванный нашимъ Императоромъ изъ Америки. Наслѣдный Принцъ Шведскій,

прежде бывшій Бернадоттъ, счастливѣйшій изъ всѣхъ Французскихъ Генераловъ, вышелъ также противъ Наполеона. Главнѣйшіе враги этому завоевателю были Англичане, помогавшіе вооруженію противъ него цѣлой Европы. Но Австрія все еще могла сдѣлать перевѣсъ, если-бы пристала къ Франціи; она съ разсчетливостію оставалась неутральною, покуда не привела къ окончанію своего вооруженія, съ которымъ наконецъ объявила себя врагомъ того, кто воспротивится заключенію всеобщаго мира. А какъ Наполеонъ, къ униженію своей славы и гордости, никогда не могъ согласиться уступить завоеванныя земли, то и слѣдовало Австріи, не смотря на родство съ нимъ своего Императора, приступить къ общему союзу державъ, для возстановленія прежняго политическаго равновѣсія.

Союзныя войски, расположенныя за демаркаціонною линіею, наслаждались отдохновеніемъ и спокойствіемъ, какъ среди глубокаго мира. Полки и роты артиллеріи укомплектовались людьми и лошадьми; наконецъ получено было и удовлетвореніе жалованьемъ, провіантомъ и аммуниціею.

Съ 11-го по 27-е Іюня наша рота квартировала спокойно въ д. Шлаузѣ. Въ домѣ, гдѣ мы жили, вся мебель оставалась въ цѣ-

лости, и между прочимъ библіотека, въ которой я нашелъ для себя Энциклопедію и Мильтонову поэму: Потерянный Рай. Въ минуты свободныя отъ службы, и въ хорошую погоду, которая почти не измѣнялась, я прогуливался по селенію, и любовался трудолюбіемъ жителей, ихъ хозяйственнымъ устройствомъ и семейственнымъ благосостояніемъ. У насъ во дворѣ жилъ поселянинъ, управитель господскаго дома. Къ прекрасной дочери его, Терезѣ, часто хаживали сельскія, миловидныя дѣвушки; тогда составлялось у насъ во дворѣ веселое и рѣзвое общество; мы съ поселянками играли въ горѣлки, въ веревочку, или качались на качеляхъ, и проводили время очень весело. Дѣвушки были весьма любезны, остроумны, и довольно строги въ своей нравственности, такъ что неблагопристойность или какая-либо дерзость при нихъ были непозволительны. На дѣвушкахъ, какъ замѣтили мы, въ Силезіи и въ Саксоніи оставалось вообще все хозяйство дома: ихъ дѣло было смотрѣть за чистотою въ комнатахъ, готовить кушанье, мыть бѣлье, чистить посуду, кормить дворовую птицу, и косить траву для коровъ, которыя содержались всегда въ стойлахъ. Пожилыя бабы занимались легкою работою,

сидѣли за вязаньемъ чулковъ, за самопрялкою, или за шитьемъ. Мужчины возились болѣе съ лошадьми. По недостатку сѣнокосныхъ луговъ, поселяне не держали много скота; каждый имѣлъ не болѣе пары лошадей и двухъ коровъ. Для продовольствія ихъ они сѣяли траву клеверъ, которая ростетъ такъ скоро и густо, что въ продолженіе лѣта раза три ее скашиваютъ; такимъ образомъ небольшой участокъ земли, засѣянный клеверомъ, достаточно служитъ для скота и лошадей на годовое продовольствіе. Сверхъ того, кто держитъ болѣе скотины, тотъ сѣетъ еще брюкву, которую особенно любятъ коровы. Лошади и коровы у нихъ всегда жирны, хотя вторыя всегда доятся, а первыя не знаютъ овса.

Иногда посѣщали насъ пожилые крестьяне, въ свѣтлосинихъ курткахъ, въ треугольныхъ шляпахъ, съ длинными на затылкахъ косами, въ кожаныхъ панталонахъ и въ длинныхъ ботфортахъ; разговаривали они протяжно, съ почтительностію, и всегда были разсудительны: кротость ихъ характера показывала людей, по своему званію и понятіямъ довольно образованныхъ. Мы удивлялись достоинству народа, который въ сельскомъ быту могъ достигнуть такой степени просвѣщенія

и благосостоянія. По разнымъ надобностямъ часто хаживалъ къ намъ деревенскій староста или шульцъ. Мы съ удовольствіемъ съ нимъ бесѣдовали, и подчивая его табакомъ, въ шутку называли: Gnädiger Herr Schultz von Schlause (Милостивый Государь, Господинъ Шульцъ фонъ Шлаузъ); и онъ всегда отвѣчалъ на это: Unsere Gnade ist sehr klein. (Наша милость очень мала). Мы замѣтили въ немъ особенное достоинство, что онъ никого не осуждалъ: Наполеона почиталъ посланнымъ отъ Бога для наказанія грѣшниковъ; говорилъ, что всѣ бѣдствія надобно переносить съ терпѣніемъ, потому что Богу такъ угодно. Наконецъ философію свою всегда оканчивалъ восклицаніемъ: Vivat die ganze Welt!—(Да здравствуетъ цѣлый міръ)!

Перемиріе продолжалось. Хотя говорили, что въ Прагѣ идутъ переговоры о мирѣ, однако, судя по всѣмъ приготовленіямъ къ войнѣ, это казалось сомнительнымъ. По слухамъ, партизанъ Фигнеръ въ Фрауштатѣ формировалъ изъ бѣглыхъ Наполеоновой арміи Испанцевъ и Италіянцевъ *Мстительные легіоны*. Конечно его намѣренія были велики, но послѣдствія не оправдали затѣй пылкаго и предпріимчиваго воина.

24-го Іюня ѣздилъ я въ Франкенштейнъ за покупками, и видѣлся тамъ съ старымъ

товарищемъ по Корпусу, Поручикомъ Вальцемъ, который поздравилъ меня переведеннымъ въ гвардію; но это не сбылось.

Чистенькій городокъ Франкенштейнъ довольно привлекателенъ для живущихъ въ деревнѣ: въ немъ есть магазины съ разными товарами, хорошіе трактиры, и нерѣдко пробѣгають мимо глазъ прелестныя Нѣмочки, какъ легкія серны. Мѣстоположеніе вокругъ города прекрасное. Мнѣ столько понравились Силезія и Саксонія, что я не желалъ-бы съ ними разстаться; даже нерѣдко завидовалъ участи поселянъ, которые родились жить въ столь благословенныхъ странахъ.

Силезія есть одна изъ богатѣйшихъ провинцій Германіи, завоеванная у Австрійской Императрицы Маріи Терезіи Фридрихомъ Вторымъ, Королемъ Прусскимъ, въ 1742 году. Она раздѣляется на *Верхнюю* и *Нижнюю*; имѣетъ до 2-хъ милл. жителей. Судя по небольшому пространству ея (въ длину около 350 верстъ, въ ширину 175, и въ окружности не болѣе 2500 верстъ) народонаселеніе въ ней велико, а потому города, мѣстечки и деревни здѣсь весьма часты и многолюдны. Хребетъ Исполинскихъ горъ (Riesengebirge) отдѣляетъ Силезію отъ Богеміи. Расположенная на этихъ горахъ *Верхняя* часть имѣетъ климатъ

суровый; по горамъ растетъ достаточно хорошій лѣсъ: дубъ, сосна, ель, листвяница; около рѣчекъ, въ долинахъ между горами, есть хорошія пастьбища для особой породы овецъ, извѣстныхъ у насъ подъ именемъ Шлёнскихъ, которыхъ содержатъ здѣсь во множествѣ для суконныхъ фабрикъ; горы даютъ довольно мѣди, свинца и желѣза; каменный уголь между жителями въ большомъ употребленіи. *Нижняя* часть Силезіи, простирающаяся по обѣимъ сторонамъ р. Одера, болѣе хлѣбородна, и въ особенности много производитъ льну и конопли; отъ того почти во всей Силезіи занимаются пряжею и тканьемъ; она производитъ прекрасныя полотна, славныя бѣлизною, тонкостію и прочностію, продающіяся у насъ Жидами подъ именемъ Голландскихъ. Главный городъ въ Силезіи есть Бреславль, весьма древній и богатый, въ которомъ считается до 70,000 жителей; въ немъ тридцать кирокъ и много публичныхъ зданіи. Потомъ Глогау, большой, хорошо укрѣпленный городъ. Лигницъ, красивый городъ, извѣстенъ своими суконными и шелковыми фабриками; Гиршбергъ, славенъ обширною торговлею полотняными издѣліями; въ Заганѣ есть хорошее училище и прекрасный замокъ; наконецъ въ Швейдницѣ есть мѣдный заводъ и

суконная фабрика; въ Рейхенбахѣ дѣлаютъ канифасъ и бумазею. Въ Верхней Силезіи лучшій городъ есть Нейссе, извѣстный своею торговлею хлѣбомъ, также хорошими зданіями и училищемъ; Глацъ, большой и весьма укрѣпленный городъ; въ Тарновицѣ есть богатый рудникъ серебра и частію золота.

26-го Іюня, въ полночь, послали меня въ с. Ротшлосъ, къ артиллеріи Генералу Рѣзвому для полученія приказаній. Онъ далъ намъ предписаніе сойдти съ занимаемыхъ квартиръ, и слѣдовать на правый флангъ арміи, въ 10-й Корпусъ Генерала Капцевича. Тогда всѣмъ войскамъ послѣдовало перемѣщеніе въ Корпуса по новому раздѣленію.

27-го Іюня, рота наша выступила изъ благополучнаго и мирнаго квартированія деревни Шлаузе. Мы прошли мѣстечки Минстербергъ, Нимштъ, и при с. Гейнрихау расположились для ночлега.

На другой день пришли въ большое селеніе Зеницъ. Погода нѣсколько дней стояла сухая, лѣто было жаркое; лучи солнца пожигали траву, и сѣрая пыль покрывала древесные листья. Такое состояніе погоды для солдатъ было вредно. На поляхъ хлѣбъ вездѣ созрѣвалъ, и дней черезъ пять надлежало быть жатвѣ. Рѣчекъ на пути

не было: однѣ канавы съ стоячею водою, и негдѣ было прохладиться купаньемъ.

29-го Іюня, день Св. Петра и Павла, у насъ была дневка и ротный праздникъ. Наша рота артиллеріи поступила въ отдѣльный Корпусъ Графа Ланжерона, состоящій изъ 6-го, 8, 9 и 10-го пѣхотныхъ Корпусовъ, и кавалеріи, подъ начальствомъ Генераловъ Корфа и Бороздина; всего войска въ этомъ Корпусѣ было до 50,000. Начальникомъ артиллеріи былъ Генералъ Веселицкій.

Дней десять стояли мы на мѣстѣ въ с. Зеницѣ; время текло безъ происшествій.

5-го Іюля Главнокомандующій Барклай-де-Толли осматривалъ весь Корпусъ Графа Ланжерона. Парадъ былъ блестящій; войски успѣли укомплектоваться, обшиться и обучиться.

8-го Іюля вышелъ срокъ перемирія, однако оно продолжалось, потому что Союзные Монархи приняли предложеніе Наполеона о всеобщемъ конгрессѣ для заключенія мира; при чемъ Австрія вступила въ посредничество между враждующими державами. Перемиріе продолжили до 29-го Іюля, и положено уполномоченнымъ собраться въ Прагѣ. Назначенный отъ Наполеона для присутствія на конгрессѣ Герцогъ Коленкуръ не пріѣхалъ въ опредѣлен-

ное время; тогда Россійскій, Австрійскій и Прусскій уполномоченные, дожидаясь тщетно пятнадцать дней Коленкура, заключили между собою союзъ, и положили приготовляться къ войнѣ. Наполеонъ, кажется, нарочно медлилъ высылать Коленкура, чтобы выиграть болѣе времени для вооруженія; по этому заключили, что онъ ни мало не думалъ о мирѣ, и война тѣмъ ужаснѣе долженствовала быть, чѣмъ болѣе употреблено было усилій для приготовленія.

Черезъ два дня перешли мы въ с. Гросъ-Нигницъ. На другой день ѣздилъ я по службѣ въ м. Нимштъ, въ батарейную роту Полковника Либштейна. Тутъ услышалъ новость, что Герцогъ Веллингтонъ въ Испаніи, съ 40,000 Англичанъ и Союзною арміею Испанцевъ и Португальцевъ, выгналъ изъ Мадрита брата Наполеонова, Короля Іосифа, и въ Пиренейскихъ горахъ совершенно разбилъ Французскую армію, взялъ 15,000 человѣкъ въ плѣнъ, 150 пушекъ и весь обозъ. Впрочемъ, покуда молва о побѣдѣ Герцога Веллингтона надъ Французами, изъ Испаніи дошла до насъ, она могла на пути вдесятеро увеличиться.

12-го Іюля послали меня на ординарцы въ Рейхенбахъ къ Князю Яшвилю. Онъ былъ нездоровъ, и нѣсколько дней не выхо-

дилъ изъ комнашы; дѣлами управлялъ Начальникъ его Шшаба, Генералъ Сухозанешъ, весьма ласковый въ обращеніи съ офицерами, но спрогій и взыскашельный по службѣ.

Въ Рейхенбахѣ нечаянно увидѣлся я съ своими шоварищами изъ Кадешовъ, выпущенныхъ въ разные полки послѣ меня. Всѣ они были Капишанами и смошрѣли въ Маіоры, хошя въ Корпусѣ по наукамъ въ классахъ сидѣли ниже меня. По эшому, для выслуги, армейская пѣхошная служба казалась мнѣ предпочшишельнѣе аршиллерійской, въ кошорой ошъ Прапорщика до Капишана многіе въ 15 лѣшъ не доходяшъ; я самъ уже пяшый годъ служилъ Поручикомъ.

Обыкновенное сборище офицеровъ въ Рейхенбахѣ было въ шракширахъ, гдѣ одни играли въ билліардъ, а другіе курили шрубки. Передъ входомъ въ эши храмы праздналюбія сшояло множесшво мальчиковъ и дѣвочекъ съ корзинами, въ кошорыхъ были ягоды, конфекшы, хлопушки и всякія бездѣлки, для продажи. За нѣсколько грошей мальчики дрались между собою до крови, а дѣвочки на все соглашались.... Сшолько нравсшвенносшь ихъ была развращена. Всякаго входящаго офицера они упрашивали, чшобы купилъ у нихъ чшо нибудь, или

просили милостыни, или предлагали подлыя услуги. Можно сказать, что въ продолженіе двухмѣсячнаго пребыванія Союзныхъ войскъ въ Рейхенбахѣ сдѣлано довольно разврата между жителями. Взрослые и малолѣтные, пожилые и юные, мужчины, женщины и дѣвушки средняго званія, столько показали алчности къ деньгамъ, какъ томимые лютымъ голодомъ къ пищѣ; страсть корыстолюбія возбуждена была въ нихъ до такой крайности, что подавила добрыя сѣмена нравственности. Жестокія обстоятельства были тому причиной: съ одной стороны жители раззорялись отъ тягостнаго постоя, а съ другой они думали вознаграждать это непомѣрнымъ требованіемъ денегъ за всё, научая мальчиковъ и дѣвочекъ, дѣтей своихъ, выманивать что нибудь у щедрыхъ офицеровъ, самымъ низкимъ образомъ. Война вездѣ сѣетъ зло.

Жители Силезіи, добрые, честные и трудолюбивые, были весьма недовольны, что къ нимъ завели въ гости Французовъ и Рускихъ. Зная о всеобщемъ вооруженіи Королевства Прусскаго, они не полагали въ насъ надобности; при національной гордости своей почитали достаточнымъ собственнаго энтузіазма и собранныхъ силъ Королевства, для изгнанія

Французовъ, которыхъ уже перестали страшиться.

13-го Іюля, къ удовольствію моему, смѣнившись съ ординарцевъ, я отправился въ роту, которую засталъ около с. Пильценъ. Весь правый флангъ Союзныхъ войскъ съ авангардомъ уже выступилъ на биваки при Швейдницѣ, будучи въ готовности идти на непріятелей. По слухамъ, Наполеонъ просилъ Союзниковъ о продолженіи перемирія еще на двѣ недѣли, но не соглашался на требуемую отъ него уступку; чтобы показать готовность нашу къ войнѣ, войски двинулись и тѣмъ постращали его. Армія наша стала опять въ полномъ цвѣтѣ и блескѣ.

На слѣдующій день войски возвратились въ квартиры, потому что перемиріе продолжено до 29-го Іюля. Впрочемъ, оно тогда казалось не столько выгоднымъ для насъ, какъ для Наполеона.

О мирѣ не льзя было думать. Императоръ Французовъ, къ униженію своей славы и гордости не могъ согласиться на ту уступчивость, которой Союзники отъ него требовали. Война сдѣлалась необходимою. Франція жертвовала Наполеону послѣдними усиліями. Въ продолженіе перемирія войски его значительно умножились, но не столько какъ Союзныя. Наполеонъ

имѣлъ тогда 280,000, а Союзники до 440,000. Такое превосходство силъ и самое положеніе войскъ Наполеоновыхъ, открытыхъ со всѣхъ сторонъ, давало Союзникамъ надежду восторжествовать надъ общимъ ихъ врагомъ. Наполеонъ, утвердившись главными силами въ Дрезденѣ, надѣялся центробѣжнымъ дѣйствіемъ изъ зажигательнаго фокуса этого, распространяя къ периферіи огненные лучи свои и обращаясь цѣлою массою, разбить отдѣльныя силы Союзниковъ; но онъ упустилъ изъ вида уже испытанное ихъ средство — ретираду. Они могли оттягивать его отъ центра съ одной стороны, тѣснить съ другой, и, постепенно утомляя, ослабить до того, что наконецъ довершить гибель совокупнымъ нападеніемъ. Кажется, съ тѣхъ поръ, какъ геній Наполеона ознобился въ Россіи, онъ сталъ теряться въ своихъ стратегическихъ соображеніяхъ.

Время летѣло; мы отдыхали, и въ послѣдніе дни перемирія наслаждались спокойствіемъ. Пруссаки безпрерывно формировали ландверовъ, на подобіе нашихъ ратниковъ, въ полукафтанахъ, съ киверами, на которыхъ вшитъ мѣдный крестъ съ вырѣзанною надписью: Für Vaterlandsliebe (За любовь къ отечеству). Въ подражаніе нашимъ Казакамъ, Пруссаки образовали своихъ по

формѣ Донскихъ; но они только по названію были Казаками, не имѣя надлежащей ловкости, проворства и неопрятства нашихъ Казаковъ. Эти молодцы, съ рыжими, черными и сѣдыми бородами, въ разноформенныхъ курткахъ, довольно подсмѣивались надъ щеголеватыми и бритыми Казаками Прусскими, называя ихъ своими обезьянами.

Линейное войско наше, въ продолженіе перемирія, было укомплектовано старыми солдатами, вышедшими изъ госпиталей, одѣто, откормлено и приготовлено къ войнѣ. Артиллерія также во всѣхъ частяхъ была исправлена.

20-го Іюля, въ день своего ангела, пошелъ я въ деревенскую кирху. Насмотрѣвшись до этого времени на Католическое Богослуженіе, я здѣсь восхищенъ былъ простотою Лютеранскаго. Здѣсь входишь съ любовію и надеждою, среди благородной простоты и приличія. Мнѣ особенно пріятно было видѣть въ кирхѣ за молитвою, опрятно одѣтыхъ въ кофточки и чепчики, тѣхъ сельскихъ дѣвушекъ, которыя вчера пачкались на скотныхъ дворахъ своихъ; видъ ихъ вовсе перемѣнялся. Онѣ не имѣютъ привычки коснѣть въ нечистотѣ и неопрятствѣ; для праздничнаго дня бросаютъ лоскутья, дѣлаются бѣленькими, чистыми,

и одѣваются въ лучшія свои платья, чтобы нравиться и привлекать къ себѣ жениховъ.

Хлѣбъ на поляхъ созрѣвалъ; вездѣ его косили или жали. Еще разъ замѣчу, какъ обширно у поселянъ въ Силезіи хозяйство. У каждаго мужика есть нѣсколько хлѣвовъ, сараевъ, чулановъ; для каждой лошади и коровы стойло; для каждаго рода птицы своя загородка; словомъ, для каждой вещи въ хозяйствѣ особенное мѣсто. Въ каждомъ дворѣ есть свой погребъ и свой колодезь. Домы двуэтажные со многими комнатами; окна большія со стеклами; при каждомъ домѣ садъ; огороды выходятъ въ поле вокругъ всего селенія, что составляетъ лѣтомъ пріятную окрестность, вмѣсто безплоднаго выгона, какъ у насъ при деревняхъ. Одно только мнѣ не нравилось, что при каждомъ домѣ, посреди двора, сваливаютъ навозъ около большой лужи съ стоячею водою; навозъ умятый рѣжутъ въ кирпичи, сушатъ и употребляютъ вмѣсто дровъ, а водою поливаютъ сады и огороды; притомъ она полезна для гусей и утокъ. Во всемъ экономія; только воздухъ отъ того дѣлается смраденъ, и надобно привыкнуть жить въ навозной атмосферѣ. Впрочемъ, говорятъ, это очень здорово. Въ селеніи, гдѣ кирха, тамъ и

школа; въ обязанности Пастора состоитъ обучать дѣтей грамотѣ, и внушать имъ добрую нравственность, а они привыкаютъ любить его и уважать. Кажется, не только Пруссаки, Саксонцы, но и всѣ Нѣмцы, утвердившись осѣдлостію, столько привязаны къ мирной, сельской жизни, что вовсе не прельщаются воинскою славою. Какъ они различны стали отъ Германцевъ, современниковъ Тацита, жившихъ въ дичи обширныхъ лѣсовъ одними разбоями и войною! Такъ-то все измѣняется въ природѣ человѣка съ образованіемъ разума. Можетъ быть черезъ нѣсколько вѣковъ и наши брадатые мужички станутъ брить бороды, жить въ двуэтажныхъ домахъ и читать газеты.

Русскіе Генералы и офицеры съ деньгами не теряли золотаго времени, искали удовольствій и наслаждались ими по возможности. Многіе ѣздили къ цѣлебнымъ водамъ въ Ландекъ и въ Альтвассеръ, близъ Швейдница. Въ Ландекѣ Русскіе офицеры дѣлали балъ, на которомъ присутствовали Принцессы Прусскія и всѣ знатныя дамы; Графиня Остерманъ была хозяйкою. Пруссаки удивлялись богатству, вкусу и образованности Русскаго дворянства. Они были признательны къ той пріязни, которую имъ оказывали Русскіе офицеры, и

еще болѣе тронулись благороднымъ чувствомъ своихъ Союзниковъ, когда увидѣли съ какимъ участіемъ они носили трауръ по усопшей, прекрасной ихъ Королевѣ Луизѣ.

Сколько ни гнѣвались сначала Пруссаки за тягостное для нихъ квартированіе войскъ въ Силезіи, отъ чего долженствовало разстроиться въ обыкновенномъ курсѣ ихъ хозяйство, и при чемъ сами они должны были не рѣдко сносить невольную измѣну подругъ своихъ и терзаться ревностію, однако, по окончаніи разсчетовъ, оставались въ изрядныхъ барышахъ отъ щедрости Русскихъ гостей. Обитатели Силезіи, можно сказать, обогатились во время перемирія; они за все брали съ насъ добрые гроши и талеры, сколько хотѣли: торговаться съ ними никто не смѣлъ; они намъ плюнуть не давали даромъ. Нашъ Подполковникъ за тринадцать дней квартированія въ с. Гросъ-Нигницъ заплатилъ за одну говядину для своего стола девять червонцевъ, да за салатъ шесть. По этому можно судить о дороговизнѣ прочаго.

26-го Іюля Государь Императоръ нашъ, съ Королемъ Прусскимъ и со всѣми Посланниками Союзныхъ Державъ, осматривалъ войски праваго фланга въ Корпусѣ Графа Ланжерона. Пѣхота и артиллерія были

собраны вмѣстѣ на обширномъ полѣ. Обновленныя войски, освѣжившіяся отдохновеніемъ, въ блестящихъ строяхъ, всюду встрѣчали своего Монарха радостнымъ крикомъ ура! и громкою музыкою; потомъ проходили мимо него церемоніяльнымъ маршемъ. Мы видѣли грозное для враговъ, и милосердое для насъ чело Россійскаго Самодержца, освободителя Европы. Каждый солдатъ смотрѣлъ на Государя своего, какъ на отца, и Государь въ лицѣ каждаго солдата видѣлъ вѣрноподданнаго, готоваго положить за него животъ свой.

Перемиріе кончилось за два дни до срока; война объявлена, и намъ велѣно выступить на биваки.

ГЛАВА VII.

ОСВОБОЖДЕНІЕ СИЛЕЗІИ.

Начало новой кампаніи. — Разстрѣляніе преступниковъ. — Движеніе арміи Блюхера. — Встрѣча съ непріятелемъ. — Отступленіе. — Сшибка подъ Гольдбергомъ. — Побѣда Кацбахская. — Удача подъ Левенбергомъ. — Маіоръ Бойсманъ. — Преслѣдованіе непріятелей. — Военное замѣчаніе.

Историки должны сознаться, что никогда дотолѣ Европа не представляла столь великаго враждебнаго Союза сильныхъ Державъ противъ одной Франціи. Россія, Англія, Австрія, Пруссія, Швеція, Испанія, Португалія, а впослѣдствіи Баварія и всѣ Германскіе Князья всѣми способами устремились, совокупно, ниспровергнуть съ высоты величія страшнаго Императора Французовъ; устремились отмстить ему за возвеличеніе Франціи на степень сильнѣйшей монархіи въ ущербъ Европейскихъ Державъ. Франція едва-ли была въ состояніи, съ своими слабыми союзниками: Даніею, Неаполемъ и Рейнскими областями, бороться, противу сильныхъ враговъ,

соединившихся для нанесенія ей гибельнаго удара. Единственная надежда оставалась для нея на геній Наполеона, который до кампаніи въ Россіи творилъ чудеса, но послѣ Московской ретирады значительно утратилъ силу своего очарованія.

Общая польза политической свободы оживляла Союзниковъ. Прежняя ненависть между враждебными нѣкогда націями исчезла. Австрія, Пруссія и Россія, соединились неразрывною дружбою. Россія, исполнивъ великое дѣло союза семи Державъ, явилась болѣе всѣхъ уступчивою. Императоръ нашъ подчинилъ свои войски и Генераловъ начальству вождей Австрійскихъ, Прусскихъ и Наслѣднаго Принца Шведскаго. Въ общей пользѣ Государи почитали свои народы за одинъ, соплеменный, и перемѣшали войски; отъ этого самаго воины должны были соревновать другъ передъ другомъ, и всякая побѣда или неудача относилась ко всѣмъ, а не къ одному народу; Государи чрезъ то были столь совокупны, что ни одинъ не могъ отдѣлить своихъ войскъ, или заключить съ непріятелемъ особенныхъ условій: это первый примѣръ въ Исторіи.— Вслѣдствіе такаго распоряженія, Графъ Ланжеронъ и Баронъ Остенъ-Сакенъ, съ своими отдѣльными Корпусами, стали подъ начальствомъ

Прусскаго Генерала Блюхера. Прусскій Корпусъ Генерала Клейста поступилъ въ команду Барклая-де-Толли, а другой Корпусъ Генерала Бюлова находился подъ начальствомъ Наслѣднаго Принца Шведскаго. Всѣ Союзныя войски были подчинены Австрійскому Генералъ-Фельдмаршалу, Князю Шварценбергу.

Наша Силезская армія, подъ начальствомъ Главнокомандующаго Генерала Блюхера, состояла изъ Корпусовъ Графа Ланжерона и Барона Остенъ-Сакена, въ которыхъ считалось до 80,000 войска, да изъ Прусскаго Корпуса Генерала Іорка въ 30,000; всего въ нашей арміи было до 110,000. Передъ нами находились Французскіе Корпусы у Левенберга, Бунцлау, Циттау, и около Штольпена.

Наполеонъ былъ почти окруженъ Союзными войсками: съ лѣваго фланга угрожалъ ему Кронъ-Принцъ Шведскій съ 90,000 арміею, въ тылъ могъ ворваться къ Дрездену Князь Шварценбергъ изъ Богеміи съ 160,000, а впереди стоялъ Блюхеръ. Наполеонъ, предположивъ себѣ центральное дѣйствіе, противупоставилъ Кронъ-Принцу армію въ 70,000, Блюхеру 80,000, на границѣ Богеміи 70,000, а самъ, съ остальными 50,000 лучшаго войска, оставался въ центрѣ. Чувствуя слабость свою, онъ, ка-

залось, принялъ оборонительное положеніе, и надѣялся воспользоваться оплошностію какой-либо изъ окружающихъ частей Союзныхъ войскъ, чтобы съ помощію сильнаго резерва разбить ее. Вмѣсто этого, кажется, онъ могъ-бы оставить противъ Берлина 60,000, для безопасности фланга, другія 60,000 оставить въ Лаузицѣ, для охраненія центра, а самому съ остальными устремиться отъ Дрездена въ Богемію, идти къ Прагѣ, и перенести театръ войны во владѣнія своего тестя; но конечно Наполеонъ полагалъ за лучшее то, что предпринялъ: онъ позволилъ соединиться Россійскимъ Корпусамъ съ Австрійскими для составленія сильной арміи, и, не безпокоясь о своемъ тылѣ въ Дрезденѣ, думалъ сперва разбить Блюхера, который казался ему слабѣе прочихъ; но предположеніе его не удалось, и онъ остался стѣсненнымъ въ своей центральной позиціи.

27-го Іюля весь Корпусъ Графа Ланжерона выступилъ на биваки близъ с. Пильценъ. Всѣ оживились новымъ стремленіемъ къ войнѣ. Солдаты, освѣжившись силами, украсившись новою одеждою и оружіемъ, готовы были съ веселіемъ и бодростію идти на брань за славу Царя и за свободу Германіи. Все зашумѣло, зазвучало войною; биваки задымились. Главнокомандующій

Россійскими войсками, Генералъ Барклай-де-Толли, отдалъ по арміямъ строгій приказъ о военномъ порядкѣ въ бивакахъ, на маршѣ и въ сраженіяхъ. Онъ обѣщалъ намъ важнѣйшія событія, если только употребимъ послѣднія усилія для сокрушенія общаго врага Европы. Впрочемъ, всего можно было надѣяться. Время перемирія употреблено Союзниками съ великою пользою и благоразуміемъ. Попеченія Монарха о войскѣ обязывали каждаго солдата, съ пламеннымъ усердіемъ, жертвовать своею жизнію для его славы и для пользы Россіи.

На другой день перешли мы за Швейдницъ, верстъ 10, на биваки у с. Яурникъ, на то мѣсто, гдѣ стоялъ нашъ авангардъ во время перемирія. Биваки были обширны. Корпусъ Графа Ланжерона, почти до 50,000 войска, занималъ въ боевой позиціи пространство около трехъ верстъ. Къ вечеру веселый шумъ, музыка и пѣсни раздавались въ бивакахъ по всѣмъ линіямъ и тѣшили воиновъ; заходящее солнце скользило лучами по смертоносной стали Русскихъ штыковъ, и золотило страшныя жерлы пушекъ, устремленныхъ на непріятелей; часовые гордо расхаживали при своихъ постахъ, между тѣмъ какъ товарищи ихъ въ безпечности отлеживались подъ шалашами, будучи увѣрены въ несомнительномъ

успѣхѣ, ибо видѣли крѣпость силъ всеобщаго вооруженія. Уже смѣлѣе стали говорить о Наполеонѣ, о Французахъ, которыхъ почитали теперь школьниками противъ себя въ военномъ искуствѣ. Сами жители любовались грознымъ ополченіемъ Союзниковъ; не упуская нигдѣ случая поживиться, они, особенно Нѣмочки, во весь день посѣщали наши биваки, разнося табакъ, булки, ягоды, и животворный *шнапсъ*, или картофельную водку. По закатѣ солнца, съ наступленіемъ мрака, и при свѣтѣ луны, картина воинскаго стана была прелестнѣе: послѣ громкой такты барабановъ и удара заревой пушки все утихало и предавалось покою; только бивачные огоньки мелькали, и часовые вокругъ стана пускали голосистые отзывы. Казалось, луна осыпала снотворнымъ макомъ отягченныя вѣжди воиновъ: инымъ грезились кресты и чины, другимъ прибыльная поживишка, а нѣкоторымъ безпокойное предчувствіе являло близкую смерть....

29-го Іюля, въ день окончанія перемирія, послѣдовало отъ Австрійскаго Императора объявленіе войны Наполеону. Въ слѣдующій день, 30-го числа, Россійская гвардія, 1-й и 2-й Корпуса пѣхоты съ кавалеріею Графа Палена и съ Прусскимъ Корпусомъ Клейста, подъ начальствомъ Графа

Виттенштейна, пошли въ Богемію для соединенія съ Австрійцами. Наша Силезская армія четыре дни стояла на мѣстѣ.

31-го Іюля, въ Корпусѣ Графа Ланжерона разстрѣливали, съ приличною церемоніею, двухъ военныхъ преступниковъ, Польскаго Ксенза и Еврея, за то, что они скрыли и умышленно упустили Французскаго Кабинетъ-Курьера, проѣзжавшаго съ важными бумагами отъ Поляковъ, изъ Герцогства Варшавскаго, къ Наполеону во время перемирія; Ксензъ далъ ему у себя пристанище, а Еврей отвозилъ его, и на границѣ былъ захваченъ Рускими.

Для исполненія приговора нарядили баталіонъ пѣхоты, который построился въ каре, обращенное внутрь; въ средину его привели несчастныхъ преступниковъ. Ксензъ, высокій, пожилой человѣкъ, съ важнымъ, умнымъ лицомъ и съ сѣдинами на головѣ, среди штыковъ и ружей примѣтно былъ объятъ страхомъ; но скоро явился къ нему утѣшитель: другой Ксензъ, въ облаченіи, съ крестомъ и молитвеникомъ. Этотъ утѣшитель началъ говорить съ нимъ по-Латыни, и по мѣрѣ того какъ онъ говорилъ, лицо преступника стало измѣняться: его блѣдность обнаруживала ожиданіе близкой смерти; глаза блестѣли какимъ-то огнемъ, потомъ на-

полнились слезами, лицо зардѣлось краскою, и оба Ксенза, обнявшись, плакали.... Что они думали и говорили между собою, то однимъ имъ извѣстно; надлежало покориться жестокой судьбѣ. Утѣшитель вспомнилъ свою обязанность, сталъ читать въ молитвенникѣ; осужденный потупилъ глаза въ землю и стоялъ, какъ безчувственный. Потомъ, когда увѣщатель кончилъ и сталъ подносить причастіе, осужденный вновь залился слезами.... Еще разъ они обнялись, смѣшали свои слезы, и простились. — Утѣшитель поспѣшилъ скрыться, а осужденный, бросивъ взглядъ негодованія на все окружающее, казалось, возымѣлъ бодрость; на лицѣ его было написано тихое отчаяніе и тайная робость.

Бѣдный Еврей, тутъ-же, въ кругу лихихъ Москалей, представлялъ жалкую фигуру. Въ продолженіе того, какъ осужденный Ксензъ приготовлялъ душу свою для разлуки съ грѣшнымъ тѣломъ, осиротѣвшій Еврей стоялъ въ одиночествѣ, ни живъ, ни мертвъ, всѣми оставленный и подверженный насмѣшкамъ окружающихъ. Однако и онъ нашелъ самъ въ себѣ утѣшеніе: сложивъ руки крѣпко у груди, и поднявъ глаза къ небу, сталъ качаться съ ноги на ногу, и бормотать свою молитву къ Адонаи, проливая токи слезъ; но этой молитвѣ

не было-бы конца. Солдаты потащили его за рукавъ, и велѣли идти вслѣдъ за Ксензомъ.

Осужденныхъ провели на мѣстѣ казни, за роковымъ столбомъ, вокругъ ямы, приготовленной для ихъ истлѣнія, и тѣмъ дали имъ почувствовать — вѣчный покой....

2-го Августа прошли мы верстъ 5 къ м. Стригау. Баронъ Остенъ-Сакенъ съ своимъ отдѣльнымъ Корпусомъ занялъ Бреславль, откуда Французы едва успѣли убраться, занявшись хозяйственными исправленіями. Они изъ завоеваннаго въ Силезіи сукна успѣли сшить себѣ 10,000 мундировъ, и заторгованный въ окрестностяхъ нашими коммисіонерами скотъ, для мясной порціи, перекупили рублемъ дороже.

Союзники первые начали военныя дѣйствія, желая предупредить Французовъ въ занятіи неутральной земли. Главнокомандующій нашъ, Генералъ Блюхеръ, хотѣлъ, какъ возможно скорѣе, очистить Силезію отъ враговъ, и пощадить подданныхъ своего Государя отъ раззоренія.

Силезская армія занимала пространство отъ Швейдница до Бреславля на 60 верстъ: Корпусъ Графа Ланжерона у Стригау составлялъ лѣвый флангъ; Баронъ Остенъ-Сакенъ съ своимъ Корпусомъ въ Бреславлѣ велъ правый флангъ, а Прусскій Корпусъ

Генерала Іорка шелъ въ срединѣ, чрезъ Кантъ къ Яуру.

4-го Августа, въ часъ по полудни, Корпусъ Графа Ланжерона пошелъ отъ Спригау влѣво, и расположился на биваки, не доходя мѣст. Болкенгайнъ. Во весь переходъ, 15 верстъ, мочилъ насъ дождь. Главная квартира Блюхера съ Пруссаками находилась въ Яурѣ, а Баронъ Остенъ-Сакенъ перешелъ въ Неймаркъ.

Французскій Генералъ Лористонъ занималъ передъ нами своимъ Корпусомъ войскъ Гольдбергъ, а Маршалъ Ней находился въ Лигницѣ. Блюхеръ намѣренъ былъ атаковать непріятельскій авангардъ за Яуромъ, но онъ успѣлъ отретироваться. Лористонъ пошелъ къ Левенбергу, а Ней къ Генау.

6-го Августа Корпусъ нашъ, оставивъ Болкенгайнъ влѣвѣ, пошелъ къ м. Шенау. На пути встрѣтился намъ, въ горахъ, романическаго вида древній замокъ Швейнгаузъ, Графа Хійоса. Переходъ при ясной погодѣ былъ веселый: разнообразные виды горъ, покрытыхъ лѣсомъ, долинки съ селеніями, рѣчки и холмы представляли на каждомъ шагу живописные ландшафты; только все было пусто, ни гдѣ не видно живыхъ существъ, ни коровки, ни овечки, кромѣ однихъ воиновъ, гремящихъ оружіемъ, несущихъ съ собою гибель и опустошеніе. —

Пройдя верстъ 15, стали мы на биваки въ двухъ верстахъ отъ мѣст. Шенау.

По небольшимъ переходамъ и частымъ дневкамъ замѣтно было наше осторожное, медлительное шествіе. До этого времени еще мы не встрѣчались съ непріятелями, которые со всею вѣжливостію уступали намъ мѣста безъ драки. Генералъ Блюхеръ съ Пруссаками находился въ Гольдбергѣ, а Баронъ Остенъ-Сакенъ въ Лигницѣ. Силезская армія сблизилась по линіи р. Кацбаха, на пространство 40 верстъ.

Въ слѣдующій день начались у насъ военныя дѣйствія. Съ 4 часовъ утра мы тронулись въ походъ. Влѣво отъ Левенберга стали приближаться къ р. Боберу и услышали впереди канонаду; наконецъ увидѣли авангардъ свой въ работѣ съ непріятелемъ; мимо насъ Казаки провели 60 плѣнныхъ Французовъ въ новыхъ мундирахъ. Мы съ ними поздоровались, какъ съ старыми знакомцами; они, усмѣхаясь, шли бодро и весело.

Генералъ Рудзевичъ, командовавшій у насъ авангардомъ, перешелъ р. Боберъ у сел. Цобтенъ, и, встрѣтивъ отрядъ Французовъ Макдональдова Корпуса, сталъ тѣснить его; онъ даже погнался за нимъ до сел. Галь, близъ котораго встрѣтилъ другую колонну, ретирующуюся отъ Лана къ Левенбергу.

Генералъ пустилъ на нее Тептярскихъ и Украинскихъ Казаковъ, которые весьма удачно атаковали Французовъ и отбили у нихъ 300 челов. въ плѣнъ, и 40 фуръ обоза со скотомъ; но какъ это случилось почти въ виду Левенберга, гдѣ находился съ войсками Генералъ Лористонъ, то онъ тотчасъ поспѣшилъ въ подкрѣпленіе атакованнымъ, и сталъ въ свою очередь тѣснить авангардъ Рудзевича, выставляя противъ него сильныя батареи; тогда Генералъ нашъ отошелъ опять къ Цобтену, и переправился черезъ р. Боберъ: въ этомъ дѣлѣ мы его застали. Еще колонны непріятельскія форсировали; стрѣлки и уланы Французскіе преслѣдовали нашихъ стрѣлковъ къ рѣчкѣ, но увидѣвъ съ фланга у себя грозныя силы Корпуса Графа Ланжерона, остановились. Пріятно любоваться со стороны подобною дракою, которая болѣе походила на полевую охоту, нежели на сраженіе. Видъ прекрасный: въ небѣ тучи, иногда и дождь съ громомъ, а внизу пушечная и ружейная стрѣльба; между тѣмъ скачутъ зайцы, и Казаки ведутъ плѣнныхъ.

Блюхеръ съ Пруссаками противъ Левенберга дѣйствовалъ рѣшительнѣе и заставилъ Французовъ уйдти. Маршалъ Ней отъ Генау хотѣлъ было пробраться къ

Левенбергу, но, встрѣченный тремя бригадами Пруссаковъ, отошелъ ночью къ Бунцлау. Баронъ Остенъ-Сакенъ передъ Генау встрѣтилъ Корпусъ Мармона, съ которымъ завязалъ жаркое дѣло и принудилъ его отступить къ Томасвальдену.

Къ вечеру настала глубокая тишина; только пороховой дымъ, въ видѣ тонкаго облака, разстилался надъ мѣстомъ перестрѣлки. Съ наступленіемъ мрака зажглись въ мокрой травѣ сырые костры бивачнаго огня. Нашей ротѣ досталось спать на гороховой нивѣ, которую канонеры мигомъ очистили для себя и для лошадей.

Слабость сопротивленія Французовъ при первой встрѣчѣ обнаруживала ихъ безсиліе; однако въ нѣкоторыхъ случаяхъ они оказывали довольно упорства, и потому успѣхъ нашъ зависѣлъ теперь отъ искуства Генераловъ.

На другой день войски цѣлое утро стояли на мѣстѣ. Французы занимались погребеніемъ убитыхъ вчерашняго числа товарищей своихъ; потомъ, въ 10 часовъ до полудни, построились въ колонны, стали маневрировать, и отступали въ виду нашемъ за рѣчкою въ добромъ порядкѣ. Пѣхота шла тремя колоннами, въ каждой отъ 16 до 20 дивизіоновъ; кавалерія по флангамъ пѣхоты также шла тремя ко-

лоннами, по 6 эскадроновъ въ каждой; артиллеріи между колоннами было не болѣе 20 орудій. Французы отступили къ Левенбергу; авангардъ нашъ пошелъ за ними безъ натиска, а мы остались дневать на мѣстѣ.

Баронъ Остенъ-Сакенъ снова атаковалъ Маршала Мармона и заставилъ его уйдти за р. Боберъ; Французы, отступая, взорвали свои окопы при Бунцлау и разрушили мосты. Графъ Ливенъ съ Рускими занялъ ввечеру городъ.

Наполеонъ оставилъ Дрезденъ 3-го Августа, и 4-го числа съ гвардіею вступилъ въ Бауценъ, а 6-го въ Герлицъ. Не знавши точно о движеніи большой арміи Союзниковъ, онъ сдѣлалъ на границѣ Богеміи, отъ Циттау, рекогносцировку, при чемъ удостовѣрился, что Рускіе съ Австрійцами пошли къ Прагѣ, прикрываясь рѣками Эльбою и Изеромъ, но что армія Блюхера оставалась отдѣльною для прикрытія Силезіи. За большою Союзною арміею ему далеко было идти къ Прагѣ, хотя-бы прямою дорогою отъ Циттау (около 120 верстъ), а Блюхеръ находился у него передъ глазами; по этому, кажется, онъ и рѣшился разбить сперва Блюхера, а потомъ напасть въ тылъ Союзниковъ большой арміи; но при своей охотѣ драться съ Пруссаками,

Наполеонъ не разсчиталъ того, будетъ-ли Блюхеръ имѣть охоту отвѣчать ему.

9-го Августа, до 11 часовъ утра у насъ все было спокойно, какъ вдругъ прибытіе Наполеона въ Левенбергъ всѣхъ потревожило. Онъ тотчасъ приказалъ наводить мосты на р. Боберѣ, и переправляться войскамъ. Блюхеръ ночью хотѣлъ было атаковать Левенбергъ по ту сторону Бобера, но Французы предупредили его. Они стали тѣснить насъ по всей линіи, и устремлялись наиболѣе въ центрѣ противъ Пруссаковъ, имѣя къ нимъ болѣе ненависти. Корпусъ Графа Ланжерона почти цѣлый день держался на мѣстѣ. Французы наступали сильно. Три полка, подъ распоряженіемъ Генерала Капцевича, удерживали лѣвый флангъ; Генералъ Рудзевичъ сталъ по дорогѣ, правѣе къ м. Шенау. Уже по полудни войски наши стали отступать отъ превосходныхъ силъ непріятеля. Наша рота артиллеріи не была въ дѣйствіи, и я поѣхалъ впередъ, смотрѣть на сраженіе. Точно можно было любоваться увертками ловкихъ стрѣлковъ; ихъ маневры безпрестанно измѣнялись по мѣстоположенію. То перебѣгали они изъ куста въ кустъ, то прятались за камень, стрѣляли изъ-за дерева. Французы отличались проворствомъ, а наши — отвагой и безстрашіемъ. Я стоялъ

на горкѣ между эскадрономъ драгуновъ и двумя конными орудіями; впереди, во сто саженяхъ, стояла цѣпь нашихъ егерей, которые вели перестрѣлку на открытомъ мѣстѣ съ Французами, наступавшими изъ лѣса. Вдругъ, справа изъ подъ горы, выскочила сотня красныхъ улановъ: съ саблями въ рукахъ они устремились на нашихъ егерей, стали рубить ихъ и взяли нѣсколько въ плѣнъ, уведя подъ гору; но тамъ Украинскіе Казаки переняли ихъ и отбили. Оставшіеся егери сбѣгались въ кучу и отстрѣливались; нѣкоторые выстрѣлы ихъ были удачны: уланы на всемъ скаку валялись съ лошадей; но другіе, врѣзавшись въ толпу, валяли егерей, которые, избѣгая сабельныхъ ударовъ, сами падали на землю, и послѣ поднимались. Досадно было видѣть успѣхъ Французскихъ улановъ; я не утерпѣлъ сказать драгунамъ: «Братцы! что вы смотрите? ударьте!» Они зашевелились и поскакали на оставшихся рубакъ непріятельскихъ, которые, надѣлавши куттерьмы, ускакали подъ гору. Одинъ уланъ попался между драгунами, и, не смотря на свою искусную отмашку саблею во всѣ стороны, былъ изрубленъ твердыми палашами. Между тѣмъ, изъ лѣса впереди вышла густая колонна пѣхоты Французской противъ нашихъ егерей, которые

стали уходить. Драгуны бросились къ этой колоннѣ, но были встрѣчены градомъ пуль и обратились вспять, оставивъ нѣсколько на мѣстѣ, попадавшихъ съ лошадей. Тутъ изъ конныхъ двухъ орудій нашихъ пустили гранаты въ ту-же колонну непріятельскую, однако она подвигалась впередъ и стала осыпать насъ пулями. Замѣтивъ, что тутъ стоять жарко и неловко, я отретировался съ честію, не желая жертвовать собою даромъ.

Въ слѣдующій день ретирада наша продолжалась, и надежда насъ обманула: вмѣсто того чтобы идти впередъ, мы стали отступать. Оставшіеся жители селеній, чрезъ которыя мы проходили, смотрѣли на насъ очень угрюмо, и, казалось, весьма негодовали. Насъ утѣшало по крайней мѣрѣ то, что большая союзная армія могла легко овладѣть Дрезденомъ, если-бъ мы успѣли оттянуть за собою Наполеона съ войсками.

Наша рота артиллеріи поступила въ резервъ; мы, соединившись съ Пруссаками, прошли чрезъ Гольдбергъ даже до Яуера, сдѣлавши около 30 верстъ перехода, и стали на биваки въ трехъ верстахъ отъ этого мѣстечка. Въ Прусскомъ обозѣ много было женщинъ-маркитантокъ съ шнапсомъ, и пригожихъ прачекъ. Огромныя фуры Прус-

саковъ, въ четыре лошади, съ побрякушками, едва двигались отъ тяжести балласта: кажется, онѣ много возятъ лишняго. Счастье ихъ, что Французы не имѣли партизановъ, для которыхъ была-бы хорошая пожива около этихъ фуръ.

Авангардъ нашъ отступилъ къ Гольдбергу, передъ которымъ расположились соединенно Корпуса Графа Ланжерона и Іорка. Баронъ Остенъ-Сакенъ отдѣльно, въ 15 верстахъ отъ насъ, занималъ Лигницъ.

11-го Августа весь резервъ нашъ потревожили съ двухъ часовъ ночи, и велѣли опять идти къ Гольдбергу. Тутъ завязалась жаркая сшибка. Соединенный авангардъ Русскихъ и Прусскихъ войскъ защищалъ городъ. Французскій Генералъ Лористонъ усиливалъ нападеніе; онъ уже занялъ, по сю сторону рѣки, правѣе города противъ насъ, высоты, покрытыя лѣсомъ. Графъ Ланжеронъ, пользуясь мѣстоположеніемъ по сю сторону Гольдберга, твердо держался и опрокидывалъ всѣ усилія непріятелей. Тутъ наиболѣе отличалась 7-я пѣхотная дивизія. Пруссаки, вправо отъ насъ, отдѣлялись большою лощиною или долиною рѣчки, текущей къ городу, по которой, въ предмѣстіи, наши и Прусскіе стрѣлки вели жестокую перестрѣлку съ Французами, занимавшими городъ. За лощиною, на горѣ, непрія-

тель выставилъ батарею и сталъ сбивать Пруссаковъ, противъ которыхъ вскорѣ вышли изъ лѣса пѣхотныя колонны; но Пруссаки поправились, ударивши своею кавалеріею на Французскія колонны, которыя обратились вспять, при чемъ первые многихъ порубили и отхватили въ плѣнъ всю цѣпь Французскихъ стрѣлковъ. Въ лощинѣ, двѣ Прусскія колонны пѣхоты сцѣпились на штыки съ Французами и погнали былоихъ къ городу, но батарея непріятельская остановила Пруссаковъ, пустивъ съ горы во флангъ имъ нѣсколько выстрѣловъ картечью; потомъ кавалерія Французская рубила и гнала разсѣянныя двѣ колонны эти, покуда не встрѣтилась съ Прусскою кавалеріею, остановившею ея стремленіе. Такимъ образомъ разнаго рода войски, поддерживая нападеніе и отступленіе своихъ, съ обѣихъ сторонъ представляли любопытное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и гибельное зрѣлище на правомъ флангѣ нашемъ, гдѣ непріятель наиболѣе усиливался. Наконецъ Пруссаки отступили съ немалымъ урономъ, и въ два часа по полудни жаркое дѣло превратилось въ простое аррієргардное. Лѣвый флангъ Корпуса Графа Ланжерона, удержавшійся на мѣстѣ, сталъ отступать послѣ всѣхъ. Нашу роту артиллеріи водили съ мѣста на мѣсто въ позиціи, однако

ей не удалось сдѣлать выстрѣла. Къ вечеру мы остановились для прикрытія разбитыхъ, и на ночь сами отошли къ высотамъ Яуера, не доходя 6 верстъ до мѣстечка. Мимо нашей батареи проходило множество раненыхъ пулями и порубленныхъ Прусскихъ ландверовъ. Жаль было смотрѣть на обезображенную ранами ихъ юность, на нѣжныя и блѣдныя лица этихъ дѣтей, шедшихъ умирать за отечество съ мужествомъ взрослыхъ.

Слѣдующій день обошелся безъ выстрѣла. Съ полудня мы вдругъ отступили за Яуеръ къ с. Гроссъ-Розенбергъ, 10 верстъ. Авангардъ остался на мѣстѣ.

Наполеонъ замѣтилъ, что Блюхеръ избѣгаетъ съ нимъ сраженія, и опасаясь чтобы Союзники въ отсутствіе его не успѣли занять Дрездена, еще 10-го числа обратилъ Гвардію назадъ, а въ слѣдующій день, 11-го числа, взялъ еще Корпусъ Мармона и кавалерію Латуръ-Мобура; самъ-же съ Маршаломъ Неемъ отправился въ Дрезденъ. И такъ противъ насъ осталось опять не болѣе 60,000, подъ начальствомъ Макдональда.

Слухи пронеслись, что Государь Императоръ нашъ принялъ званіе Генералиссимуса надъ всѣми союзными войсками; Генералъ Моро опредѣленъ къ нему Началь-

никомъ Штаба, а Жомини Дежурнымъ Генераломъ. Союзныхъ войскъ за Эльбою, противъ Дрездена, собралось до 230,000. Превосходство наше было очевидно, и гибель Французской арміи еще разъ почитали мы неизбѣжною.

По бездѣйствію стоящихъ противъ насъ Французовъ, Блюхеръ замѣтилъ отсутствіе Наполеона, и возобновилъ наступательныя дѣйствія. Пополудни дивизія Пруссаковъ прошла мимо насъ впередъ, послѣ чего приказано было и намъ слѣдовать за ними. Мы прошли городокъ Яуеръ церемоніально, съ барабаннымъ боемъ и музыкою, какъ будто въ предзнаменованіе близкой побѣды, и расположились въ боевую позицію на высотахъ передъ с. Геннерсдорфъ. По слухамъ, Французы вовсе отступили къ Дрездену; но дѣйствительно они стояли еще по сю сторону Гольдберга, и занимали Лигницъ.

14-го Августа, съ самаго утра, погода была пасмурная, и во весь день косой дождь, шедшій противъ насъ, растворилъ большую грязь; рѣчка Блезе, протекавшая передъ нами чрезъ сел. Геннерсдорфъ, наполнилась водою, которая поднялась и во всѣхъ прочихъ рѣкахъ. Не смотря на столь дурную погоду, непріятель, съ 7-ми часовъ утра, сталъ наступать на Корпусъ Графа Лан-

жерона, чрезъ Геннерсдорфъ и по горамъ противъ лѣваго фланга. Отъ Гольдберга Французы устремились къ Яуеру тремя колоннами; Лористонъ шелъ большою дорогою, и авангардомъ противъ насъ занялъ Геннерсдорфъ; Магдональдъ и Сугамъ, по тому-же направленію противъ Пруссаковъ, правѣе насъ, перешли по сю сторону рѣчекъ Нейссе и Кацбаха; изъ Шенау Генералъ Пюто съ дивизіею посланъ былъ чрезъ горы, мимо нашего лѣваго фланга, къ Яуеру, чтобы ударить въ тылъ нашъ. Корпусъ Графа Ланжерона находился ближе Пруссаковъ къ Французамъ, а потому они и напали прежде на насъ. Мы занимали довольно хорошую позицію. На правомъ флангѣ, на высокой горѣ поставили нашу легкую роту артиллеріи; но тутъ слѣдовало-бы поставить батарейную, потому что во время дѣйствія наши небольшія ядра не могли съ горы перелетать на ту сторону рѣчки, и отвѣчать Французской батареѣ, которая бросала въ насъ гранаты изъ своихъ гаубицъ довольно мѣтко. Впереди нашей батареи, подъ горою, находились егери, которые вели перестрѣлку съ Французами, засѣвшими въ лѣсочкѣ, по ту сторону рѣчки Блезе. За нашею батареею стояла пѣхота 10-го Корпуса, простираясь колоннами до центра, гдѣ противъ Геннерсдор-

фа находился 6-й Корпусъ Князя Щербатова, и впереди его, на курганѣ, батарейная рота артиллеріи, прикрытая стрѣлками. Въ резервѣ стояла кавалерія Генерала Корфа. Центръ нашъ былъ открытъ и довольно слабъ. Лѣвый флангъ, занимаемый полками 9-го Корпуса, подъ начальствомъ Генерала Рудзевича, примыкалъ къ лѣсистымъ высотамъ, отъ вершины р. Блезе до сел. Мёнхвальдъ. Французы начали атаку на лѣвый флангъ, пробираясь лѣсомъ; но мѣстоположеніе способствовало Генералу Рудзевичу держаться съ упорностью; тогда они устремились противъ нашего центра: поставили по обѣимъ сторонамъ Геннерсдорфа батареи, и стали сбивать нашихъ. Подъ прикрытіемъ этихъ батарей непріятельскія колонны стали выходить изъ селенія и шли прямо на курганную батарею. Въ это время наша рота открыла канонаду, но ядра не могли дѣлать вреда непріятелямъ, по причинѣ высоты горы и отдаленія; Французскія-же гранаты разрывались на самой батареѣ нашей весьма хорошо, только неудачно, не убивъ у насъ ни одного человѣка и ни одной лошади. Отъ сильнаго дождя не ловко было стрѣлять изъ ружей, а для штыковъ была-бы потѣха; но къ полудню Французы такъ усилились, что заставили центръ

нашъ отступать, а за нимъ и мы стали спускаться съ горы, получая въ догонку гаубичные гостинцы. Только не успѣли мы отойдти саженъ сто, какъ намъ велѣно было опять подняться и стать на прежнее мѣсто, потому что Французы остановились. Въ это время (въ 2 часа по полудни) Пруссаки отъ Яуера стали тѣснить Корпусъ Макдональда. Мы съ горы своей видѣли, сквозь дождь, вправо, непріятельскія колонны и между ними батареи, медленно отступавшія, за которыми подвигались Пруссаки, производя сильную канонаду. На гору къ намъ пріѣхалъ Графъ Ланжеронъ. Французы Корпуса Лористона, бывшіе противъ насъ, ушли опять въ Геннерсдорфъ, и ограничились пустою перестрѣлкою съ нами, которая отъ усилившагося дождя почти прекращалась. Но вдругъ увидѣли мы, что непріятельскія колонны Макдональда стали поспѣшно уходить, а Прусскія подвигались къ нимъ ближе и ближе. Графъ Ланжеронъ, смотря на это, сказалъ стоявшему при немъ Генералу Веселицкому: « *Ma foi, они бѣгутъ* ! » — и тотчасъ послалъ Адъютанта къ Князю Щербатову, чтобы онъ наступалъ на Геннерсдорфъ, а нашей батареѣ велѣлъ спуститься подъ гору и сбивать непріятеля по той сторонѣ рѣчки Блезе. Подполковникъ Тимоѳеевъ

тотчасъ отъ лѣваго фланга послалъ меня съ 6-ю орудіями. Не смотря на сильный дождь, бившій прямо въ глаза, я взялъ пушки на передки, спустился съ горы, и велѣлъ канонерамъ приготовить скоропалительныя свѣчи, потому что фитиль вовсе замокъ, да и мы всѣ были какъ обмокшія мыши, по колѣно въ грязи. Французы встрѣтили меня ядрами и высыпали на томъ берегу рѣчки стрѣлковъ. Колонны Князя Щербатова, съ крикомъ ура! подходили уже къ деревнѣ; я, не останавливаясь, шелъ до самой рѣчки въ цѣпи своихъ стрѣлковъ, потомъ вдругъ завернулъ орудія, сбросилъ съ передковъ и сдѣлалъ залпъ картечью; непріятельскіе стрѣлки тотчасъ были сбиты, а батарея ихъ снялась и стала уходить. Наши егери бросились черезъ рѣчку, колонны вошли въ деревню, и съ наступленіемъ мрака не видно стало непріятеля. Полагая его на ретирадѣ, я возвысилъ свои единороги и пустилъ въ темнотѣ, по направленію большой дороги, нѣсколько гранатъ, въ отмщеніе гаубицамъ за давишніе ихъ гостинцы.

Промокши до костей и довольно понатрудившись, я съ артиллеріею на ночь отошелъ опять на гору. Солдаты корчились отъ дождя и холода и голода, проклиная Французовъ, которые заставили ихъ

пробыть цѣлый день безъ кашицы и безъ отраднаго огонька. Я съ утра запасся печенымъ картофелемъ, и держалъ его въ кармане; во время ходьбы онъ подкрѣплялъ меня; а на бивакахъ ночью отогрѣлся я животворнымъ чаемъ (*).

Ввечеру узнали мы, что Французы, на правомъ флангѣ, искуснымъ дѣйствіемъ Барона Остенъ-Сакена и блестящею атакою кавалеріи, подъ начальствомъ Генераловъ Васильчикова и Ланскаго, совершенно разбиты: они оставили при Кацбахѣ множество обоза и 53 орудія, при чемъ одинъ Сумской гусарскій полкъ взялъ 18 пушекъ; сверхъ того досталось намъ около 2000 плѣнныхъ.

Природа, кажется, и тутъ вооружилась на Французовъ: если-бы не сильный дождь, отъ котораго поднялись всѣ рѣчки, Французы не имѣли-бы столько потери, и распоряженія Генераловъ ихъ, заслѣпляемыхъ дождемъ и вѣтромъ, могли-бы быть основательнѣе, а ружейная стрѣльба дѣйствительнѣе. Это потерянное Французами сраженіе показываетъ, какъ опасно предпринимать военныя дѣйствія въ дурную по-

(*) За это сраженіе и за всѣ Силезскія дѣла наградили меня орденомъ Св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ.

году. Правда, что при безпорядкахъ стихій можно нанести зло непріятелю оружіемъ, но не менѣе того придется и самому потерпѣть, а вслучаѣ неудачи и вовсе разстроиться.

Такимъ образомъ неожиданно мы одержали побѣду. Обѣ враждующія арміи шли одна на другую, столкнулись, и хотя сначала Французы имѣли выгоду, но лѣвый флангъ ихъ слишкомъ безпечно былъ оставленъ безъ прикрытія кавалеріею, съ которою Генералъ Себастіани отсталъ; наконецъ, при содѣйствіи дождя и разлитія рѣкъ, Французы, встрѣтивъ сильное сопротивленіе и будучи схвачены нашею кавалеріею, потеряли весь лѣвый флангъ, послѣ чего должны были обратиться въ бѣгство. Сраженіе это названо *Кацбахскимъ*.

Замѣчательно, что въ тотъ-же самый день большая союзная армія подступила къ Дрездену, и, занявъ всѣ предмѣстія, едва не овладѣла городомъ; Наполеонъ съ Гвардіею и прочими войсками весьма не кстати подоспѣлъ, очистилъ предмѣстія и заставилъ отойти Союзниковъ въ позицію.

Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня началось у насъ преслѣдованіе кавалеріею въ авангардѣ, подъ начальствомъ Генерала Рудзевича. Погода продолжалась одинаковая: дождь и вѣтеръ, грязь и слякоть увеличивались,

отъ чего лошади весьма изнурились, а люди съ ногъ до головы были захлестаны грязью и мокры. Не смотря на это, мы съ удовольствіемъ проходили мѣста, которыя занималъ непріятель; каждый обломокъ оружія или лоскутъ мундира были интересны, ибо означали безпорядокъ, съ какимъ враги бѣжали отъ насъ: ружья, сумы, опрокинутые ящики, повозки, ядра, кивера ежеминутно намъ встрѣчались на грязномъ пути. Въ мѣстахъ, гдѣ непріятель удерживался на ретирадѣ, валялись убитые люди и лошади. Это явленіе напомнило намъ путь бѣдственнаго бѣгства Французовъ изъ Россіи отъ Вязьмы. Казаки мимо насъ безпрестанно прогоняли плѣнныхъ, отъ 20-ти до 100 человѣкъ, и говорили намъ, что цѣлыя колонны и каре, отъ замокшихъ ружей будучи не въ состояніи держаться противъ нашей кавалеріи, сдавались въ плѣнъ и съ пушками; Прусскіе черные гусары отхватили цѣлый баталіонъ съ штабъ и оберъ-офицерами, а Кіевскій драгунскій полкъ Генерала Эммануеля взялъ одно карре и пять пушекъ. Вскорѣ за этимъ извѣстіемъ прогнали мимо насъ дѣйствительно болѣе тысячи плѣнныхъ.

За авангардомъ подходили мы къ Гольдбергу, и увидѣли передъ нимъ линіи пустыхъ биваковъ непріятельскихъ. Наша ро-

та аршиллеріи слѣдовала по дорогѣ между пѣхошными колоннами. Случилось, что, на поворошѣ дороги къ городу влѣво, пѣхота пошла прямо черезъ поле, а наша аршиллерія расшянулась по дорогѣ. Мы, я и Подполковникъ, ѣхали двое впереди, какъ вдругъ увидѣли справа изъ лѣса скачущихъ къ намъ человѣкъ семь кавалерисшовъ, въ шемно-синихъ шинеляхъ; но какъ мѣлкій дождь закрывалъ всѣ предмешы шуманомъ, що мы не могли разсмошрѣшь, какой они націи. Какъ-же велико было наше изумленіе, когда, всмашриваясь въ эшихъ, подъѣхавшихъ къ намъ весьма близко кавалерисшовъ, мы могли видѣшь ихъ усы, и по вооруженію и по высокимъ куньимъ шапкамъ узнали, что эшо Французы, конечно не просшые, а какой-либо Генералъ со свитою! Они подскакали къ намъ — что называешся — подъ самый носъ, и передній изъ нихъ, съ прекрасными черными глазами и усиками, разглядывая наши пушки, сказалъ вопросишельно: *Russe?* — Но въ шуже минушу всѣ они пируэшомъ повернули лошадей назадъ, и поскакали опяшь къ лѣсу, передъ кошорымъ уже высыпало синихъ кавалерисшовъ болѣе эскадрона. Ударишь на насъ они не смѣли; однако мы съ Подполковникомъ весьма засуешились, видя сшоль близкую опасносшь. Онъ шошчасъ

велѣлъ сворачивать артиллерію съ дороги, и сниматься съ передковъ, а я поскакалъ къ задней колоннѣ пѣхоты, шедшей по полю, и просилъ важнаго штабъ-офицера, ѣхавшаго впереди, чтобы онъ остановился. — «Зачѣмъ?» — Тамъ Французы передъ лѣсомъ и подъѣзжали къ намъ! — сказалъ я. — «Вотъ-те на; не можетъ быть,» отвѣчалъ онъ протяжно, и продолжалъ флегматически ѣхать шагомъ. Я чуть не лопнулъ съ досады и бросился къ передней колоннѣ; но увидѣлъ, что Французы уже скрылись въ лѣсъ, а наша артиллерія, миновавши поворотъ дороги, рысью догоняла пѣхоту. Конныхъ патрулей съ фланговъ тогда у насъ не было, и мы подвергались нечаянному нападенію какого-либо партизана, если-бъ они были. Но Французамъ тогда было не до насъ; они сами, видно, заблудились, и, какъ угорѣлые, метались изъ одной стороны въ другую, отыскивая брода черезъ Кацбахъ. Послѣ намъ сказывали, что Прусскіе гусары перехватили этихъ заблудшихся, и, порубивъ многихъ, остальныхъ взяли въ плѣнъ.

Ночевали мы передъ Гольдбергомъ, промокши съ ногъ до головы и не имѣя сухой нитки въ платьѣ, такъ что, остановясь на биваки, выкручивали изъ шинелей и мундировъ воду ручьями.

Авангардъ продолжалъ преслѣдовать непріятелей, но уже не такъ сильно, какъ прежде. Французы, не нашедши нигдѣ переправы черезъ р. Боберъ, потянулись всѣ къ Бунцлау. Артиллерію нашей роты причислили къ 6-му Корпусу, потому что почти вся пѣхота 10-го Корпуса находилась въ авангардѣ. Мы отошли не болѣе семи верстъ отъ Гольдберга, когда, проходя черезъ одну деревню, увидѣли на дорогѣ 11 фуръ и 4 зарядныхъ ящика, брошенныхъ Французами. Погода была споснѣе, и по полудни дождь пересталъ.

17-го Августа, день счастливый для войскъ подъ начальствомъ Графа Ланжерона. Поутру, проходя черезъ сел. Пильгримсгайнъ, увидѣли мы на дорогѣ брошенныя Французами 6 пушекъ съ ящиками, и большой обозъ; все это, говорили, было вчера отбито Кіевскимъ драгунскимъ полкомъ, подъ начальствомъ Генерала Эммануеля. Пройдя еще нѣсколько верстъ, увидѣли партіи плѣнныхъ; но это все ничего. Важнѣйшая добыча была впереди, и вотъ настоящее дѣло.

Французскій Генералъ Пюто, посланный 14-го числа съ дивизіею въ обходъ къ Яуеру, узнавъ о бѣгствѣ войскъ Макдональда и Лористона, самъ черезъ Шенау пошелъ назадъ къ Гиршбергу. Разлившаяся отъ

дождей р. Боберъ разрушила мосты въ городѣ, и заставила Французскаго Генерала идти къ Левенбергу, искать возможной переправы. Онъ подошелъ къ этому городу, но вода въ рѣкѣ была выше моста и частію сорвала его. Въ это-же время подходилъ туда нашъ авангардъ, подъ начальствомъ Генерала Рудзевича. Французскій Генералъ, вмѣсто того чтобы пробиться мимо Левенберга къ Бунцлау фланговымъ маршемъ, встрѣтилъ Рудзевича и хотѣлъ вернуться опять къ Гиршбергу; но тутъ по дорогѣ шелъ Князь Щербатовъ съ пѣхотою, и Генералъ Корфъ съ кавалеріею. Между тѣмъ Рудзевичъ уже занялъ Бунцлаускую дорогу, и для Французовъ не оставалось инаго, какъ сдаться военноплѣнными, или погибнуть съ оружіемъ. Къ чести ихъ они рѣшились на послѣднее; но вмѣсто оборонительнаго дѣйствія, имъ надлежало-бы пробиваться колоннами, устремившись всею массою на войски Генерала Рудзевича, занимавшія дорогу. Напротивъ того они расположились защищаться, занявъ по сю сторону рѣки, противъ города, высоты берега передъ сел. Плагвицъ. Генералъ Рудзевичъ былъ столько остороженъ, что не тѣснилъ Французовъ, покуда не подошелъ съ другой стороны во флангъ имъ Корпусъ Князя Щербатова; тогда онъ сталъ на-

ступать на нихъ, и канонада съ обѣихъ сторонъ усилилась. Французы стояли упорно. Въ это время (пополудни въ 3 часа) мы подходили. Князь Щербатовъ поставилъ во флангъ непріятелю роту артиллеріи Подполковника Нестеровскаго, которая стала бить картечью, а 28-й егерскій полкъ пустилъ на штыки: Французы, смятые со всѣхъ сторонъ, бросились къ рѣкѣ, но не нашедши въ ней спасенія, большею частію сдались военноплѣнными.

Оставивъ роту, я поскакалъ впередъ смотрѣть на сраженіе, и поспѣлъ—къ шапочному разбору. Наша пѣхота, по-баталь-онно, собирала уже разсѣянныхъ Французовъ, которые, не желая топиться, бросали ружья и сдавались. Пушки ихъ стояли на батареѣ уединенно, и при нихъ валялось нѣсколько убитыхъ канонеровъ. Первый попался мнѣ на встрѣчу егерскій офицеръ съ богатымъ Французскимъ знаменемъ, которое онъ самъ отнялъ, въ то время какъ егери бросились на штыки. На знамени, по голубому бархату посрединѣ вышитъ былъ золотой сидящій орелъ, и вокругъ него пчелки, а по угламъ четыре вензеля Наполеона; знамя было квадратное, аршина полтора въ поперечникѣ, съ золотою бахрамою и большими кистями, насаженное на высокое древко. Офицеръ съ жаромъ разска-

зывалъ, какъ онъ отнялъ эту драгоцѣнность, подъ прикрытіемъ своихъ карабинеровъ, заколовшихъ знаменщика, и спѣшилъ съ своимъ трофеемъ къ Графу Ланжерону. Далѣе, на высотахъ Плагвица, увидѣлъ я большое стеченіе военныхъ; туда отводили всѣхъ плѣнниковъ, между которыми находился и Дивизіонный Генералъ Пюто. Онъ сидѣлъ еще на лошади, а вокругъ него плѣнные штабъ-и оберъ-офицеры стояли съ почтительностію передъ Графомъ Ланжерономъ, который весело разговаривалъ съ Французскимъ Генераломъ. Жаль было смотрѣть на этого плѣнника: почтенное лицо его выражало всю горесть несчастія.... Въ приказѣ Графа Ланжерона, которымъ предписывалось объ этой побѣдѣ произвести въ полкахъ молебствіе, означено было взятыхъ въ плѣнъ: Генераловъ 2, штабъ и оберъ-офицеровъ 70, рядовыхъ 4000; сверхъ того 4 знамени и 22 пушки. Уронъ съ нашей стороны убитыми и ранеными не болѣе 50.— Врядъ-ли кому когда-либо доставалась такъ дешево побѣда.

По рѣкѣ, гибельной для Французовъ, отъ нашего берега до города плавали потонувшіе Французы, и тѣ, которые на лошадяхъ еще думали спастись. Казаки многихъ находили притаившимися по всему берегу подъ деревьями, или на деревьяхъ.

По ту сторону рѣки еще находились Французы, которые небольшими колоннками тянулись по берегу къ городу; батарейная артиллерія пустила въ нихъ нѣсколько ядеръ, которыя, большею частію не перелетая, терялись въ водѣ. Четыре гаубицы непріятельскія съ той стороны, не унывая, отстрѣливались довольно смѣло.

Возвращаясь съ горы, я встрѣтился съ Маіоромъ 1-го Украинскаго Казачьяго полка Бойсманомъ, котораго зналъ еще бывши кадетомъ въ Императорско-Военно-Сиротскомъ Корпусѣ (*), гдѣ онъ служилъ въ 1805 году начальникомъ отдѣленія. Маіоръ съ подвязанною рукою разсказалъ мнѣ чудесный о себѣ случай. Въ то время, какъ Французы на высотахъ Плагвица держались въ позиціи, онъ, находившись въ авангардѣ Рудзевича, замѣтилъ въ сторонѣ стоящаго Начальника Французской дивизіи Генерала Пюто. Имѣя намѣреніе взять его, онъ приблизился съ своимъ эскадрономъ, и вдругъ бросился на Генерала; но Казаки, встрѣченные ружейнымъ огнемъ скрытой пѣхоты, обратились вспять, а онъ замѣшался въ бѣжавшую свиту Генерала, и, увидѣвъ себя одного, остался между Французами. Сѣрая шинель могла его скрыть,

(*) Нынѣ Павловскій Кадетскій.

но высунувшійся на мундирѣ крестъ Св. Владиміра 4-й степени обнаружилъ, кто онъ былъ. Самъ Генералъ Пюто замѣтилъ его, и указывая своимъ, вскричалъ: C'est un russe!—tirez!— Бойсманъ тотчасъ бросился во всю прыть къ своимъ; въ догонку осыпали его пистолетными пулями, изъ которыхъ одна попала ему въ руку, а другая въ лошадь; однако онъ спасся. Маіоръ былъ весьма недоволенъ своими Казаками, которые не имѣли такой какъ онъ отважности, и не осмѣлились схватить Генерала со всею свитою.

Къ вечеру жители Плагвица приходили на поле сраженія и въ биваки, собирать обломки оружія и мундирные лоскутья, думая отчасти вознаградить тѣмъ претерпѣнное раззореніе. Они со слезами разсказывали о своемъ несчастіи и проклинали Французовъ, которые, видно чувствуя, что уже никогда не возвратятся въ Силезію, грабили ихъ безъ милосердія, и, уходя, зажигали домы; но жители успѣвали тушить ихъ. Во время разбоя, или сраженія, они обыкновенно съ семействами уходили въ лѣса, или прятались въ погреба, клѣти, подъ солому, и на чердакахъ.

Слѣдующій день оставались мы на мѣстѣ, на берегу р. Бобера, лѣвѣе города. Французы стояли по ту сторону рѣки, зани-

мая высоты берега нѣсколькими колоннами, подъ прикрытіемъ слабыхъ батарей. Погода разгулялась, природа оживилась, и вода стала сбывать.

Около полудня хотѣли у насъ наводить понтонный мостъ черезъ рѣку, но Французы изъ двухъ пушекъ такъ удачно дѣйствовали, что убили офицера и потопили нѣсколько понтоновъ; тогда предпріятіе переправы было оставлено.

Передъ глазами нашими случился опытъ искусной стрѣльбы Французской артиллеріи. Подъ берегомъ, на которомъ стояла наша батарея, простиралась до русла рѣки луговая долина; колоннка егерей, менѣе роты, шла по ней мимо насъ къ переправѣ; вдругъ, съ противнаго берега, Французская гаубица бросила навѣсно бомбу, которая какъ разъ упала сзади колоннки, между двумя отставшими офицерами, и поразила обоихъ: одному она пробила голову, а другому животъ, и врылась въ землю, гдѣ заглохла. Нѣсколько егерей воротились и зарыли плачевные остатки несчастныхъ подъ нашею горою. Послѣ того пущенная въ другой разъ бомба уже не имѣла удачи: ее разорвало на воздухѣ. Тогда мы удостовѣрились въ преимуществѣ Французскихъ гаубицъ надъ нашими единорогами, которыхъ не льзя такъ вы-

соко поднимать, чтобы дѣйствовать на дальнюю дистанцію, подобно мортирамъ или гаубицамъ.

На ночь думали мы переправляться черезъ р. Боберъ при сел. Цобтенъ, гдѣ 7-го числа встрѣтились съ Французами, и уже войски потянулись было туда; но какъ берега оказались топкими, то насъ всѣхъ оставили ночевать на прежнемъ мѣстѣ.

19-го Августа, сваривъ каши и убравъ котлы, въ 10 часовъ утра стали мы переходить черезъ рѣку по каменному мосту, а пѣхота шла по понтонному, который былъ наведенъ въ продолженіе утра. Войски вступали въ Левенбергъ церемоніяльно, съ барабаннымъ боемъ и музыкою. Жители весьма радостно встрѣчали насъ, поздравляя побѣдителями, при чемъ жаловались на Французовъ, которые въ конецъ раззорили ихъ, взявши два раза контрибуцію. Но дѣвушки, съ завитыми кудрями, принарядившись, улыбались весьма мило, и, кажется, не чувствовали никакого горя: красавицамъ нѣтъ зла ни отъ своихъ, ни отъ чужихъ.

Отошедъ отъ Левенберга 15 верстъ, остановились бивакировать на полѣ, близъ с. Зейферсдорфъ. Авангардъ находился предъ Лаубаномъ. Французы переходили границу Силезіи черезъ р. Квейсъ.

На другой день войски оставались на мѣстѣ. Авангардъ въ Лаубанѣ. Пруссаки, отъ Бунцлау перешедъ р. Квейсъ, вступили въ Саксонію.

По полудни въ Корпусѣ Графа Ланжерона сдѣланъ изъ пушекъ 21 выстрѣлъ, и войски кричали ура! въ знакъ освобожденія Силезіи отъ Французовъ. Графъ Ланжеронъ со свитою ѣздилъ по линіямъ и поздравлялъ войски.

Такимъ образомъ въ четырнадцать дней освобождена Силезія Союзною арміею, въ которой двѣ трети было Русскихъ войскъ, и Рускіе нанесли болѣе пораженія непріятелю, какъ-то при Бунцлау, Кацбахѣ и Левенбергѣ. Французы съ 14-го по 20-е число, въ продолженіе бѣдственной для нихъ, ненастной шестидневной погоды, потеряли около 20,000 выбывшихъ изъ строя; въ томъ числѣ 15,000 взяты въ плѣнъ; брошено 103 орудія и 250 зарядныхъ ящиковъ. Столько было неудачно покушеніе Наполеона разбить Силезскую армію, которая задразнила его. Казалось, гораздо-бы выгоднѣе было ему сблизить Макдональда къ Дрездену, и поставить его въ укрѣпленную позицію, а самому чрезъ Циттау съ главными силами, не теряя времени, обратиться къ Прагѣ, въ тылъ большой союзной арміи; тогда-бы онъ пресѣкъ ея сооб-

щеніе съ Силезіею, и театръ войны перенесъ-бы въ Богемію; чѣмъ, можетъ быть, заставилъ-бы тестя своего отложиться отъ союза. Если-бы и не предпринималъ Наполеонъ этой отважной операціи, а ограничился однимъ наступательнымъ дѣйствіемъ отъ Дрездена, приказавъ Макдональду защищаться противъ Блюхера, то и тогда не потерпѣлъ-бы столь значительной потери и разстройства; но презрѣніе къ неріятелямъ, особенная ненависть къ Пруссакамъ, устремили его пылкость въ сомнительныя предпріятія, окончившіяся къ собственному вреду его. Потери и разстройство, причиненныя Французамъ Силезскою арміею, не могли вознаградиться нѣкоторою поверхностію Наполеона надъ Союзниками при Дрезденѣ, гдѣ онъ въ два дня нанесъ имъ плѣнными и убитыми значительный уронъ, большею частію Австрійцамъ; но и самъ потерялъ весьма много людей.

Не льзя оправдать неумѣстной атаки Макдональда, съ посредственными силами, противу Силезской арміи; онъ оставилъ въ тылу своемъ р. Кацбахъ, и съ открытымъ флангомъ устремился на Блюхера, между тѣмъ какъ войски его были разобщены: Корпусъ Лористона отдѣлялся рѣкою, Дивизія Пюто послана была въ обходъ,

продолжительный, къ Яуеру. Для действительнаго угроженія Блюхеру и всей Силезской арміи, надлежало-бы Французамъ усилиться въ Гольдбергѣ и потѣснить къ Яуеру выдавшійся при Геннерсдорфѣ Корпусъ Графа Ланжерона, что могли-бы они сдѣлать безъ затрудненія; потомъ въ Яуерѣ сразиться общими силами съ нашею арміею и заставить ее ретироваться къ Бреславлю, чѣмъ пресѣкли-бы ей сообщеніе съ большею союзною арміею. Но изъ совершившихся событій видно было, что Французскіе Генералы весьма оплошали, дѣйствуя по плану безъ стратегическихъ соображеній — или на нихъ столбнякъ напалъ.

ГЛАВА VIII.

ОТЪ ГРАНИЦЪ САКСОНІИ ДО ЛЕЙПЦИГА.

Вступленіе въ Саксонію. — Снова ретирада. — Наступательное дѣйствіе при Лебау. — 30-е Августа. — Занятіе Нейштата. — Ночная тревога. — Послѣднее усиліе непріятеля. — Приближеніе къ Дрездену. — Планъ новыхъ операцій Союзныхъ войскъ. — Движеніе Силезской арміи къ Эльбѣ. — Переправа. — Опасность при Дибенѣ. — Отступленіе къ Цобригу. — Городъ Галле.

21-го Августа, съ 5 часовъ утра, войски поднялись въ походъ, и въ десятомъ часу прошли церемоніяльно чрезъ Лаубанъ, первый Саксонскій городъ. Съ высоты праваго берега р. Квейсы онъ казался красивымъ: башни, кирхи и сады украшали картину этой панорамы. Жителей въ городѣ не было видно; они всѣ попрятались, и со страхомъ выглядывали съ верхнихъ этажей домовъ изъ-за простѣнковъ, или изъ-за угловъ улицъ. Они не столько боялись Рускихъ, сколько Пруссаковъ, которые обходились съ ними какъ непріятели, и мсти-

ли на каждомъ шагу за зло, сдѣланное въ Пруссіи Французами. Такъ народы одной и той-же націи, одной и той-же вѣры, были врагами, непримиримѣе нежели мы, пришельцы съ Сѣвера, другаго племени. Можетъ быть у Германскихъ народовъ болѣе желчи въ крови нежели у Славянъ, потому что Руские, проходя черезъ враждебную Польшу, не дѣлали того, что дѣлали Германцы въ непріязненныхъ странахъ одного и того же племени, только различныхъ владѣній. Тутъ явно превосходство Русскаго солдата, который страшенъ только въ рядахъ противъ непріятеля, но всегда миренъ и кротокъ въ непріятельской землѣ съ жителями, будучи доволенъ тѣмъ угощеніемъ, которое въ состояніи ему сдѣлать поселянинъ, и не требуя излишняго. Мы проходили опустѣвшія, чистыя улицы Лаубана; лавки и окна почти во всѣхъ домахъ были заперты. На угрюмыхъ лицахъ встрѣчавшихся Саксонцевъ являлась недовѣрчивость, смѣшанная съ робостію. За городомъ, въ селеніяхъ не видно было ни одного изъ жителей; казалось, Французы, ограбивъ ихъ совершенно, лишили возможности жить на мѣстѣ; поселяне еще болѣе опасались Пруссаковъ и Рускихъ, а потому всѣ попрятались.

Мы остановились не доходя 7 верстъ до

Герлица, сдѣлавши переходъ около 30 верстъ. Уже гора Ландскрона, лежащая за Герлицемъ влѣво, представлялась намъ вдали, какъ знакомая красавица. День такъ былъ зноенъ и солнце такъ запекло насъ на большомъ переходѣ, что мы довольно утомились; съ наступленіемъ вечера стало холодно, и ночью надобно было спать подъ тулупами. Отъ такой перемѣны въ воздухѣ солдаты подвергались болѣзнямъ. Земля здѣсь ровная, песчаная; печальныя сосны не представляютъ красиваго вида, и на этотъ разъ биваки наши были скучны. Силезія казалась пріятнѣе и удобнѣе для военныхъ дѣйствій.

Авангарды соединенныхъ войскъ Силезской арміи перешли р. Нейссе.

По первому переходу мы полагали навѣрное, что разбитые Французы уйдутъ прямо къ Дрездену, и намъ не будетъ съ ними никакой работы.

Въ 10-ть часовъ утра слѣдующаго дня прошли мимо Герлица и остановились на биваки, между Ландскроною и с. Гербицдорфомъ. Французы сожгли большой мостъ на Нейссе, и въ городѣ оставили много больныхъ и раненыхъ, а потому наши войски не проходили черезъ городъ. Здѣсь мы сошлись съ Пруссаками и вмѣстѣ съ ними стояли на бивакахъ. Корпуса Графа

Ланжерона и Іорка соединились для того, что главныя силы Французовъ находились въ Лебау, на большой дорогѣ отъ Бауцена къ Циттау.

Русская партизанская война возобновилась, и здѣсь Князь Мадатовъ, Полковники Рахмановъ и Фигнеръ, Прусскіе Маіоры Фалкенгаузенъ и Болленстернъ дѣлали набѣги въ тылу непріятелей, причиняя имъ безпрестанно вредъ. Князь Мадатовъ взялъ въ Вуршенѣ цѣлый батальонъ Французовъ, въ которомъ было 1 Полковникъ, 25 офицеровъ и 677 рядовыхъ. Маіоръ Фалкенгаузенъ также напалъ на Французовъ, расположенныхъ въ квартирахъ, гдѣ стояла артиллерія и пѣхота подъ прикрытіемъ кавалеріи, которая была имъ опрокинута; при чемъ взяты плѣнные и одна пушка.

23-го Августа, съ 5 часовъ утра, войски тронулись впередъ, прошли м. Рейхенбахъ, и остановились для привала передъ Лебау, гдѣ отдыхали болѣе 4 часовъ. Французы ретировались къ Бауцену, и мы слышали ружейную перестрѣлку въ авангардѣ, которымъ начальствовалъ Генералъ Васильчиковъ. Онъ прошелъ уже до Гохкирхена, или до той позиціи передъ Бауценомъ, гдѣ у насъ было генеральное сраженіе 9-го Мая, какъ вдругъ встрѣтилъ сильное сопротивленіе и натискъ отъ Французовъ. Кор-

пусъ Графа Ланжерона послѣ привала только что тронулся впередъ къ Лебау, и нѣкоторыя войски начали уже проходить черезъ городъ , какъ вдругъ всѣхъ остановили и велѣли идти назадъ. Мы тутъже увидѣли за городомъ, на высотахъ, выходящія изъ лѣса непріятельскія колонны, и пушечные выстрѣлы изъ батарей его по отступающему нашему авангарду. Стѣснившіеся передъ городомъ на большой дорогѣ войски наши и обозы пришли въ замѣшательство , стали скорѣе сворачивать въ сторону и назадъ, стараясь не попасть въ руки Французовъ , которые весьма быстро и искусно къ намъ подступали. Графъ Ланжеронъ со свитою заботливо проскакалъ назадъ, для построенія наскоро войскъ въ боевую позицію передъ непріятелемъ, находившимся отъ насъ верстахъ въ двухъ. Къ вечеру войски устроились , и Французы остановились, занявши Лебау. Съ наступленіемъ ночи мы развели большіе огни , но тотчасъ стали уходить назадъ во всю ночь, и такъ скоро, что въ короткое время очутились передъ Герлицемъ. Здѣсь до разсвѣта продремали на мѣстѣ, не разводя огней.

Точно , узнавъ о разбитіи Макдональда, Наполеонъ поспѣшилъ собрать остатки разсѣянныхъ войскъ, чтобы снова отдалить

Силезскую армію. 22-го, онъ вышелъ изъ Дрездена съ Гвардіею, взявъ еще Корпусъ Мармона и кавалерію Лашуръ-Мобура; онъ нашелъ у Бауцена Макдональда, готоваго отступать, которому приказалъ остановиться и тѣснить Рускихъ. Въ этомъ случаѣ Наполеонъ, слѣдуя пылкости своей сбивать непріятеля открытою силою, упустилъ весьма благопріятное обстоятельство сдѣлать нечаянный ударъ, по крайней мѣрѣ на передовой Корпусъ нашъ, чтобы привести Силезскую армію въ замѣшательство. Онъ могъ-бы позволить своему авангарду скрыться въ Бауценѣ, потомъ, не выводя Блюхера изъ невѣдѣнія о своемъ появленіи съ новыми силами, могъ-бы въ продолженіе ночи почти окружить насъ.

Наступательное движеніе Макдональда удостовѣрило Блюхера о прибытіи Наполеона съ подкрѣпленіемъ, и заставило его тотчасъ ретироваться, для соединенія своихъ силъ передъ Герлицемъ, гдѣ и занялъ онъ пѣхотою впереди лежащіе лѣса.

Между тѣмъ какъ Наполеонъ намѣревался пощипать насъ, Князь Мадатовъ, прославившійся тогда болѣе другихъ партизановъ своими набѣгами, схватилъ въ Бишофсвердѣ, за Бауценомъ, 500 челов. прикрытія у запаснаго парка, и болѣе ста фуръ съ зарядами взорвалъ на воздухъ.

Мы узнали также, что большая союзная армія, между Пирной и Петерсвальдомъ, разбила Французовъ, при чемъ цѣлый Корпусъ неосторожнаго Генерала Вандамма былъ истребленъ подъ Кульмомъ. Эта побѣда приписывалась особенно отличной твердости Россійской Гвардіи, подъ начальствомъ Графа Остермана-Толстаго, и благоразумнымъ распоряженіямъ Главнокомандующаго Барклая-де-Толли.

Наша рота артиллеріи, назначенная въ резервъ, пошла особо. Въ 11 часовъ 24-го Августа, мы прошли мимо Герлица, и не зная точно, гдѣ найти резервъ, весь день и всю ночь ходили, съ отдышками, не видя конца пути своему. Ночь была прекрасная, тихая, не холодная, и мѣсяцъ смотрѣлъ на насъ во всѣ глаза. Наконецъ, передъ разсвѣтомъ, за Лаубаномъ, въ Силезіи, нашли вожделѣнный резервъ артиллеріи, который не давался намъ подобно кладу. Между тѣмъ продовольствіе наше истощилось; хлѣба давно не было; хотя Пруссаки съ Саксонцевъ лупили хлѣбныя шкурки, но онѣ намъ не доставались: у Блюхера была своя рубашка ближе къ тѣлу. Солдаты наши весьма благодарили Нѣмцевъ за картофельныя поля, которыя они порядкомъ взрыли имъ для будущаго урожая; мясная порція также не рѣдко у насъ водилась, только не

иначе, какъ отъ заблудшихся по лѣсочкамъ быковъ, на которыхъ Провидѣніе указывало нашимъ воинамъ.

Французы значительными силами выступили изъ Рейхенбаха, и стремительно напали на авангардъ Генерала Васильчикова. Блюхеръ, не почитая сообразнымъ съ настоящею цѣлію заводить важное дѣло съ Наполеономъ, перевелъ войски за Нейссе и Квейсъ, оставивъ, для удержанія Французовъ передъ Герлицемъ, одинъ авангардъ. Онъ думалъ не безъ основанія, что чѣмъ далѣе Наполеонъ могъ быть завлеченъ отъ Дрездена, тѣмъ рѣшительнѣе были-бы дѣйствія большой союзной арміи. Самъ Императоръ Французовъ видѣлъ ничтожность своего покушенія на Силезскую армію, и потому снова возвратился къ Дрездену. Тогда онъ уподоблялся льву, опутанному тенетами: еще имѣя силы, хотя бросался въ стороны и разрывалъ слабыя нити, но тѣмъ болѣе истощался и тѣснѣе былъ стягиваемъ. Французы только до Герлица продолжали дѣйствовать наступательно, и къ ночи его заняли. Авангардъ нашъ съ упорностію удерживалъ переправу черезъ Нейссе.

25-го Августа, отъ Лаубана весь резервъ нашъ прошелъ назадъ за Левенбергъ. Жители потревожились, увидѣвъ наше отступленіе; они страшились новаго вторженія

Французовъ. Армія наша также отступила за Лаубанъ, но Французы не позволили выманить себя изъ-за Нейссе.

На другой день, въ три часа пополудни, резервъ нашъ снова подвинули къ Лаубану, чтобы облегчить жителей Силезіи отъ военнаго постоя. Армія стояла на мѣстѣ въ тщетномъ ожиданіи наступательныхъ дѣйствій отъ непріятеля; посему Генералъ Блюхеръ могъ заключить объ отсутствіи Наполеона, и тогда желалъ самъ атаковать Французовъ.

27-го Августа, Корпусъ Графа Ланжерона, въ который наша рота снова поступила, прошедъ черезъ Лаубанъ, принялъ влѣво, и для ночлега скрылся за холмами, имѣя Герлицъ вправо, на разстояніи 10-и верстъ. Мы сдѣлали переходъ около 30 верстъ.

Чрезъ это наступательное движеніе обнаруживалось намѣреніе Блюхера нанести ударъ Французамъ, находившимся въ Герлицѣ и далѣе. Передъ нами стоялъ Генералъ Сенъ-При съ 8 Корпусомъ, который лѣвѣе насъ перешелъ р. Нейссе, при Острицѣ. По диспозиціи онъ долженъ былъ стремительно атаковать непріятеля въ Лебау, а Графъ Ланжеронъ подкрѣплять его; между тѣмъ Прусскій Корпусъ Іорка, черезъ Ландскрону, долженъ былъ принять во флангъ и въ тылъ непріятеля, стоя-

щаго у Герлица, чтобы вовсе отрѣзать его отъ Рейхенбаха.

Въ слѣдующій день продолжали мы обходить Французовъ черезъ м. Бернштетель. Графъ Сенъ-При находился уже въ 6-ти верстахъ отъ Лебау, и былъ у насъ въ виду. На лѣвомъ флангѣ отъ Циттау явилась къ намъ дивизія Австрійцевъ Генерала Бубны, около 8,000 чел. Въ 4 часа пополудни Графъ Сенъ-При напалъ на Корпусъ Князя Понятовскаго, пришедшаго отъ Циттау, и скоро выгналъ Поляковъ изъ Лебау, такъ-же какъ изъ селеній Гартвигсдорфъ и Эберсдорфъ. Полки 10 Корпуса Генерала Капцевича способствовали ему правѣе Лебау гнать непріятелей. Въ виду нашемъ, по ту сторону города, колонны Графа Сенъ-При двигались впередъ, и батареи, перемѣняя позиціи, пускали облака дыма все далѣе и далѣе. На нашемъ флангѣ, Поляки упорно держались въ лѣсахъ хорошо избранной ими позиціи. Ружейная стрѣльба была жестока, при чемъ находились въ дѣйствіи со стрѣлками и два орудія нашей роты. Темнота ночи не позволила Графу Сенъ-При дойдти до большой Бауценской дороги. Корпусъ Іорка при Герлицѣ не имѣлъ удачи, потому что Французы узнали о немъ заблаговременно, и такъ скоро ушли, что Казаки не могли догнать ихъ. Адъю-

шаншъ Князя Понятовскаго, посланный въ Бауценъ съ извѣстіемъ о происшествіи, попался разъѣздамъ Графа Сенъ-При, и взятъ въ плѣнъ. Изъ донесенія обнаруживалось, что въ этомъ незначительномъ, но горячемъ дѣлѣ непріятели потеряли 23 офицера и до 500 рядовыхъ. Ввечеру Поляки развели въ своихъ бивакахъ огни, а ночью убрались подальше.

Такимъ образомъ Французы скрылись въ Бауценъ; авангардъ союзныхъ войскъ Іорка и Барона Остенъ-Сакена дошелъ до Гохкирха. Блюхеръ имѣлъ квартиру въ Гернгутѣ, не доходя 10 верстъ до Лебау, на дорогѣ отъ Циттау.

Между тѣмъ, бывшій Французскій Генералъ Бернадоттъ, сдѣлавшійся Кронпринцемъ Шведскимъ, показалъ свое превосходство въ военномъ искусствѣ надъ старыми своими товарищами. 25-го Августа, при Денневицѣ, одержалъ онъ совершенную побѣду надъ Французами, подъ начальствомъ Ренье, Удино и Бертрана. Такъ перестала Фортуна улыбаться Наполеону, и Генералы его, бывшіе прежде для другихъ учителями военнаго искусства, стали нынѣ школьниками; вездѣ Генералы союзныхъ войскъ торжествовали надъ ними, потому что самъ ректоръ ихъ сбивался съ толку.

30-го Августа, въ день тезоименитства Государя Императора, происходило въ войскахъ Корпуса Графа Ланжерона молебствіе, послѣ котораго отецъ Иванъ, Священникъ Олонецкаго полка, сказалъ намъ хорошую проповѣдь. Онъ сравнивалъ настоящаго Александра съ Невскимъ, и наставлялъ насъ къ трудамъ и терпѣнію, внушая духъ воинственный съ надеждою на Всемогущаго. « Оставляйте свои выгоды,» говорилъ онъ; « тамъ, гдѣ дѣло идетъ « объ общемъ благѣ, вооружитесь щитомъ « Вѣры и поражайте враговъ мечемъ со« крушенія; тогда слава дѣлъ вашихъ бу« детъ жить въ потомствѣ.... » Послѣ того Генералъ Капцевичъ раздавалъ въ каждый полкъ и артиллерійскую роту за освобожденіе Силезіи по одной чугунной, Прусской медали, съ надписью: Verdienst um den Staat.

По полудни въ 2 часа, когда для Графа Сенъ-При жители Лебау готовились дать балъ, сказанъ былъ его и нашему (8-му и 10-му) корпусамъ походъ. Въ пути провели мы большую часть ночи, и, прошедъ около 20 верстъ, ночевали на границѣ Богеміи, въ м. Ширгисвальдѣ, коснувшись горъ, на верщинѣ р. Шпреи.

Французы, движеніемъ нашихъ двухъ корпусовъ будучи снова угрожаемы на пра-

вомъ флангѣ своемъ, отступили отъ Бауцена и Нейштата къ Бишофсвердѣ и Штольпенау.

По утру слѣдующаго дня командировали меня съ двумя единорогами при егеряхъ въ авангардъ. Лошадки артиллерійскія, давно не видавшія овса, отъ одного подножнаго корма и частыхъ движеній тогда уже довольно изнурились, а ходивши по каменистымъ дорогамъ некованныя, стали прихрамывать. Этотъ переходъ по горамъ, черезъ лѣсъ, былъ для меня, для канонеровъ, для лошадей, и для самихъ единороговъ весьма тягостенъ. Мы шли къ Нейштату не по дорогѣ, а по тропинкѣ, спускаясь въ овраги и поднимаясь на крутизны; въ иныхъ мѣстахъ проходили по голымъ скаламъ, и орудія должно было спускать или поднимать съ одного уступа на другой канатами, при чемъ, въ густотѣ лѣса, по искривленной тропинкѣ, едва можно было протѣсниться. Въ лѣсу ничего не представлялось, кромѣ дикой природы горъ, кривыхъ деревьевъ, мохомъ поросшихъ скалъ, и облаковъ, которыя такъ низко носились, что, кажется, можно-бъ было схватить ихъ рукою; воздухъ становился рѣже, и мы думали, что скоро взберемся на самое небо. Такимъ путемъ, все выше и выше, прошли мы около 15

верстъ, наконецъ стали спускаться все ниже и ниже, вышли изъ лѣса съ высокаго хребта, и на долинѣ вдругъ увидѣли предъ собою стелющійся городъ Нейштатъ, съ деревянными строеніями. Тутъ нашли мы дивизію Австрійцевъ Генерала Бубны. Венгерцы были одѣты щеголевато, въ голубыхъ ментикахъ, въ высокихъ шапкахъ, на прекрасныхъ лошадяхъ; но одежда Генераловъ не изящна. Графъ Бубна смотрѣлъ насъ, когда мы проходили мимо его войскъ, и казался довольнымъ, что видитъ у себя подъ командою Рускихъ. Онъ былъ въ сѣромъ мундирѣ, съ широкимъ позументомъ на воротникѣ, и въ красныхъ панталонахъ.

Намъ дали квартиры въ предмѣстіи города. Оставшіеся жители, казалось, были довольны нашимъ прибытіемъ, и обнаруживали великую боязнь къ Французамъ и Пруссакамъ. Здѣсь собрался весь 10-й Корпусъ Генерала Капцевича. Въ городѣ много находилось шпіоновъ, и при квартирѣ одного Генерала ночью убили часоваго.

1-го Сентября авангардъ нашъ съ Австрійцами выступилъ за Нейштатъ. Противъ насъ стояли Поляки Корпуса Князя Понятовскаго. Въ 4 часа пополудни мы стали тѣснить ихъ въ то время, когда узнали, что Графъ Сенъ-При погналъ

непріятелей, правѣе насъ, отъ Бишофсверды. Вскорѣ явилось передъ нами мѣстечко Штольпенъ, съ каменною стѣною крѣпости, передъ которымъ стояли непріятельскія колонны. Поляки отступали почти безъ выстрѣла; ихъ преслѣдовали 300 егерей, 200 Казаковъ, и мои два единорога, образуя всѣ вмѣстѣ двѣ цѣпи стрѣлковъ съ небольшими резервами, версты на полторы въ линію. Австрійцы, подкрѣплявшіе насъ, не трогались съ мѣста. Мы преслѣдовали Поляковъ по долинѣ, пересѣкаемой въ срединѣ ручьемъ и лѣсомъ, и когда значительно отдалились отъ Австрійцевъ, то Поляки, замѣтивъ нашу слабость, остановились, и стали тѣснить нашихъ стрѣлковъ, которыхъ скоро выгнали изъ средняго лѣса; тогда снова начали мы отступать до своей твердой позиціи. Мнѣ во весь день не удалось сдѣлать выстрѣла, потому что ружейная, пустая и почти безвредная перестрѣлка велась только въ передней цѣпи стрѣлковъ, а колонны вовсе не подходили на дистанцію пушечнаго выстрѣла. По окончаніи этой прогулки, я сталъ на биваки въ кавалерійскомъ резервѣ авангарда, между Казаками.

Здѣсь въ службѣ Австрійцевъ замѣтенъ былъ странный порядокъ: если два пѣхотинца шли съ котломъ за водою, то для

прикрытія ихъ ѣхалъ сзади одинъ Венгерецъ; если-же пѣшихъ шло болѣе десятка, то прикрывали ихъ по пяти Венгерцевъ.

Безъ шалаша и не разводя огня, среди ночи, укутанный въ шинель, я лежалъ на лафетѣ своего единорога, и сталъ засыпать, какъ вдругъ — тревога. Казаки кричали: «На коней! къ конямъ! держи! лови!» — Я вскочилъ, въ темнотѣ ночной слышалъ вокругъ себя только топотъ конскій, мелькающихъ сквозь бивачные огни лошадей, и суетящихся Казаковъ. Полагая, что непріятели сдѣлали на насъ ночное нападеніе, я думалъ уже видѣть скоро ихъ передъ собою; это меня весьма сокрушало и приводило въ недоумѣніе, какъ слышу опять приходятъ канонеры и говорятъ между собою: » Эки черти! прости Господи, только что напугали!» — Что это значитъ? — спросилъ я. — И куда вы разбѣжались во время тревоги? — «Пустая тревога, ваше благородіе! Венгерскія лошади испугались чего-то, сорвались съ коновязи, и прямо на насъ. Казаки встревожились, а мы думали, что проклятые Французы... Теперь не тревожьтесь; Казаки переловили всѣхъ лошадей — тото напасть!» — Я весьма былъ обрадованъ этимъ извѣстіемъ, которое разрушило страхъ мой, и вмѣсто того чтобы пе-

нять канонерамъ, смѣялся пустой тревогѣ.

Потомъ цѣлый день стояли мы на мѣстѣ безъ дѣйствія; только къ вечеру, въ передней цѣпи стрѣлковъ, немного постучались. Я сдѣлался боленъ, и во всю ночь простоналъ: то жаръ, то ознобъ; голова и грудь болѣли: скудная пища и дурная погода меня разстроили. Австрійцы отъ насъ ушли, и при Нейштатѣ остался одинъ 10-й Корпусъ.

3-го Сентября, съ 7 часовъ утра, авангардъ нашъ сталъ отступать съ позиціи, безъ всякаго натиска отъ непріятеля. Я съ своими единорогами поднялся на горку, и черезъ цѣпь стрѣлковую пустилъ нѣсколько гранатъ въ Поляковъ, но не могъ имъ вредить, потому что они дѣйствовали въ разсыпную, а колонны ихъ не приближались. Я-бы этихъ выстрѣловъ не сдѣлалъ, но ко мнѣ безпрестанно подъѣзжали разные командиры; каждый приказывалъ стрѣлять, то ядромъ, то картечью; мнѣ, какъ младшему, надлежало повиноваться. Одинъ Полковникъ С*** приказалъ мнѣ сойдти съ горки на дорогу, а другой, Казачій Полковникъ Щ***, сдѣлалъ мнѣ выговоръ, зачѣмъ я сошелъ. «Попробуйте-ка лучше, сказалъ онъ, попугать ихъ!» — Извольте, отвѣчалъ я, только уже не ста-

ну на гору, а пойду въ цѣпь стрѣлковъ; но вы защитите Казаками, если бросятся на меня уланы. — «Хорошо!» — Я взялъ сперва одинъ единорогъ, и подъѣхалъ къ цѣпи Казаковъ, за егерями, пустилъ гранату, отъ взрыва которой двое непріятельскихъ стрѣлковъ пали, и цѣпь ихъ стала отступать. — «Славно! пожалуста еще, сказалъ Полковникъ Щ***. — Я велѣлъ подъѣхать другому единорогу. Пущенная изъ него граната разорвалась надъ резервною колонною, которая съ замѣшательствомъ, вмѣстѣ съ цѣпью, стала уходить, и наши пошли опять впередъ. Такъ, иногда, ничтожный случай производитъ удачный оборотъ военнаго дѣйствія. Непріятели, полагая что мы форсируемъ съ умысломъ, стали отступать; но они держались еще на горѣ въ лѣсу, противъ нашего праваго фланга. Полковникъ Щ*** приказалъ мнѣ поспѣшить туда; покуда я пришелъ, Поляки вышли изъ лѣса, и нашъ авангардъ безъ артиллеріи преслѣдовалъ ихъ до самаго Штольпена. Къ ночи мы отошли опять на прежнее мѣсто.

Между тѣмъ мнѣ стало очень дурно; отъ болѣзни я насилу двигался при единорогахъ; каждый выстрѣлъ оглушалъ меня. Къ счастію, ввечеру пріѣхалъ Капитанъ Жемчужниковъ, котораго просилъ я, что-

бы меня смѣнили; вскорѣ послѣ того прислали на мое мѣсто Поручика Барона Шлиппенбаха, а я поѣхалъ въ Нейштатъ, на квартиру къ Подполковнику, гдѣ и пролежалъ въ лихорадкѣ шесть дней.

До 11-го числа Сентября мы спокойно жили въ Нейштатѣ, и какъ будто содержали непріятеля подъ Штольпеномъ въ блокадѣ. Я сталъ поправляться отъ болѣзни, и въ расположеніи духа занялся сочиненіемъ поэмы: *Лисъ Хитродулъ*, въ подражаніе Нѣмецкому сочиненію Гёте: *Reinecke Fuchs*.

Между тѣмъ Силезская армія подвинулась впередъ, и занимала слѣдующее пространство отъ праваго фланга: Баронъ Остенъ-Сакенъ стоялъ въ Маріенштернѣ, имѣя авангардъ близъ Каменца; Корпусы Графа Ланжерона и Іорка, составляя главную массу силъ, занимали твердую позицію передъ Бауценомъ, имѣя городъ позади себя; авангарды ихъ занимали Бурнау и Бишофсверду; Графъ Сенъ-При, съ своимъ Корпусомъ, находился въ с. Пуцкау, между Бишофсвердою и Нейкирхомъ; Генер. Капцевичъ въ Нейштатѣ, а Генер. Бубна, лѣвѣе насъ, въ Буркерсдорфѣ. Всего протяженія пространства, занимаемаго Силезскою арміею, было на 60 верстъ.

Французы, послѣ сраженія при Денневицѣ,

бѣжали въ Торгау; въ подкрѣпленіе имъ Наполеонъ выслалъ изъ Дрездена Короля Неаполитанскаго, который находился въ Гроссенгайнѣ. 7-го Сентября Прусскій Генералъ Тауенцинъ, преслѣдовавшій Французовъ до Торгау, находился въ Эльсперверде, 15 верстъ отъ Гроссенгайна. Слѣдовательно двѣ союзныя арміи, Блюхера и Кронпринца Шведскаго, почти сходились вмѣстѣ. 9-го Сентября Наполеонъ снова хотѣлъ напасть на Силезскую армію, и вышелъ изъ Дрездена съ помощью; 10-го двинулъ онъ свои войски на Бишофсверду, занятую авангардомъ Генерала Рудзевича. 11-го Французы жестоко тѣснили авангардъ нашъ, который велъ упорную перестрѣлку черезъ весь лѣсъ, простиравшійся отъ Бишофсверды къ Бауцену. Наполеонъ, увидѣвъ передъ Бауценомъ армію Блюхера въ твердой позиціи, и имѣя на лѣвомъ флангѣ у себя Корпусъ Барона Остенъ-Сакена, а на правомъ Графа Сенъ-При, не рѣшился сдѣлать нападенія.

Поляки, оживленные прибытіемъ Наполеона, прошедшаго за Бишофсверду, оттиснули насъ 11-го Сентября, заставивъ, почти безъ выстрѣла, отступить верстъ семь отъ Нейштата къ м. Ганшпахъ. Здѣсь узнали мы, что Французы, 4-го Сентября, снова были разбиты главною арміею Союзниковъ при Ноллендорфѣ; а 6-го Австрій-

скій Генералъ Шейтхеръ, въ тылу непріятеля за Дрезденомъ, истребилъ цѣлый баталіонъ. Такія извѣстія предвѣщали скорый матъ Наполеону.

На другой день мы опять перешли въ Нейштатъ, на прежнія квартиры. Это значило, что Наполеонъ опять возвратился въ Дрезденъ, и далъ намъ ходу. Слышно было, что Генералъ Бенингсенъ, съ 30,000 Рускихъ, изъ Герцогства Варшавскаго вступилъ въ Силезію для подкрѣпленія большой союзной арміи. Послѣ этого надлежало ожидать переворотовъ, ибо, до прибытія его, Союзники, уравномѣриваясь силами съ Наполеономъ, не могли предпринять ничего рѣшительнаго.

14-го Сентября изъ Нейштата перешли мы въ Пуцкау, гдѣ стоялъ Графъ Сенъ-При. Французы отступили къ Дрездену, и Генералъ Рудзевичъ съ авангардомъ находился уже въ Гольдбахѣ.

Наполеонъ, казалось, чувствовалъ непріятность своего положенія: потерявъ до 70,000 войска и 150 орудій артиллеріи, онъ былъ стѣсняемъ въ пространствѣ своей центробѣжной силы. Сверхъ того, значительно увеличивались побѣги въ его войскѣ, и недостатокъ продовольствія былъ ощутителенъ въ опустошенной странѣ, около Дрездена. Все это заставило его перемѣ-

нишь шеашръ военныхъ дѣйствій, и сблизишь къ себѣ разсѣянные осшашки разбишыхъ и резервныхъ Корпусовъ. Но чѣмъ болѣе желалъ онъ собсшвенно усилишься, чтобы удержашься на Эльбѣ, шѣмъ болѣе ослаблялъ свое сообщеніе съ Князьями Рейнскаго Союза и съ самою Франціею. Присоединивъ къ себѣ 16,000-й Корпусъ Генерала Ожеро, сшоявшій въ Вирцбургѣ, онъ далъ полную свободу Баваріи войдши прошивъ него въ общій союзъ Европейскихъ Державъ. Пришомъ, какъ ни сшарался онъ укрѣплять Дрезденъ, однако видѣлъ невозможносшь держашься въ немъ продолжишельно, не будучи въ сосшояніи нанесши чувсшвишельнаго удара Союзникамъ, кошорые уходили ошъ него шамъ, гдѣ онъ насшупалъ съ превосходными силами, и нападали на его слабѣйшія часши; разбивая ихъ, они болѣе ушомляли и сшѣсняли его въ ценшральномъ положеніи. Съ прибышіемъ Генерала Бенингсена, Союзники рѣшили новый планъ дѣйсшвій: опредѣлено было двумъ арміямъ, Блюхера и Кронпринца, соединишься на лѣвомъ флангѣ расположенія Французскихъ войскъ, въ Мерзебургѣ и Лейпцигѣ, между шѣмъ какъ главная армія сшанешъ шѣснишь правый флангъ непріяшеля на р. Заалу, и пресѣкашь ему пушь къ Эрфурту. По этому начершанію, Силезская армія прежде всѣхъ

стала приводить въ исполненіе планъ дѣйствій. Блюхеръ оставилъ въ Бауценѣ Корпусъ Князя Щербатова, въ Нейштатѣ Австрійскую дивизію Генерала Бубны, а самъ, съ прочими войсками потянулся, ниже Дрездена, къ Эльбѣ.

15-го Сентября, отъ Путцкау Корпусъ Генер. Капцевича прошелъ мимо развалинъ Бишофсверды, выжженной до основанія. Это напомнило мнѣ развалины Вязьмы, когда гнали Французовъ изъ Москвы. Здѣсь положеніе ихъ было почти такое-же: Наполеонъ, такъ-же сидя въ Дрезденѣ, угрожаемъ былъ въ тылу съ юга главною союзною арміею, какъ и въ Москвѣ Княземъ Кутузовымъ; отъ сѣвера Кронпринцъ гналъ его войски, какъ Графъ Витгенштейнъ отъ Полоцка; наконецъ, при Лейпцигѣ готовилась ему участь Березинской переправы. Мы прошли мѣст. Эльстеръ, и передъ Каменцемъ остановились для ночлега, сдѣлавши переходъ не менѣе 30 верстъ. За то вышли изъ горъ, гдѣ находились въ сырой атмосферѣ и отъ того часто хворали. Здѣсь мѣстоположеніе ровное; погода, не смотря на осень, была ясная; деревья пожелтѣли, но хлѣбъ съ полей въ иныхъ мѣстахъ еще лежалъ не убранный; фрукты въ садахъ поспѣли для нашего лакомства; но жителей мы не видали, а гдѣ и были они, то одни

старичишки, едва двигавшіеся отъ изнуренія. Авангардъ нашъ остановился верстахъ въ 15 передъ Кенигсбрюкомъ.

Въ слѣдующій день, отъ Камница соединенный Корпусъ Графа Ланжерона пошелъ черезъ лѣса по тяжелымъ пескамъ; къ вечеру, для привала, остановились мы у большаго мѣст. Отрандъ, и, отдохнувши тутъ часа четыре, ночью пришли къ мѣст. Гроссенгайнъ. Переходъ былъ весьма тяжелый, до 40 верстъ. Мы видимо спѣшили на переправу къ Эльбѣ. Здѣсь сошлись всѣ отдѣльные Корпусы Силезской арміи. Влѣво слышали мы перестрѣлку авангарда нашего съ Французами. Мюратъ изъ Гроссенгайна отступилъ къ Мейссену; за нимъ слѣдовалъ Генералъ Васильчиковъ съ авангардомъ Корпуса Барона Остенъ-Сакена.

На другой день, не доходя м. Эльстерверда 5 верстъ, стали на биваки; переходъ былъ не болѣе 10 верстъ. Тутъ провели и слѣдующій день.

Въ послѣдніе два дня Генер. Васильчиковъ подступалъ къ Мейссену, и атаковалъ мостовое укрѣпленіе для замаскированія дѣйствительнаго направленія Силезской арміи.

19-го Сентября опять сдѣлали большой переходъ, 35 верстъ, къ м. Герцбергу, до котораго не доходя 4 версты, стали на би-

ваки. Мѣста здѣсь лѣсистыя, песчаныя, и даже болотныя; хлѣбныхъ полей мало видно; жители въ домоводствѣ беднѣе тѣхъ, которые населяютъ Лаузицъ. Сверхъ того холодъ наступилъ осеннiй, такой-же какъ въ Россiи. Этотъ походъ былъ очень скученъ. Влѣво слышали канонаду при крѣпости Торгау, гдѣ Французы отстрѣливались отъ нашего авангарда.

На другой день назначено было намъ пройдти къ Iессену, съ милю не доходя Эльбы, а понтоны послали въ деревню Эльстеръ, для устроенiя переправы; но Французы помѣшали намъ, и мы прошли къ м. Швейницу. Пруссаки однако поставили на своемъ: они вступили съ Французами въ перестрѣлку, которая отъ вечера и до полуночи продолжалась съ равною жестокостiю съ обѣихъ сторонъ; за то наши построили на Эльбѣ два моста, за устьемъ р. Шварцъ-Эльстера.

21-го Сентября, съ 5 часовъ утра, войски стали переходить Эльбу. Генералъ Бертранъ, съ Корпусомъ Французовъ (18,000), пришелъ въ Вартенбургъ, ниже нашей переправы, и засѣлъ въ крѣпкой позицiи, оградившись ночью окопами, засѣками и рвами. Пруссаки, подъ начальствомъ Iорка, переправясь, тотчасъ напали съ стремленiемъ на Французовъ, и сраженiе возгорѣлось

упорное, продолжавшееся отъ самаго утра до двухъ часовъ пополудни. Ожесточеніе было равное съ обѣихъ сторонъ; Пруссаки каждую засѣку и завалъ брали штурмомъ, и были отражаемы штыками. Французамъ дѣлаетъ честь, что они съ малыми силами держались такъ долго противъ всей Силезской арміи. Наконецъ, когда Принцъ Карлъ Мекленбургскій, овладѣвши селеніемъ, обошелъ правый флангъ Французовъ, они должны были отретироваться къ Виттенбергу. Пруссаки въ этомъ дѣлѣ показали отличную храбрость, внушенную въ нихъ сильною ненавистію къ Французамъ; они отняли 12 пушекъ, 40 зарядныхъ фуръ, и взяли до 500 челов. въ плѣнъ.

Въ 9 часовъ утра мы тронулись съ биваковъ и, переправляясь чрезъ р. Эльбу, слышали сильную канонаду и ружейную стрѣльбу Пруссаковъ съ Французами. Хотя Эльба здѣсь приближается къ своему устью, однако она вдвое уже, нежели при Дрезденѣ; берега ея плоски, песчаны, покрыты лѣсомъ, и для боя весьма неудобны. Проходя черезъ мѣсто сраженія, мы видѣли около засѣкъ и насыпей много убитыхъ Пруссаковъ и Французовъ, на близкой дистанціи, въ штыковой схваткѣ. Уронъ съ обѣихъ сторонъ былъ значительный; Пруссаки потеряли до 2000 убитыми и ране-

ными. Отъ переправы прошли мы не более 7 верстъ, и для ночлега остановились у с. Вартенбергъ.

На другой день, въ часъ пополудни, пришли къ м. Кембергъ, 8 верстъ. Издали оно казалось значительнымъ, но внутри строенія были ветхи; одна только кирха возвышалась надъ всѣми зданіями.

Въ продолженіе всего похода отъ Бауцена до сюда, продовольствіе войскъ было весьма скудное. На биваки становили насъ версты за три отъ лѣса, такъ что солдаты отказывались отъ отраднаго огонька, отъ шалашей и кашицы, проводя холодныя ночи на голой землѣ съ одними сухарями, и то весьма умѣренно. Шедшіе впереди насъ Пруссаки пожирали все, что находили въ селеніяхъ.

Здѣсь стояли мы трое сутокъ. 23-го числа армія Кронпринца Шведскаго перешла Эльбу у Рослау; самъ онъ занялъ гор. Дессау, ниже Виттенберга, откуда Маршалъ Ней, съ 20,000 войска, отступилъ къ Лейпцигу. Пруссаки и главная квартира Блюхера заняли гор. Дибенъ.

25-го Сентября, въ 3 часа ночи, на 26-е число, велѣно было 9-му и 10-му Корпусамъ идти для подкрѣпленія Корпуса Барона Остенъ-Сакена въ Шмидебергъ. Сдѣлавъ переходъ 18 верстъ, мы заняли Дибенъ,

на р. Мульдѣ. Городъ былъ опустошенъ, однако мнѣ съ товарищемъ отвели квартиру на самомъ выѣздѣ, у Нѣмца-кожевника. Этотъ бѣднякъ жаловался, что Пруссаки обобрали весь городъ; въ счетъ контрибуціи отняли у жителей не только сукна, хлѣбъ и овесъ, но даже табакъ и пиво; а потому, для угощенія насъ, честныхъ людей Русскихъ, которымъ очень радъ, говорилъ онъ, не имѣетъ ни крошки хлѣба, и ни капли водки въ домѣ. Мы ему вѣрили, потому что по слѣдамъ Пруссаковъ никогда ничего не находили, чѣмъ-бы поживиться. Недостатокъ продовольствія день ото дня становился ощутительнѣе. Въ селеніяхъ и мѣстечкахъ, при которыхъ войски становились на биваки, домы занимали Генералы, или Пруссаки; для фуражированія отводили намъ въ сторонѣ, за нѣсколько верстъ, одно селеніе на весь Корпусъ Графа Ланжерона. Солдаты съ трудомъ могли добывать себѣ картофель, не имѣя сухарей, а для лошадей таскали солому, или немолоченную полбу и пшеницу. Блюхеръ берегъ предпочтительно своихъ Пруссаковъ; впрочемъ, онъ оказывалъ болѣе снисхожденія войскамъ Барона Остенъ-Сакена, по личному къ нему расположенію.

27-го Сентября, въ Дибенѣ войски наши расположились было дневать, и я шутилъ

надъ своимъ хлопотливымъ хозяиномъ, какъ вдругъ велѣно всѣмъ намъ скорѣе выбираться изъ города; но покуда съ квартиръ и съ фуражировокъ могли собрать людей, было уже три часа пополудни. Къ намъ безпрестанно присылались повторительныя приказанія поспѣшнѣе выходить изъ города; по улицамъ взадъ и впередъ всѣ бѣгали, скакали и ѣздили, какъ угорѣлые; наконецъ, только что успѣли мы съ товарищемъ выйдти изъ города, какъ услышали тамъ стрѣльбу. Французы едва не врасплохъ напали на насъ, стремительно ворвались въ городъ, и захватили только тѣхъ, которые не успѣли убраться; пожива была не велика. Баронъ Остенъ-Сакенъ, съ своимъ Корпусомъ, почти былъ отрѣзанъ отъ Дибена, и уже, окольною дорогою, переправясь черезъ Мульду, соединился съ войсками Блюхера; часть обоза его досталась Французамъ. Резервная артиллерія и полковые обозы спѣшили удалиться отъ города; для прикрытія ихъ были оставлены полки 10-го Корпуса съ 6-ю орудіями нашей роты, подъ командою Генерала Капцевича. Однако Французы насъ не преслѣдовали, и мы, отошедъ 15-ть верстъ, ночевали при д. Пухъ.

Причиною такой тревоги было приближеніе самого Наполеона съ войсками. Узнавъ,

что Блюхеръ съ Силезскою арміею пошелъ для соединенія на Эльбѣ съ войсками Кронпринца, онъ пробудился изъ своей летаргіи, оставилъ въ Дрезденѣ 35,000-й Корпусъ подъ командою Сенъ-Сира, а въ Фрейбергѣ, для наблюденія большой союзной арміи, Мюрата съ тремя Корпусами; самъ-же, взявъ остальныя войски, пошелъ для пресѣченія сообщенія арміи Блюхера съ Кронпринцемъ. 27 Сентября онъ былъ въ Эйленбургѣ, гдѣ собралось къ нему до 125,000 войска. Блюхеръ, получивъ довольно поздно извѣстіе о движеніи Наполеона, едва не былъ имъ захваченъ врасплохъ; ибо всѣ Прусскіе полки, и частію Русскіе, были размѣщены по квартирамъ въ деревняхъ, около Дибена. Ближайшіе къ главной квартирѣ Блюхера Корпусы были: Графа Ланжерона и Генерала Іорка; Корпусъ Барона Остенъ-Сакена стоялъ въ Мокренахъ, по дорогѣ отъ Эйленбурга въ Торгау. Искуснымъ и быстрымъ движеніемъ всѣхъ войскъ Силезской арміи, Блюхеръ скоро выскользнулъ изъ угрожавшей ему опасности.

Съ 2-хъ часовъ пополуночи, на 29-е число, подняли меня для занятія мѣстъ подъ артиллерію. Я весь остатокъ ночи объѣзжалъ около биваковъ 9-го, 10-го Корпусовъ, и Прусскихъ; потомъ проѣхалъ чрезъ м. Гесницъ, и на разсвѣтѣ дня поспѣлъ въ Ра-

гунь, куда съѣзжались всѣ квартиргеры, посланные впередъ. Тутъ съ Оберъ-Квартирмейстеромъ, Подполковникомъ Маркевичемъ, всѣ мы, до 10-ти часовъ утра, отыскивали Корпуснаго Оберъ-Квартирмейстера, Полковника Икскуля, и покуда мы его искали, часть нашего Корпуса уже пришла въ Гесницъ, около котораго, до назначенія позиціи, всѣ войски расположились варить каши. Десять орудій нашей роты поставили на плоскомъ берегу р. Мульды, надъ самою водою, для защиты переправы арріергарда черезъ мостъ, наведенный ночью; когда-же узнали, что Наполеонъ не намѣренъ былъ насъ преслѣдовать, тогда для ночлега отошли къ м. Цобригъ, сдѣлавъ переходъ 25 верстъ. Тогда мы очутились на пути къ рѣкѣ Заалѣ. Мѣстоположеніе между рѣками Мульдой и Заалой ровное, поля открытыя; частыя деревни и рощи означали страну трудолюбія и плодородія. Во время перехода встрѣчалось намъ множество зайцевъ, по которымъ безпрестанно была травля для увеселенія проходящихъ войскъ.

Главныя силы Наполеона прошли къ Виттенбергу и Дессау, черезъ Эльбу. Ему предстоялъ открытый путь къ Магдебургу, или къ Берлину. Если-бы онъ продолжалъ свое движеніе, то арміи Блюхера и Кронпринца были-бы отрѣзаны отъ боль-

шой союзной арміи, и разобщены между собою; тогда онъ могъ-бы обратиться съ превосходными силами на каждаго отдѣльно; но оставшись въ Дибенѣ, и не предпринимая ничего рѣшительнаго, кромѣ сосредоточенія войскъ къ Лейпцигу, Наполеонъ позволилъ Блюхеру и Кронпринцу соединить свои войски, и составить армію во 110,000 человѣкъ. Мы при Цобригѣ увидѣли Шведовъ, въ кожаныхъ каскахъ съ черными султанчиками, какія, при Екатеринѣ II-й, носили наши будочники; видѣли также Пруссаковъ Корпуса Бюлова.

29-го Сентября отъ Цобрига прошли, мимо горы Петерсбергъ, къ славному своимъ Университетомъ городу Галле. Версты за двѣ до горы переходили черезъ густой лѣсъ, зз которымъ вдругъ открылась передъ нами прекрасная долина. Я взъѣхалъ на Петрову гору, и любовался видами, которые простирались далеко: Эльба казалась голубою лентою; на ней города Виттенбергъ и Торгау видны были на подобіе темныхъ пятенъ, какъ и Лейпцигъ, въ сторонѣ. На вершинѣ горы нѣтъ никакого памятника; за то было множество камней, съ разными на нихъ надписями путешественниковъ. Наконецъ, черезъ аллею большой дороги, мы подошли къ городу Галле, и долго стояли на мѣстѣ. Пѣхота перео-

дѣвалась для церемоніяльнаго шествія; говорили, что Кронпринцъ Шведскій будетъ смотрѣть насъ.

Галле строеніями похожъ на Дрезденъ, только обширностію въ половину менѣе; на площади возвышается соборъ съ двумя длинными шпицами; домы, старинной архитектуры, высокіе, иные въ шесть этажей. Когда войски стали проходить по улицамъ съ музыкою и барабаннымъ боемъ, то изъ оконъ выглядывали прекрасныя головки: онѣ смотрѣли на насъ съ удовольствіемъ, подвергаясь простудѣ отъ сильнаго вѣтра. По улицамъ жители бѣгали взадъ и впередъ съ большою заботою: конечно собирали контрибуцію для Пруссаковъ. Мальчишки и бабы стекались толпами въ переулкахъ, и глазѣли на насъ съ дурацкимъ любопытствомъ. Мы перешли черезъ р. Заалу по мосту, и остановились за городомъ въ 7 верстахъ.

Нѣсколько дней мы оставались на мѣстѣ. Галле веселый городъ. Кто имѣлъ деньги, тотъ вволю нагулялся. Все было дешево, да не у всякаго были деньги; а безъ денегъ и радость не въ радость. Я, не выходя изъ своего бивачнаго шалаша, могъ только замѣтить, что въ осеннее время окрестности Галле весьма пріятны; фруктовъ много — и много фигляровъ, которые прихо-

дили въ биваки пѣть, плясать и коверкаться, чтобы выманить себѣ нѣсколько грошей. Въ числѣ такихъ приходилъ одинъ мальчикъ, который пропѣлъ намъ замысловатую и насмѣшливую пѣсню.

3-го Октября, передъ вечеромъ, тронулись мы съ мѣста, и мимо Галле, который оставался вправо, пошли по Лейпцигской дорогѣ. Блюхеръ, съ Пруссаками, сталъ для ночлега при Шкейдицѣ, а мы при д. Бернекъ, въ 15 верстахъ отъ Лейпцига.

Между Галле и Лейпцигомъ деревни очень хорошо обстроены; каждая уподобляется мѣстечку съ загородными дачами. Въ окрестностяхъ Лейпцига дубовыя рощи; поля всѣ обработаны; нѣтъ клочка земли выгоннаго, или выбитаго скотомъ, и безполезнаго. Трудолюбіе поселянъ и благоденствіе видны на каждомъ шагу. Не смотря на осень, погода была сухая, и для военныхъ дѣйствій благопріятная.

ГЛАВА IX.

БИТВА ПРИ ЛЕЙПЦИГѢ.

Приближеніе къ Лейпцигу. — Сраженіе при Ветерницѣ. — Успѣхи Наполеона. — Спокойствіе. — Общая битва. — Сраженіе при Шенфельдѣ. — Стойкость Французовъ. — Взятіе Лейпцига. — Бѣдственныя послѣдствія.

3-го Октября, Наполеонъ, съ Королемъ Саксонскимъ и Гвардіею, вступилъ въ Лейпцигъ; прочія войски его занимали всѣ окрестности города, верстахъ въ семи. Главная армія Союзниковъ сближалась съ Блюхеромъ и Кронпринцемъ Шведскимъ. Къ сѣверу отъ Лейпцига, противу насъ, выставленъ былъ Корпусъ Мармона и кавалерія Арриги.

На другой день, въ 9 часовъ утра, войски, подъ начальствомъ Графа Ланжерона, построились въ наступательный боевой порядокъ: въ первой линіи находились полки 10 Корпуса, свернутые въ дивизіонныя колонны, между которыми, въ промежуткахъ и на

флангахъ, поставлено было по три легкихъ орудія; во второй линіи, въ такомъ-же порядкѣ, находились полки 9-го Корпуса; въ третьей линіи тяжелая артиллерія, подъ прикрытіемъ полковъ 8-го Корпуса, изъ котораго часть, съ егерскими полками и кавалеріею Генер. Корфа, находилась въ авангардѣ, подъ начальствомъ Генер. Рудзевича. Вагенбургъ оставленъ былъ въ с. Бернекъ. Въ такомъ порядкѣ, грозною массою, тысячь около тридцати, Корпусъ Графа Ланжерона отдѣльно прошелъ семь верстъ, мимо с. Радефельдъ, до Брейтенфельда, занятаго непріятельскими аванпостами. Пруссаки, подъ начальствомъ Іорка, прежде насъ вышли изъ Шкейдица, и когда мы подходили къ Брейтенфельду, они уже находились въ жаркой сшибкѣ съ Французами при д. Мёкернъ, на р. Плейсѣ, въ трехъ верстахъ отъ города; а потому вправо отъ себя, на пути, мы слышали сильную канонаду. Наконецъ Лейпцигъ былъ у насъ въ виду, и передъ нимъ непріятельскія колонны.

Въ часъ пополудни, при д. Ветерницѣ, началась и у насъ работа. Авангардъ Рудзевича встрѣтилъ сильное сопротивленіе; однако пѣхота наша заняла всѣ строенія по сю сторону рѣчки, и батареи, выстроившись по сторонамъ деревни, начали свою

игру. Непріятельскія батареи засыпали нашу артиллерію ядрами; подъ прикрытіемъ этого огня четыре колонны Французской пѣхоты, взявъ ружья подъ курокъ, шли въ добромъ порядкѣ къ деревнѣ, съ примѣрнымъ хладнокровіемъ и не производя выстрѣла. Столь грозное движеніе заставило нашихъ стрѣлковъ отступить, и когда Французы съ крикомъ бросились въ деревню на штыки, наша пѣхота уступила превосходству этого стремленія и отбѣжала до самыхъ крайнихъ домовъ; отсюда, будучи подкрѣплена свѣжими батальонами, пустила градъ пуль, которыя, вмѣстѣ съ картечью нашихъ боковыхъ батарей, заставили Французовъ снова отступить; однако они держались въ строеніяхъ по ту сторону рѣчки, и вели съ нашими сильную перестрѣлку. Наконецъ пущенъ былъ въ деревню Староингерманландскій полкъ, который, сдѣлавъ залпъ, бросился на штыки и выгналъ Французовъ изъ послѣднихъ домовъ. Въ это время, для прикрытія полка, послали меня, съ 6-ю орудіями, на правую сторону деревни, для смѣны бывшей тамъ разбитой артиллеріи. Ставъ на мѣсто, я не отвѣчалъ на слабые выстрѣлы непріятельской батареи, но обратилъ свои орудія противъ бѣгущихъ изъ деревни Французовъ, въ которыхъ успѣлъ

бросить нѣсколько гранатъ и ядеръ. Непріятель, будучи обойденъ съ праваго фланга своего нашими войсками, отступилъ, и мнѣ съ пушками велѣно было перейдти на лѣвую сторону деревни, гдѣ я остался, съ прекращеніемъ дѣйствія, до вечера. Въ пѣхотѣ и артиллеріи нашей, при первой встрѣчѣ съ Французами, было довольно урона.

Пруссаки, на правомъ флангѣ, сильнѣе насъ напирали и болѣе выиграли: они выгнали Французовъ изъ д. Мёкернъ, причемъ кавалерія ихъ довольно порубила бѣгущихъ и, вмѣстѣ съ пѣхотою, отняла 18 пушекъ; до 2000 досталось имъ плѣнныхъ. Очевидно, что Французы съ этой стороны были слабы; ихъ 20,000 не могли держаться противъ 60,000-й Силезской арміи. Маршалъ Ней, предводительствовавшій здѣсь, отправилъ часть войскъ своихъ къ Наполеону, по ту сторону города, не ожидая отъ насъ сильнаго нападенія, и тѣмъ себя чрезвычайно ослабилъ. Къ вечеру, правда, возвратилось къ нему подкрѣпленіе, но уже поздно, ибо ранѣе пяти часовъ пополудни Пруссаки и мы стали въ отнятой позиціи.

За то, въ этотъ день, Наполеонъ имѣлъ порядочный успѣхъ противъ большой союзной арміи, напавшей на него со стороны

Люцена и Альтенбурга. Онъ твердо держался въ м. Вахау и Либертвольквицѣ; первое было атаковано Корпусомъ Графа Витгенштейна, а второе Австрійцами, подъ командою Генер. Кленау. Шесть разъ Руские приступали къ Вахау, и были сильно отражаемы. Только на правомъ флангѣ своемъ Французы сильно потерпѣли отъ Пруссаковъ Корпуса Генер. Клейста, который овладѣлъ д. Маркклеебергомъ, взялъ 5 пушекъ и разстроилъ шедшія противъ него колонны. Въ Либертвольквицѣ Лористонъ сбилъ Австрійцевъ, а Макдональдъ, обошедши правый флангъ ихъ, заставилъ отступить. Здѣсь Наполеонъ могъ-бы нанести большой вредъ Союзникамъ, особенно Корпусамъ Кленау и Клейста. Но судьбою не было такъ опредѣлено, и Фортуна только слегка улыбнулась, въ послѣдній разъ, Наполеону, когда онъ пустилъ свою гвардію и кавалерію въ центръ союзной арміи; Русскій Корпусъ Принца Евгенія не могъ противустоять стремленію Корпуса Маршала Виктора съ дивизіею гвардіи, которая подъ огнемъ 60 орудій выступила изъ Вахау. Руские отступили къ линіи гренадеровъ, занимавшихъ, подъ начальствомъ Генер. Раевскаго, Ауенгеймъ и Госсу. Наполеонъ, въ ожиданіи успѣха, пустилъ двѣ сильныя массы кавалеріи:

одну въ 6000, подъ начальствомъ Келлермана, противъ лѣваго фланга къ Гребсрну, а другую въ 4,000, подъ начальствомъ Мюрата, на Госсу. Первая сбила нашихъ кирасировъ, но была опрокинута подоспѣвшею на помощь изъ-за Плейссы кавалеріею Графа Ностица; вторая, не смотря на мужественное сопротивленіе нашихъ гренадеровъ, врубилась въ ряды ихъ. Опасность была очевидна, тѣмъ болѣе, что самъ Императоръ нашъ тутъ-же находился. Уже Французскіе кирасиры схватили двѣ роты нашей гвардейской артиллеріи, погнали гвардейскихъ улановъ и гусаровъ; уже стоило имъ только перескочить небольшой ручей, чтобы совершенно проникнуть до тыла, какъ вдругъ самъ Императоръ Александръ, презирая всю опасность, встрѣтилъ торжествующихъ непріятелей собственною свитою, Лейбъ-Гвардейскимъ Казачьимъ полкомъ, подъ начальствомъ Орлова-Денисова, который ударилъ на Французовъ, прогналъ передовыхъ, и отнялъ гвардейскую артиллерію нашу. Тогда все обратилось на непріятелей, которые были прогнаны, и порядокъ возстановленъ. Въ 5 часовъ, передъ вечеромъ, Наполеонъ снова пустилъ сильныя колонны пѣхоты къ д. Госсѣ, но 80 орудій нашей гвардейской артиллеріи, при содѣйствіи гренадеровъ и

Пруссаковъ, не позволили имъ тамъ удержаться. И такъ Наполеонъ не имѣлъ тутъ совершенной удачи, однако ему надлежало быть довольну этимъ днемъ: ввечеру Поляки привели къ нему баталіонъ плѣнныхъ Австрійцевъ, и Корпуснаго Начальника ихъ Меерфельда.

Этимъ кончилась первая встрѣча союзныхъ войскъ съ Французами подъ Лейпцигомъ. Силезская армія болѣе всѣхъ выиграла: встрѣтивъ слабѣйшее сопротивленіе, она могла потѣснить непріятелей къ самому городу. Напротивъ, большая союзная армія, будучи раздѣлена рѣками, не могла совокупно дѣйствовать, и, уступая превосходнымъ силамъ Наполеона, отдалилась верстъ на десять отъ города. Урона съ обѣихъ сторонъ въ этотъ день полагали до 30,000 убитыми и ранеными: артиллерія дѣйствовала ужасно. Это была первая репетиція предстоявшей трагедіи.

5-го Октября, противъ насъ, у д. Ветерницы, по утру явилось множество кавалеріи, красныхъ и синихъ гусаровъ дивизіи Генер. Арриги, при которыхъ въ линіи стояли колонны пѣхоты Корпуса Сугама. Съ нашей стороны выставили за Ветерницу батарейную роту артиллеріи, и полки 10-го Корпуса; на лѣвомъ флангѣ у насъ стояла кавалерія. Ни мы, ни Фран-

цузы болѣе часа не трогались съ мѣста, въ ожиданіи кто первый начнетъ. Изъ нашей роты посланы были въ дѣйствіе только три орудія, съ Капитаномъ Жемчужниковымъ, а прочія оставались въ резервѣ. Находясь безъ дѣла, я всегда любилъ выѣзжать впередъ для военныхъ наблюденій. Выѣхавши за деревню съ лѣвой стороны, я увидѣлъ, что непріятельская кавалерія и колонны пѣхоты стали приближаться къ намъ, подъ прикрытіемъ своихъ батарей; тогда наши войски, уклонясь отъ столь грозныхъ силъ, стали отступать всею линіею за Ветерницу; одна кавалерія оставалась на мѣстѣ. Французы вошли въ селеніе; ядра ихъ стали уже долетать до резерва и бить нашу артиллерію. Вспомнивъ Бородино, и опасаясь, чтобъ и здѣсь чего-либо не случилось со мною подобнаго, въ бездѣйствіи, я поѣхалъ къ кавалеріи отыскивать какого-либо Генерала, чтобы испросить у него мѣста поставить свою батарею. Я не встрѣтилъ никого, однако замѣтивъ, что наша кавалерія тронулась въ атаку на непріятельскую, поскакалъ назадъ и остановилъ самъ собою два орудія батарейныя. Показавши офицеру мѣсто на пригоркѣ, гдѣ онъ тотчасъ сталъ и началъ дѣйствовать, я поѣхалъ къ своей ротѣ, чтобы взять еще 4 орудія. Между

тѣмъ войски перестали отступать, потому что кавалерія наша, опрокинувъ непріятельскую, заставила обратиться за нею всю пѣхоту нашу. Линія войскъ двинулась опять впередъ, и дѣло кончилось ничѣмъ. Французы отступили почти къ самому городу, а мы не смѣли идти далѣе, потому что противъ лѣваго фланга нашего, по рѣчкѣ Пардѣ, стояли грозныя массы непріятеля.

Въ большой дѣйствующей арміи Союзниковъ, по ту сторону города, во весь день было спокойно. Князь Шварценбергъ съ Австрійцами перешелъ на правую сторону р. Плейссы. Генералъ Бенингсенъ и Кронпринцъ Шведскій, съ своими арміями, подошли къ сѣверо-восточной части города, еще не занятой Союзниками и гдѣ у непріятеля былъ интервалъ. Тогда Наполеонъ, окруженный со всѣхъ сторонъ, принужденъ былъ стянуть свои войски ближе къ городу на четыре версты: онъ расположилъ ихъ въ боевой порядокъ, упершись правымъ флангомъ въ р. Плейссу, при Конневицѣ, и находясь центромъ въ Пробстгейдѣ и Гольцгаузенѣ. Корпусъ Лористона въ Штетерицѣ служилъ связью между большою его арміею и отдѣленіемъ Маршала Нея, расположеннымъ отъ Паунсдорфа до Шёнфельда и по рѣчкѣ Пардѣ до Галльска-

го предмѣстія. Посему въ лѣвомъ флангѣ Наполеонъ былъ весьма стѣсненъ; этотъ флангъ отъ праваго въ прямомъ разстояніи находился на пять верстъ, а вся боевая линія вокругъ города, занимаемая его войсками, простиралась на 12 верстъ. Союзники должны были охватить Наполеона войсками болѣе нежели на 20 верстъ, не включая его тыла, прикрытаго рѣками Плейссою и Эльстеромъ. Отъ Лейпцига, въ тылу Наполеона, была одна дорога, черезъ разливы означенныхъ рѣкъ, черезъ болотистые луга, по плотинѣ и худымъ мостикамъ, составлявшая дефиле на три версты; на концѣ ея, по ту сторону Эльстера, находится д. Линденау, которую Французы едва не потеряли 4-го числа. Маршалъ Бертранъ уже позволилъ Австрійцамъ занять деревню съ рѣки Эльстера, и если-бы Австрійцы догадались разрушить тутъ мостъ, то Наполеонъ сѣлъ-бы какъ въ западнѣ; но у нихъ опять отняли этотъ важный пунктъ. Наполеонъ, кажется, имѣлъ отчаянное намѣреніе: или защищаться до послѣдней крайности, надѣясь на храбрость своихъ войскъ, или быть въ конецъ разбитымъ, и потому не далъ себѣ простора въ тылу, для спасенія. Впрочемъ, онъ столь хорошо расположилъ свои войски, что его нигдѣ не льзя было о-

бойдши превосходными силами. Будучи гораздо слабѣе Союзниковъ, онъ могъ прорваться въ которую-либо сторону, употребивъ свой резервъ, находившійся въ центрѣ, между тѣмъ какъ Союзники не могли напасть на него въ одномъ мѣстѣ большою массою, не разстроивши тѣмъ своей циркумференціи.

Здѣсь Наполеонъ въ послѣдній разъ стоялъ на вершинѣ своего воинскаго счастія, на послѣдней ступени честолюбія и владычества. Еще свобода всей Европы находилась въ сомнительномъ положеніи. Не смотря на колеблющіяся силы свои, Наполеонъ, какъ страшный завоеватель, еще готовъ былъ поразить не столько соперниковъ своей славы, какъ возмутившіеся народы. Казалось, наступило предрекаемое время, когда братъ долженъ возстать на брата, свой на своего, ибо въ рядахъ Наполеонова войска находились Саксонцы, Поляки, Баварцы, Виртембергцы, Баденцы, сражавшіеся противу своихъ соотечественниковъ. Онъ имѣлъ въ дѣйствіи только 134,000 пѣхоты, 23,000 кавалеріи; напротивъ, Союзники выставили Рускихъ 125,000, Австрійцевъ 58,000, Пруссаковъ 95,000 и Шведовъ 20,000; всего 298,000. Слѣдовательно Россія болѣе всѣхъ участвовала въ борьбѣ за свободу Германіи, и она, или представитель ея, Импе-

раторъ Александръ, по всей справедливости есть освободитель Европы. Уважая великое превосходство образованныхъ войскъ надъ своими, Наполеонъ долженъ былъ избрать сосредоточенную позицію при Лейпцигѣ, и показалъ тѣмъ новое правило въ Военномъ Искуствѣ: защищаться съ выгодою слабому противу сильныхъ враговъ. Онъ надѣялся еще восторжествовать, полагаясь на храбрость своихъ войскъ, на силу собственнаго генія, но обманулся и принужденъ былъ ретироваться. Недостатокъ въ огнестрѣльныхъ снарядахъ, и взорваніе Лейпцигскаго моста, какъ случайныя обстоятельства, подвергли дальнѣйшимъ бѣдствіямъ его армію. Сколько великъ былъ для насъ, Рускихъ, день Бородинской битвы, столько этотъ день былъ важенъ для Германцевъ. Въ случаѣ неудачи мы-бы могли отступить къ Польшѣ и прикрыть свои границы, но Австрійцы, и особенно Пруссаки, по близости Берлина, подвергались крайней опасности, а потому они приготовились къ битвѣ слѣдующаго дня съ такимъ-же патріотическимъ самоотверженіемъ, какъ и Руские предъ Бородинскою битвою.

6-е Октября былъ день важнаго событія въ лѣтописяхъ Европы! день искупленія народной свободы всей Германіи! день уничиженія для Наполеона! день новыхъ

бѣдствій для Французовъ! день битвы полумилліона людей почти всѣхъ націй Европы и частію Азіи!

Съ разсвѣтомъ дня началась канонада въ большой союзной арміи. На нашей сторонѣ, Корпусы Генер. Іорка и Барона Остенъ-Сакена оставались на правомъ берегу р. Парды; они подступили только къ Галльскому предмѣстью, гдѣ Французы твердо держались. Корпусу Графа Ланжерона назначено было соединиться съ Шведами. Потери непріятеля начались тѣмъ, что передъ д. Таухою сдался Шведамъ цѣлый баталіонъ Саксонцевъ. 8-й Корпусъ нашъ отъ Ветерницы пошелъ на д. Нейчь и Моккау, 9-й пошелъ на Плезенъ черезъ р. Парду, а 10-й вправо къ Плауссигу. По этому пути передъ нами не было непріятеля, и мы, выше деревни, перешли рѣчку въ бродъ благополучно. У дер. Поршицъ встрѣтили Шведовъ, стоявшихъ въ боевой позиціи; передъ нами находились Казаки. Мимо насъ проскакалъ Кронпринцъ Шведскій со свитою, и Рускіе крикнули ему ура! въ знакъ поздравленія, что поступили въ его команду.

Только что колонны и батареи наши выстроились для наступательнаго дѣйствія, какъ Донскіе Казаки, длиннымъ строемъ впереди, крикнувъ ура! бросились въ

атаку, и вдругъ—позади ихъ явились скачущіе на насъ Саксонскіе гусары; мы встревожились было, но намъ приказано не стрѣлять въ нихъ, потому что они тотчасъ повернулись лицомъ къ Французамъ, и стали въ линію за нашими Казаками, которые, проскакавши черезъ нихъ, остановились. Это была мастерская штука! Два полка синихъ Саксонскихъ гусаровъ, находившіеся подъ командою Ренье, занимавшаго высоту Гейтерблика, согласились передаться къ намъ, и видно уже напередъ условились, какъ это сдѣлать: они пошли въ атаку на Казаковъ, а Казаки на нихъ, оставивъ интервалы между своими рядами, ударили, и одни сквозь другихъ проскочили! Ренье съ остаткомъ Французовъ долженъ былъ отойдти къ Паунсдорфу, но и тутъ цѣлая дивизія Саксонцевъ, состоявшая изъ семи баталь оновъ пѣхоты и трехъ ротъ артиллеріи, подъ начальствомъ Генерала Рюсселя, перешла на нашу сторону, и тотчасъ обратилась на Французовъ. Французскіе кирасиры хотѣли наказать Саксонцевъ, но Казаки наши ихъ защитили. Одинъ только Генер. Цешенъ съ 500 Саксонскихъ кирасировъ остался вѣрнымъ Наполеону.—Мы удивлялись, и едва могли вѣрить, чтобы генералы, офицеры и солдаты рѣшились на

шакой поступокъ среди самаго сраженія. Рѣдкій примѣръ въ Исторіи! Впрочемъ, мы были довольны этимъ происшествіемъ, потому что Саксонцы намъ очень много помогли; съ ними тотчасъ подступили мы Лейпцигу.

Маршалъ Ней, державшійся на р. Пардѣ, увидѣвъ отступленіе Генерала Ренье отъ Паунсдорфа, самъ уступилъ войскамъ Графа Ланжерона деревни Нейчь и Моккау, и утвердился въ позиціи отъ Шёнфельда до Зеллерсгаузена. Кронпринцъ Шведскій, съ Прусскимъ Корпусомъ Бюлова и съ перебѣжавшими Саксонцами, могъ-бы черезъ д. Рейдницъ ворваться даже въ Лейпцигъ, если-бы Наполеонъ, узнавши о перебѣжаніи 8,000 Саксонцевъ и Виртембергцевъ, и объ угрожавшей ему опасности съ этой стороны, не поспѣшилъ лично самъ съ Корпусомъ кирасировъ и конныхъ гренадеровъ, и не возстановилъ порядка, удержавъ стремленіе Кронпринца, который, встрѣтившись съ прежнимъ своимъ властителемъ, конечно почувствовалъ силу его генія, и—смирился. Однако, когда Наполеонъ отъѣхалъ, приказавъ Генералу Нансути войти въ интервалъ между Шведскою и Бенингсеновою арміями, Кронпринцъ, по недостатку въ артиллеріи, упросилъ перебѣжавшую Саксонскую батарею о 26 о-

рудіяхъ обратиться отъ Паунсдорфа на Французовъ, за которыхъ еще въ то-же утро она стрѣляла. Здѣсь въ первый разъ были употреблены на сушѣ Англійскія Конгревовы ракеты, и самъ Капитанъ роты убитъ обратившеюся назадъ ракетою.

Десятый Корпусъ Генер. Капцевича, построившись въ боевыя колонны по-баталіонно, пошелъ впередъ, и остановился противъ д. Шёнфельда; 9-й Корпусъ находился во второй линіи, а лѣвѣе насъ стояли Шведы, Саксонцы и Пруссаки, примыкавшіе къ Паунсдорфу. Боевая линія наша простиралась не болѣе какъ на три версты, а потому войски Кронпринца, съ войсками Графа Ланжерона, могли дѣйствовать совокупно. Вправо отъ насъ, за р. Пардою, продолжалась съ утра сильная канонада: Баронъ Остенъ-Сакенъ съ твердостью подступалъ къ предмѣстію города. Когда мы подходили къ Шёнфельду, то деревня Мокау, по ту сторону рѣчки, горѣла: этимъ пожаромъ Французы задержали нѣсколько наши войски. Въ Шёнфельдѣ пѣхота Корпуса Мармона держалась чрезвычайно упорно. Эта деревня не представляла намъ фронта болѣе ста сажень, но своею каменною оградою способствовала непріятельской защитѣ. Всѣ строенія въ ней были каменныя, двуэтажныя; къ полю, влѣво,

отдѣлялась небольшая четыреугольная ограда кладбища ; по ней и по всей стѣнѣ сидѣло множество Французовъ, которые нашихъ стрѣлковъ засыпали пулями и не давали имъ подступить. Генералъ Капцевичъ приказалъ двѣнадцати орудіямъ батарейной роты Капитана Фрейтага стать противъ селенія, на близкую дистанцію, упершись правымъ флангомъ къ рѣчкѣ, и бросать брандскугели, чтобы зажечь строенія, а по оградѣ бить картечью. Деревня загорѣлась во многихъ мѣстахъ, но сбить непріятельскихъ стрѣлковъ изъ-за стѣны и изъ-за домовъ, гдѣ, засѣвши, они стрѣляли сквозь бойницы, было невозможно. Тогда Генералъ Капцевичъ приказалъ, чтобы нашей роты шесть орудій, съ Капитаномъ Жемчужниковымъ, двинулись по дорогѣ въ самую деревню, и вмѣстѣ съ пѣхотою ударили на проломъ. Жемчужниковъ съ пушками сталъ на близкій ружейный выстрѣлъ, и сдѣлалъ почти залпъ картечью въ деревню, а пѣхота, съ крикомъ ура! бросилась на штыки, вскочила на стѣну и въ улицы; но вдругъ, подкрѣпленные свѣжими силами, Французы пустили въ нихъ градъ пуль, бросились то-же съ крикомъ на штыки, и отбились. Жемчужниковъ, потерявъ нѣсколько канонеровъ убитыми и ранеными, отошелъ на дистанцію къ батарейной

артиллеріи, и сталъ дѣйствовать ядрами и гранатами. Въ этой сшибкѣ подъ Генераломъ Капцевичемъ убито двѣ лошади, потому что этотъ Генералъ, извѣстный своею храбростію, ѣздилъ, для примѣра солдатамъ, самъ подъ пулями, въ переднихъ рядахъ. Испытавши, что прямо съ фронта, даже подъ огнемъ 18 орудій, нельзя было овладѣть деревнею, онъ (въ 2 часа по полудни) подозвалъ меня, и приказалъ мнѣ съ другими 6-ю орудіями стать, также по лѣвую сторону дороги, сколько можно ближе къ деревнѣ. Я поставилъ свою полубатарею на мѣстѣ Французскихъ биваковъ, и, прикрываясь шалашами, постепенно приближался, такъ что могъ бить вдоль ограды и противъ себя по кладбищу. Непріятельская батарея за деревнею Шёнфельдъ, отъ мѣльницъ, тотчасъ обратила на меня огонь свой, но я, не уважая ни ея, ни пуль, которыми осыпали мою полубатарею и ранили канонеровъ, выдвинулъ три фланговыхъ орудія лѣвымъ плечомъ впередъ, и сталъ ядрами рикошетировать вдоль стѣны или ограды, а другими тремя бить картечью по кладбищу. Нѣсколькими выстрѣлами удалось мнѣ выбить Французовъ изъ этого убѣжища; тогда, подвинувшись еще впередъ лѣвымъ флангомъ полубатареи, я сталъ всѣми шестью об-

стрѣливать вдоль передній фасъ непріятеля, засѣвшаго за оградою. Ко мнѣ слѣва еще подъѣхали 6 орудій Подполковника Волевача. Наше дѣйствіе было рѣшительно. Тотчасъ двѣ колонны нашей пѣхоты, перебѣжавъ черезъ мою батарею и черезъ кладбище, бросились въ деревню, пустили градъ пуль, и пошли на штыки. Тогда Шёнфельдъ была въ нашихъ рукахъ, и войски двинулись впередъ. Утомившись до крайности и потерявъ нѣсколько человѣкъ канонеровъ, я однако не хотѣлъ оставаться на мѣстѣ; видѣлъ, что всѣ идутъ впередъ, а потому и самъ взялъ два орудія на отвозы, и мимо деревни пошелъ на ту сторону. Передо мною открылась каштановая аллея, которая вела къ мѣльницѣ и закрывала непріятелей передъ самымъ городомъ; ружейный и пушечный дымъ затмѣвалъ сражающихся. Смерть невидимо носилась и похищала храбрыхъ. Тутъ наши егери вели сильную перестрѣлку съ Французами, которые съ берега рѣчки усиливались. Ставши въ цѣпь стрѣлковъ, я долженъ былъ открыть огонь картечью, но болѣе шести выстрѣловъ сдѣлать не могъ: непріятели жестоко осыпали насъ картечью и пулями, такъ что люди и лошади при пушкахъ безпрестанно падали, то убитые, то раненые. Срѣди выстрѣ-

ловъ, стука и крика, едва слышны были стоны раненыхъ; но я былъ тронутъ паденіемъ возлѣ меня храбраго фейерверкера, которому картечью перебило ногу. Оставшіеся канонеры едва успѣвали заряжать, но и тѣ были поражаемы; лошади путались въ перебитой упряжи, и падали убитыя. Жесточе этого огня я никогда не испыталъ! Для артиллеріи самое убійственное дѣло идти картечью на картечь. Провидѣніе меня хранило; но не знаю, чѣмъ бы это кончилось... какъ вдругъ страшный крикъ и градъ пуль отъ рѣчки возвѣстили намъ сильное стремленіе непріятельскихъ колоннъ. Это заставило всѣхъ насъ, пѣхоту и артиллерію, скорѣе, какъ можно, убираться отъ деревни. Я вывезъ пушки на пàрахъ лошадей, и не знаю, какъ самъ спасся, осыпаемый пулями. Мы, истощенные, отошли за линію, а наше мѣсто заступилъ Корпусъ Графа Сенъ-При, который, выдержавъ первую пылкость стремленія Французовъ, повторилъ на Шёнфельдъ фланговое нападеніе, и къ вечеру, въ шесть часовъ, когда уже вся деревня, объятая пламенемъ, превращена была въ развалины, наши совершенно въ ней утвердились. Мы удивлялись твердости и мужеству Французовъ, особенно когда, между развалинами деревни, при оградѣ и въ

улицахъ видѣли множество убитыхъ, почти юношей, въ бѣлыхъ куртючкахъ съ синими и сѣрыми воротниками: это они такъ отчаянно защищались! Нашихъ много было убитыхъ. Всего потеряли мы, при одной деревнѣ Шёнфельдѣ, до 4,000 убитыми и ранеными, большею частію изъ 10-го Корпуса; въ томъ числѣ убитъ храбрый Генералъ Ревенъ. Французы должны были потерять не менѣе насъ. Шёнфельдъ небольшая деревня, за важность своего мѣстоположенія дорого стоила обѣимъ враждующимъ силамъ. Наша рота артиллеріи потеряла до 30 челов. и около 15 лошадей. Это сраженіе для насъ было столь-же горячо и убійственно, какъ при Островно, въ Россіи. Я, по счастію, уцѣлѣлъ, и только шинель моя во многихъ мѣстахъ была пробита. Въ то время когда моя полубатарея становилась противъ Шёнфельда, изъ за угла кладбища выскочилъ заяцъ. Канонеры не утерпѣли, чтобы не поаукать по немъ, и когда я сталъ имъ выговаривать, то старый бомбардиръ сказалъ мнѣ: « Бѣда была-бы намъ, Ваше Благородіе, если-бы косой залетѣлъ на нашу батарею.»

Между тѣмъ какъ у насъ происходила упорная драка въ Шёнфельдѣ, большая союзная армія наступала на центръ Наполеоновой позиціи, утвердившійся въ Пробст-

гейдѣ. Она успѣла только взять д. Гольцгаузенъ и Цукельгаузенъ, но не могла сбить Французовъ съ линіи. Въ 2 часа пополудни Пруссаки и Австрійцы подступили къ Пробстгейдѣ, но были два раза отражены гвардіею Наполеона, при сильномъ огнѣ съ батарей. Тогда Князь Шварценбергъ, видя, что невозможно поколебать твердый центръ Наполеоновой позиціи, и щадя войски, выставилъ несмѣтное число артиллеріи, которая, охвативъ дугою верстъ на пять пространства, истребляла храбрѣйшія войски Наполеона. Его батареи хотя также были сильны, но изъ центра не могли отвѣчать съ равнымъ истребленіемъ сосредоточеннымъ на нихъ выстрѣламъ нашихъ батарей. Наполеонова гвардія показала и здѣсь удивительный примѣръ твердости: она даже покушалась идти на батареи, но гибельная картечь тогда еще опустошительнѣе смывала ряды храбрыхъ... Этотъ убійственный огонь артиллеріи продолжался до ночи.

И такъ сѣверная армія Кронпринца, съ Корпусомъ Графа Ланжерона, при помощи присоединившихся къ нимъ Саксонцевъ и Виртембергцевъ, рѣшили побѣду. Ихъ успѣхами тылъ расположенія Французской арміи былъ чрезвычайно стѣсненъ. Можетъ быть Наполеонъ и въ слѣдующій день про-

должалъ-бы свою борьбу съ сильными врагами, но у него не доставало огнестрѣльныхъ снарядовъ, а притомъ, можетъ быть, опасался, чтобы въ слѣдующій день Союзники не обратились на слабѣйшую его сторону, противъ которой стоялъ Кронпринцъ, и тѣмъ принужденъ былъ ретироваться; но ретирада, съ огромнымъ паркомъ артиллеріи и вагенбургомъ, по тѣсному пути, не могла свершиться безъ замѣшательства. Предмѣстія города ему надлежало обратить въ прикрытія, для защиты отступленія, вмѣсто тетъ-де-пона, и расположить войски въ тѣсномъ полукругѣ, на пространствѣ трехъ верстъ. Хотя изъ предусмотрительности онъ началъ ретираду обозовъ съ самаго утра, и она продолжалась весь день и всю ночь, но еще множество всего оставалось въ городѣ и за городомъ.

7-го Октября, по утру, узнали мы, что Французы бѣгутъ изъ Лейпцига, подъ прикрытіемъ сильнаго арріергарда. Войски, подъ начальствомъ Князя Понятовскаго, были поставлены въ предмѣстіяхъ противъ большой союзной арміи, а подъ начальствомъ Макдональда противъ Кронпринца и Блюхера. Очевидно было, что мы войдемъ въ городъ съ тріумфомъ, а потому приказано солдатамъ одѣться почище, не

смотря на вчерашнюю утомительную битву. Съ полуночи солдатушки наши обчистились, выбѣлились, надѣли лѣтніе панталоны, и въ полной формѣ, въ киверахъ и ранцахъ, подступали къ городу.

Въ Лейпцигѣ четверы воротъ: первыя, Св. Петра, со стороны Дрездена, на которыя шла большая союзная армія; вторыя, восточныя, Гриммайскія ворота, противъ Шведской арміи; третія, сѣверныя, Галльскія ворота, противъ Блюхера, и четвертыя, къ сѣверо-западу, Рандштетскія, оставшіяся для спасенія Французовъ. По этому можно судить, каковы были въ городѣ смятеніе и давка въ послѣднихъ воротахъ, когда Союзники стали подступать къ первымъ тремъ, и началась съ обѣихъ сторонъ упорная драка. Только Галльское предмѣстіе, ограждаясь р. Плейссою и большимъ зданіемъ фабрики, представляло сильное препятствіе; но со стороны Дрездена предмѣстіе ограждалось небольшою насыпью, а при Гриммайскихъ воротахъ городъ былъ вовсе открытъ.

Съ начатіемъ движенія союзныхъ войскъ къ городу со всѣхъ сторонъ, Французы взорвали передъ нимъ около ста зарядныхъ ящиковъ. Этотъ неосторожный взрывъ, обнаружившій отчаяніе бѣгущихъ, много ободрилъ наступающихъ, которые съ ра-

достнымъ крикомъ поспѣшали для овладѣнія предмѣстіями. Баронъ Остенъ-Сакенъ, какъ ближе всѣхъ стоявшій къ городу, сталъ штурмовать Галльскія ворота и предмѣстіе. Французы, засѣвшіе въ большомъ зданіи фабрики, по сю сторону рѣчки, могли долго защищать приступъ къ мосту. Корпусъ Графа Ланжерона перешелъ опять на правую сторону р. Парды, для подкрѣпленія Сакена, и для того что Пруссаки, съ Іоркомъ, еще со вчерашняго полудня пошли въ обходъ, пересѣкать ретираду Французовъ. Полки 10-го Корпуса Генер. Капцевича, и два батарейныя орудія, стали противъ моста; первые, разсыпавъ цѣпи стрѣлковъ, подступали къ рѣчкѣ, но были отбиты; артиллерійскій офицеръ получилъ рану. Храбрый, извѣстный военною ученостію, Полковникъ Рахмановъ, съ Архангелогородскимъ полкомъ пошелъ къ мосту на проломъ, и штыками пробился въ улицу предмѣстія, но картечи и пули положили на мѣстѣ почти весь его полкъ: онъ самъ тутъ палъ первою жертвою. Графъ Ланжеронъ покусился послать еще полки 9-го Корпуса, съ лѣвой стороны дороги, между рѣчкою и аллеею, но они были отражены перекрестнымъ огнемъ непріятельской артиллеріи. Наконецъ, когда батареи наши разбили фабричное зданіе,

пѣхота, ворвавшись туда, переколола всѣхъ, кто попался, и овладѣла двумя пушками. Французы отступили за рѣчку, и упорно держались въ Галльскомъ предмѣстіи, но, превозмогаемые превосходными силами, должны были уходить въ улицы. Наши сильно преслѣдовали ихъ, теряя много людей отъ картечь и пуль изъ переулковъ и домовъ; двѣ непріятельскія пушки ужасно били по мосту, истребляя по немъ проходящихъ. Одна только упорная храбрость Рускихъ и превосходство числа могли одолѣть всѣ препятствія и геройскую твердость Французовъ съ этой стороны. Столь важный пунктъ, сближаясь къ пути бѣгства, или къ Рандштетской улицѣ, въ которой была тѣснота и давка у бѣгущихъ, рѣшилъ бѣдственную участь оставшихся въ городѣ непріятелей. Уже Австрійцы отъ Дрезденскихъ воротъ, и Пруссаки отъ Гриммайскихъ, сошлись на главной площади, заставленной брошенною артиллеріею и обозами. Наполеонъ, немного прежде этого, успѣлъ пробраться черезъ Петровскія ворота, мимо того пути, по которому тѣснились и давили другъ друга его несчастные воины; онъ благополучно переѣхалъ на ту сторону Эльстера. Въ часъ пополудни Союзники овладѣли городомъ, который хотя взятъ былъ присту-

помъ, однако ни мало не былъ разграбленъ и не прпнупъ пожаромъ, что въ такихъ жестокихъ случаяхъ бываетъ весьма рѣдко; только всѣ домы въ предмѣстіяхъ были пробиты ядрами и въ стѣнахъ ихъ сдѣланы бойницы для ружейной защиты. Галльскія ворота защищалъ Ренье, Гриммайскія Макдональдъ, Петровскія Понятовскій; Баронъ Остенъ-Сакенъ вошелъ съ Рускими въ первыя, Бюловъ съ Пруссаками во вторыя, и Бенингсенъ съ Рускими и Австрійцами въ третія.

Передъ Галльскими воротами стояло нѣсколько повозокъ и карета съ гербомъ Маршала Макдональда. Когда наши вошли въ предмѣстіе, то я изъ любопытства поѣхалъ въ городъ. Какой хаосъ! Улицы наполнены трупами убитыхъ людей и лошадей, нашихъ и Французскихъ; опрокинутыя вверхъ колесами повозки преграждали всякой проѣздъ и служили защитою для Французовъ. Съ трудомъ могъ я пробраться къ площади. Стѣны домовъ вездѣ были избиты пулями, стекла и рамы выбиты. На площади стояли цѣлые ряды артиллеріи, брошенной непріятелемъ, ибо ужасный взрывъ моста, который слышалъ я, въѣхавши въ городъ, означалъ пресѣченіе всякаго спасенія, и все, что не успѣло уйдти за мостъ, осталось въ нашихъ ру-

кахъ. Когда нѣсколько удалыхъ Русскихъ егерей пробрались черезъ разливъ р. Плейссы до послѣдняго моста на Эльстерѣ, и стали стрѣлять въ бѣгущихъ, то піонерный офицеръ, оставленный Наполеономъ, съ тѣмъ чтобы взорвать мостъ при послѣдней крайности, видно, столько испугался, что, желая себѣ спасенія и не разсчитывая, сколько еще оставалось въ городѣ спасающихся, наложилъ роковой фитиль къ приводу мины. Тогда Наполеонъ, не безъ содроганія, увидѣлъ картину послѣдняго бѣдствія побѣдоносныхъ нѣкогда войскъ своихъ.... 60 пушекъ съ упряжью, и 12,000 солдатъ съ оружіемъ въ рукахъ были взяты побѣдителями. Маршалы Макдональдъ и Понятовскій бросились вплавь черезъ Эльстеръ; первый спасся на хорошей лошади, а второй, раненый и истощенный, утонулъ... Генералъ Эммануель, влетѣвшій въ городъ съ нѣсколькими драгунами, нагналъ Французскихъ Генераловъ: Лористона, Ренье и Бертрана, намѣревавшихся спастись также черезъ воду; онъ объявилъ имъ весьма вѣжливо, что они его плѣнники, и просилъ ихъ возвратиться. Генералы заблагоразсудили остаться въ цѣлости, согласились съ нимъ и были приведены къ Союзнымъ Монархамъ, въѣзжавшимъ въ городъ съ тріумфомъ. Я засталъ

это прекрасное явленіе, когда Государь нашъ, вмѣстѣ съ Австрійскимъ и Прусскимъ, въ сопровожденіи генералитета, проѣзжалъ черезъ улицу къ площади. На лицахъ высокихъ Союзниковъ обнаруживалось торжество и веселіе; но они такъ просто были одѣты, какъ обыкновенные Генералы; они, казалось, не столько занимались тогда славою, сколько самымъ событіемъ, которое рѣшило въ этотъ день судьбу народовъ, упрочило независимость Монарховъ, и утвердило въ сердцахъ ихъ спокойствіе. Этотъ день кончилъ важную борьбу Государей съ тѣмъ страшнымъ завоевателемъ, который двадцать лѣтъ потрясалъ могущество ихъ престоловъ. Жители, изъ всѣхъ этажей, черезъ окна махая платками, кричали: Vive Alexandre! и прелестныя Саксонки кидали цвѣты на Генераловъ. Сердце Рускаго радовалось за славу Царя своего и народа!

Король Саксонскій оставался во дворцѣ своемъ какъ военноплѣнный; Союзные Монархи не удостоили его свиданіемъ, и Казаки наши въ тотъ-же день повезли въ Берлинъ Короля-плѣнника.

Такимъ образомъ кончилась знаменитая въ Исторіи Лейпцигская битва, стоившая Французамъ, въ три дни, болѣе 20,000 убитыми и 30,000 ранеными или плѣн-

ными, да 250 пушекъ и 800 зарядныхъ фуръ; сверхъ того погибло у нихъ 13 генераловъ, и 15 взято въ плѣнъ. Союзники лишились въ половину менѣе этого, однако и они потеряли убитыми 8 генераловъ; 12 генераловъ было ранено. Никогда Французы не оказывали такой геройской твердости духа, и никогда такъ равнодушно не погибали.—Замѣчательно, что 6-го Октября, въ прошедшемъ 1812 году, Французы въ первый разъ были разбиты Княземъ Кутузовымъ при р. Чернишнѣ, въ нападеніи отъ Тарутина, и съ того-же дня началась ихъ бѣдственная ретирада, какъ въ Россіи, такъ и здѣсь.

Наполеонъ къ ночи отошелъ верстъ 10 отъ Лейпцига, въ м. Маркранштетъ. Большая часть союзныхъ войскъ осталась при Лейпцигѣ. Корпусъ Австрійцевъ съ Генераломъ Гіулаемъ посланъ былъ въ тылъ Французамъ, черезъ Пегау слѣва, а Корпусъ Іорка пошелъ черезъ Галле, справа. Намъ ввечеру велѣли отойдти къ Шкейдицу, куда собралась вся Силезская армія, выключая Пруссаковъ. Окрестности Лейпцига представляли плачевные слѣды разрушенія: всѣ прекрасныя деревни, верстъ на 15 вокругъ, были раззорены, а ближайшія вовсе истреблены.

ГЛАВА X.

ПРЕСЛѢДОВАНІЕ.

Поле битвы при Люценѣ.—Погоня за Французами.—Обходъ стороною.—Эйзенахъ.—Рѣдкости въ Марксгюлѣ.—Раззореніе.—Фульда.—Переходъ черезъ Тюрингенскія горы.—Угощеніе въ замкѣ Барона.—Гиссенъ.—Вецларъ.—Герцогство Бергское.—Извѣстіе о Французахъ.

8-го Октября пришли мы къ Люцену, по пути бѣгущихъ Французовъ. Въ городъ я не заѣзжалъ. Нашу роту поставили близъ дер. Каія, а потому любопытно было посмотрѣть поле битвы, гдѣ 20-го Апрѣля въ первый разъ встрѣтились враждующія силы Наполеона съ Русскими и Прусскими. Равнина отъ д. Каія вправо была необозрима, и пересѣкалась однимъ возвышеніемъ при д. Спарфильдъ; далѣе деревцы означали рѣчку. Пространство, занимаемое Французами между рѣчками, простиралось неболѣе какъ верстъ на 5, да за рѣчку, влѣво отъ Каія, на 1½ версты. Эта деревня, по

важности своего мѣстоположенія, была ключемъ позиціи, ибо находилась почти въ центрѣ, и открывала путь прямо къ городу, отъ котораго находилась она въ трехъ верстахъ; а потому все стремленіе Союзниковъ обращалось на нее. Они занимали впереди, отъ Клейнгершена черезъ Рано до Мишвица, пространство верстъ на 8, и могли-бы употребить по долинѣ въ дѣйствіе всю кавалерію, которой не доставало у Наполеона. Пруссаки въ этомъ сраженіи явили первый пламень своего мщенія Французамъ. Маршалъ Ней упорно держался въ Каіи. Французы были оживлены снова разцвѣтающею славою своего оружія, которое едва не увяло отъ Русскихъ морозовъ; самъ Наполеонъ леталъ въ первыхъ рядахъ, подвергаясь опасности, и своимъ присутствіемъ воспламенялъ новыхъ героевъ, магически сотворенныхъ имъ въ нѣсколько мѣсяцевъ. Однако Пруссаки взяли Каію, и Французы, защищавшіе ее, были сбиты и обращены въ бѣгство. Наполеонъ долженъ былъ употребить всѣ усилія, чтобы удержаться въ этомъ мѣстѣ, и когда колонны Союзниковъ выходили уже изъ деревни, пробиваясь далѣе, онъ поставилъ на возвышеніи у д. Старфильдъ огромную батарею, которая, принявъ во флангъ наши колонны,

жестоко стала ихъ истреблять, и принудила къ отступленію; тогда гвардія его, устремившись за ними, опять овладѣла деревнею. Участь сраженія колебалась, но ввечеру, прибытіе Вице-Короля, съ свѣжимъ Корпусомъ отъ Лейпцига, заставило Союзниковъ уступить поле битвы Наполеону. Это была для него послѣдняя вспышка угасающаго счастія. — Такъ разсуждалъ я, устремивъ вниманіе на пустое поле, истоптанное бѣжавшими передъ нами остатками нѣкогда побѣдоносной арміи. Въ Каіи весьма немного оставалось домовъ; съ края улицы уцѣлѣлъ одинъ каменный, и въ срединѣ деревни кирха; густыя деревья садовъ скрывали пустошу; обгорѣлыхъ остатковъ не было видно: въ пять мѣсяцевъ прибраны и изглажены слѣды жестокой битвы.

На другой день проходили, около города Вейсенфельса, черезъ рѣку Заалу, по дурной переправѣ, сдѣланной на скоро, потому что Французы сожгли мостъ. Вчера Наполеонъ былъ здѣсь. Генер. Васильчиковъ съ кавалеріею нагналъ арріергардъ его и взялъ въ плѣнъ нѣсколько сотъ отсталыхъ. Впереди насъ находились Пруссаки Генер. Іорка. Городъ съ замкомъ оставался у насъ вправо, на крутыхъ берегахъ рѣки; видъ мѣстоположенія красивый, не смотря на

поблекшую осень. Отсюда начинаются лѣса и горы. Сухая погода благопріятствовала бѣгству Французовъ.

На ночь слѣдующаго дня пришли мы къ Фрейбургу, на дурную переправу черезъ р. Унштрутъ. Вчера былъ здѣсь Наполеонъ. Генер. Іоркъ нагналъ Французовъ и прижалъ ихъ у переправы, такъ что они потеряли около 1,000 плѣнными и 18 пушекъ, со множествомъ фуръ; за то и Пруссаковъ погибло до 500. Брошенныя, опрокинутыя фуры, также убитые люди и лошади, представили намъ повторительныя явленія бѣгства Французовъ изъ Москвы. Уже Саксонцы стали ихъ непріятелями, и Поляки, потерявши Понятовскаго, передаются къ намъ.

11-го Октября мы сдѣлали большой обходъ, около 50-ти верстъ. Взявши вправо отъ направленія къ Веймару, прошли черезъ д. Клостергеслеръ, Гиршлебенъ и Шлоссвибанъ. Французы, на пути къ Эрфурту, бросали пушки и обозы; мы ихъ обходили, чтобы пресѣчь имъ ретираду. Земля Княжества Веймарскаго плодородна, и жители, кажется, трудолюбивы: всѣ небольшія возвышенія обработаны. Лѣса наиболѣе фруктовые. Погода для насъ была сносная, не смотря на туманы; только продовольствіе опять стало скудно,

какъ для людей, такъ и для лошадей; что находили по пути въ раззоренныхъ деревняхъ, тѣмъ и питались: солдаты картофелемъ, а лошади соломою. Мы успали гоняться за Французами; они чрезвычайно шибко бѣжали по всѣмъ тропинкамъ, полямъ и лѣсамъ, около большой дороги. Наши летучіе отряды Генераловъ Чернышева, Орлова-Денисова и Атамана Платова подбирали ихъ впереди и съ фланговъ, разрушая всѣ переправы.

Не доходя города Теништета, ночевали на квартирахъ въ д. Штраусфартъ. Здѣсь мало проходило войскъ: все цѣло и жители на мѣстѣ. Они, кажется, въ первый разъ увидѣли Рускихъ, потому что смотрѣли на насъ издали, съ удивленіемъ, и отъ приближающихся къ нимъ удалялись почти бѣгомъ; впрочемъ живутъ зажиточно, обширнымъ хозяйствомъ. Нѣмцы здѣсь, пожилые крикуны, говорили съ нами громко, протяжно, съ гримасами и по пальцамъ; лица у нихъ предурныя; сами одѣты въ кители; на головѣ носятъ, подъ треугольными шляпами, калпаки, а на ногахъ штиблеты.

14-го Октября остановились на биваки при д. Берггеймъ; влѣво, верстахъ въ четырехъ, оставался городъ Гота съ Герцогскимъ замкомъ. Мѣстоположеніе тутъ го-

ристое; вдали угрожали намъ высокія, Тюрингенскія горы съ снѣговыми вершинами. Въ Готѣ Пруссаки взяли въ плѣнъ 2,000 усталыхъ Французовъ. Главная союзная армія заняла Веймаръ.

Подходя къ Эйзенаху, мы слышали окончательные залпы Пруссаковъ, которые приступомъ взяли городъ и въ плѣнъ около 2000 Французовъ. За тѣснотою по дорогѣ намъ нельзя было всѣмъ дойдти до города, а потому, для ночлега, остановили насъ въ садахъ, версты за двѣ. Городъ лежитъ между горами, почти въ ущельѣ; по ту сторону его возвышается огромная, черная гора Вартшурмъ, съ зàмкомъ. Скалы, украшенныя пожелтѣвшими лѣсами, туманный древній городъ, глубокіе овраги и каменистыя крутизны, все это, съ разсѣянными вездѣ войсками, представляло романическую картину осени, среди военныхъ дѣйствій. Мнѣ съ товарищемъ для ночлега достался пустой сарай, наполненный мебелями: разбитые стулья, канапе и разрушенныя фортепьяно, все изъ краснаго дерева, валялись внутри сарая, и отчасти горѣли на бивакахъ. По видимому они собраны были изъ ближайшаго дома для сбереженія, но подверглись несчастной участи. Здѣсь бивакировали Французы и Пруссаки, которые мѣстами, кой-

гдѣ , валялись : первые погибшіе конечно отъ усталости , а вторые отъ ранъ.

16-го Октября проходили черезъ Эйзенахъ. Городъ обширный ; вокругъ площади большіе домы стариннаго вкуса ; по срединѣ высокая кирха, съ портиками и колоннадами, служитъ лучшимъ украшеніемъ городу. За площадью домы простые, большею частію деревянные.

Отъ города прошли еще верстъ 10 къ м. Марксгюлю. На пути много валялось опрокинутыхъ Французскихъ фуръ, убитыхъ людей и лошадей. Мѣстоположеніе здѣсь гористое, и безпрестанно дефилеи ; Французамъ трудно было уходить, но легко защищаться ; отъ усталости и голода они валяются по дорогѣ, какъ мухи. Судя по мѣстечку , которое впрочемъ весьма раззорено, жители довольно бѣдны; но, кажется, въ этихъ каменныхъ горахъ и скалахъ не чѣмъ стяжать богатства.

Въ Марксгюлѣ встрѣтились намъ рѣдкости ; во первыхъ, крыши на кирхѣ и на лучшихъ домахъ выложены аспидными дощечками въ видѣ черепицы ; второе, женщины здѣсь ходятъ въ синихъ Цыганскихъ плащахъ и носятъ на головѣ длинныя, черныя каски съ бантомъ ; третье, на площади есть липа, болѣе сажени толщиною въ діаметрѣ, занимающая распростерты-

ми вѣтвями пространство на восемь саженъ въ діаметрѣ ; ея сучья подперты подпорками, сама она защищена оградою, и внутри, около ствола, устроены скамейки : конечно, въ лѣтніе дни здѣсь, среди прохладной тѣни, угрюмые Нѣмцы развеселяются пивомъ и трубками. Произношеніе Нѣмецкаго языка здѣсь исковеркано особымъ нарѣчіемъ, подходящимъ къ Французскому. Въ домахъ окна сплошныя, или по нѣскольку въ рядъ.

На другой день пришли въ м. Фахъ. По дорогѣ много валялось убитыхъ Французовъ, лошадей и опрокинутыхъ фуръ; Пруссаки, подъ начальствомъ Генер. Іорка, тутъ отличились. Горы здѣсь не очень высоки, дорога мостовая, или шоссе. Всюду осень совершенная ; вдали , на черныхъ Тюрингенскихъ горахъ, лежитъ снѣгъ; вѣтеръ дуетъ Русскій.

Не доходя мѣстечка, встрѣтили мы человѣкъ сто плѣнныхъ Французовъ, въ такомъ-же маскарадномъ одѣяніи, какъ выходили они изъ Россіи : обгорѣлые , оборванные, обвязанные лоскутьями; лица черныя, показывающія болѣзнь и изнуреніе.

Передъ мѣстечкомъ протекаетъ быстрая рѣчка Верра. На ней каменный мостъ. Мѣстечко принадлежитъ Вестфаліи и такъ ветхо , что многіе домы угрожаютъ па-

деніемъ. Жители раззорены. Лучшіе домы нѣсколько уцѣлѣли, а впрочемъ самыя кирхи обращены въ конюшни. Французы придерживаются старой привычки, безчинничать подъ предлогомъ мщенія непріятелямъ. По разсказамъ жителей, они отговариваются тѣмъ, что исполняютъ волю своего Императора Наполеона. Блѣдныя, больныя Нѣмочки здѣшнія весьма жаловались на жестокое съ ними обращеніе Пруссаковъ.... Русскихъ офицеровъ, напротивъ, онѣ прославляютъ за нѣжность и сострадательность къ нимъ.

18-го Октября пришли въ д. Гунханъ, близъ м. Гинфельдъ, которое столь-же ветхо, какъ и предыдущее. Въ цѣлой деревнѣ мы съ товарищемъ едва нашли себѣ квартиру, нѣсколько уцѣлѣвшую отъ раззоренія. Хозяева наши почитали себя несчастными, когда канонеры наши стали брать у нихъ съ чердака сѣно; но когда потомъ пришли Пруссаки, брать у нихъ лошадей и скотъ, то они, бѣдные, всѣ выли и плакали.... Эта горестная сцена весьма насъ растрогала, но мы не въ силахъ были остановить бѣдствія войны, происходившаго отъ жестокой необходимости.

На другой день, прошедши черезъ городъ Фульду, стали на квартиры въ д. Гейбахъ. Городъ такъ-же обширенъ, какъ Бауценъ,

только строенія древнія. Передъ въѣздомъ, видъ города прекраснѣйшій: по большой дорогѣ аллея; вправо, между строеніями города, великолѣпно возвышается большой Католическій соборъ, а влѣво, на горѣ, Княжескій дворецъ прежняго Епископства. Внутри города улицы узкія, домы закоптѣвшіе отъ ветхости, площадь тѣсная. Жителей мало являлось, и то какъ напуганные; всѣ отъ насъ прятались. Въ одѣяніи женщинъ примѣтно было различіе отъ Саксонскаго костюма; головной уборъ ихъ здѣсь весьма похожъ на Жидовскій. Вестфальцы гораздо угрюмѣе Саксонцевъ и черты лица ихъ вовсе безобразны. Окрестности Фульды живописны: на горахъ, между черными скалами, часто являются полуразрушенныя стѣны и башни древнихъ замковъ, которые то восходятъ въ поднебесье, то теряются въ глубинѣ ущелій; нѣмыя развалины ихъ заставляютъ вспоминать о прошедшихъ временахъ варварства и рыцарскихъ разбоевъ. Быстрая рѣчка Фульда струится, пѣнится между крутыми берегами, дробится о камни, и потомъ спокойно разливается по долинѣ: это живой образъ пылкой юности человѣка, въ которую господствуютъ страсти, и тихаго совершеннолѣтія, подъ путеводительствомъ разума.

20-го Октября, отъ Фульды назначено было всей нашей артиллеріи идти вправо, черезъ Тюрингенскія горы до Бланкенау. Мы пошли туда по чрезвычайно дурной дорогѣ, черезъ горы, измучивъ вовсе упряжныхъ лошадей; а какъ всей бригадѣ артиллеріи невозможно было помѣститься въ одной деревнѣ Бланкенау, то нашу роту послали особо искать себѣ квартиръ. Тогда мы забрели съ артиллеріею въ такое ущелье, что, разбросавши пушки и ящики на нѣсколько верстъ, выбились изъ силъ, и далѣе д. Штокгаузена не могли двигаться. Здѣсь по неволѣ должны были остановиться, тѣмъ болѣе, что при деревнѣ находился огромный, древній замокъ Барона Д***. Ломки и трудовъ во время этого тяжелаго перехода было очень много; передъ каждымъ ручьемъ на гору мы бились и мучились съ лошадьми, перепрягали и подпрягали ихъ, при чемъ дышла и оси безпрестанно ломались. Надежда, найти въ ближайшемъ зàмкѣ пріятное гостепріимство, была для насъ утѣшительною отрадою. Давно вышли мы изъ очаровательнаго общества прекраснаго пола. Въ продолженіе столь долгаго времени, проведеннаго въ бивачной жизни, среди военныхъ дѣйствій, чувства наши нѣсколько загрубѣли, и мы показались-бы совершенными невѣждами, если-

бы не отдали почтенія Барону Д*** своимъ посѣщеніемъ. Военная грубость съ насъ тотчасъ спала, и скривленныя брови разгладились, когда мы увидѣли въ замкѣ милыхъ, улыбающихся дѣвушекъ, подъ тонкимъ коленкоромъ, обнаруживающимъ прелестныя формы, которыя вдыхаютъ любовь, размягчаютъ жесткія чувства, и оживотворяютъ сгустившуюся кровь какимъ-то тонкимъ теплотворомъ; однимъ словомъ, за трудный переходъ мы были награждены ласковымъ пріемомъ Барона и его семейства. Хотя на лицахъ ихъ не выражалось къ намъ благопріятности, а въ словахъ откровенности и доброжелательства, однако маски ихъ были довольно сносны и комплименты лестны. Баронъ скоро догадался, чего намъ больше не доставало, и сталъ извиняться въ своей бѣдности отъ военныхъ обстоятельствъ и безпрерывныхъ контрибуцій, требуемыхъ побѣдителями; а потомъ угостилъ насъ однимъ буттерброромъ, прибавивъ къ тому бутылку кислаго вина, называемаго имъ рейнвейномъ. Мы повѣрили Барону отъ чистаго сердца, и не заставили долго о насъ заботиться, потому что чрезмѣрная усталость отзывала каждаго для ночнаго успокоенія на квартиру; но тутъ встрѣтилось препятствіе. Пасторъ, у ко-

тораго мнѣ съ товарищемъ показали квартиру, ни за что не хотѣлъ отворить воротъ и пустить въ свой дворъ Рускихъ, отговариваясь, что онъ самъ голоденъ, не имѣетъ ни крошки хлѣба, а, для помѣщенія насъ, домъ его весьма тѣсенъ. Не смотря на эту словесную эпистолу, мы употребили военную хитрость: въ то время, какъ онъ защищалъ отъ ворота нашей фальшивой атаки, мы зашли къ нему въ тылъ черезъ садовую ограду, и очутились на лѣстницѣ его дома; тогда осажденный въ своей цитадели Пасторъ долженъ былъ смириться, предавая насъ, сквозь зубы, всей бурѣ и непогодѣ — Donnerwetter! — Баронскій ужинъ раздразнилъ нашъ аппетитъ столько, что мы велѣли деньщику наскоро, изъ запасной козлятины, сдѣлать битокъ, и какъ Пасторъ отзывался своимъ голодомъ, то пригласили его раздѣлить съ нами военную трапезу. Потомъ, не желая тревожить Пасторскаго семейства, на кухнѣ у него обогрѣлись, и около очага прилегли, какъ были, въ мокрыхъ отъ дождя шинеляхъ.

Ночь была столько-же мучительна, какъ и день. Едва мы съ товарищемъ, въ грязной кухнѣ, стали засыпать, какъ пришелъ отъ Подполковника вѣстовой, разбудилъ насъ и объявилъ приказаніе идти къ ар-

тиллеріи. Среди ночнаго мрака и холода, пробиваясь около бивачныхъ огоньковъ, мы едва нашли свою рощу, уже во всей готовности къ походу. Покуда самъ Подполковникъ не явился, мы долго стояли въ скучномъ ожиданіи; впереди насъ кричали и шумѣли артиллеристы батарейной роты, поднимаясь на горный хребетъ; черезъ всю ночь, до свѣта, они насилу двинулись съ мѣста, чѣмъ и насъ задержали. Усталость склонила меня ко сну: тутъ-же, подлѣ артиллеріи, избравши въ грязи мѣстечко посуше, я легъ, свернулся въ клубокъ и заснулъ забывая всѣ заботы. Мое воображеніе и кровь были столько разгорячены взорами прелестныхъ очаровательницъ въ стѣнахъ Нѣмецкаго зàмка, также виномъ и безпокойствомъ, что я не чувствовалъ ни грязи, въ которой лежалъ, ни мокроты, меня проникавшей, и не слышалъ шума, вокругъ происходившаго отъ обозовъ; словомъ, спалъ, сначала какъ убитый, а потомъ съ пріятными сновидѣніями. Волшебное дѣйствіе сна переносило меня изъ одной мечты въ другую: изъ милаго въ ужасное, изъ ужаснаго въ восхитительное.... Когда, я проснулся, уже стало разсвѣтать. Мнѣ представилась нѣмая картина всеобщаго сна: артиллерія стояла на мѣстѣ, въ той-же готовности къ по-

ходу ; лошади, согнувшись въ крючекъ и повѣсивъ головы , дремали ; канонеры вокругъ , какъ разбросанныя сельди , подъ шинелями храпѣли ; тишина , туманная окрестность черныхъ горъ , порывистый осенній вѣтеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ грязь , дополняли эту романическую картину. Вдругъ закричали впереди: « Вставай! вставай! Генералъ ѣдетъ! « Всѣ вскочили разомъ, а лошади подняли головы и наострили уши. Всѣ зашевелились и двинулись въ гору.

Дорога была несносная, и какъ артиллерія въ гору не могла успѣшно двигаться, отъ изнуренія лошадей и безпрестанной ломки , то Подполковникъ съ офицерами успѣлъ завернуть еще разъ къ Барону на завтракъ , а я , по обязанности дежурнаго, остался при артиллеріи. Однако на пути я самъ завернулъ въ хижину лѣсничаго, у котораго едва только спросилъ чего нибудь поѣсть, какъ онъ съ добросердечною услужливостію тотчасъ вынесъ мнѣ весь вчерашній ужинъ Барона, съ прибавкою сыра. Товарищи, догнавши меня на вершинѣ горы, жаловались, что они весьма ошиблись въ Баронскомъ завтракѣ , и увѣряли , что я былъ въ выигрышѣ у лѣсничаго.

По труднѣйшему пути, черезъ каменистый хребетъ Тюрингенскихъ горъ, мы въ

цѣлый день не могли пройдти болѣе семи верстъ, и расположились для ночлега въ м. Герстлейнъ, гдѣ отъ усталости и ломки должны были дневать и починиваться. Труднѣе этого пути въ горахъ мнѣ не случилось испытать.

23-го Октября пришли въ м. Гринебергъ, также по дурной, но болѣе сносной дорогѣ. Мѣстечко изрядное; домы со сплошными окнами казались всѣ оранжереями. Здѣсь мы имѣли хорошія квартиры, гдѣ насъ изрядно накормили.

На другой день, не доходя города Гиссена, остановились мы въ д. Анротѣ. Тутъ было сборное мѣсто Корпуса Графа Ланжерона. Меня тотчасъ послали занимать квартиры для роты на слѣдующій день. Я ѣздилъ до полуночи по разнымъ деревнямъ, и насилу отыскалъ корпусную квартиру Графа, котораго нашелъ въ крестьянскомъ домѣ. Тутъ увидѣлъ Оберъ-Квартирмейстера и объявилъ ему, что всѣ деревни въ окрестности заняты войсками, и самое селеніе Висманъ, назначенное для нашей роты.

Здѣсь кончились для насъ тяжелые переходы черезъ Тюрингенскія горы, начавшіеся отъ самой Готы, и не напрасно ужасавшіе насъ еще отъ Эйзенаха. Въ пять дней мы столько натрудились, какъ въ

пять мѣсяцевъ: артиллерія поломалась, лошади обосѣли, люди изнурились. Ни Вестфалія, ни Гессенъ-Дармштатское Герцогство, въ которое мы вошли, не стоятъ третьей части Саксоніи. Страна здѣсь бѣдная отъ множества Бароновъ и Графовъ, потомковъ древняго Феодализма. Наполеонъ чѣмъ болѣе льстилъ ихъ фантазіи, оставляя на прежнихъ правахъ, тѣмъ болѣе обиралъ, а они обирали жителей, обременяя ихъ налогами и раззоряя до крайности. Между простымъ народомъ не видно бодрыхъ мужчинъ; все старики, или, болѣе, женщины, да и то непригожія. Видъ ихъ мраченъ, болѣе отъ страннаго, старосвѣтскаго наряда. Домы здѣсь снаружи разрисованы красными узорами, и по стѣнамъ много смѣшныхъ надписей, о которыхъ я когда-то читалъ въ путешествіи Карамзина.

26-го Октября пришли мы въ городъ Гиссенъ, гдѣ намъ, въ первый разъ послѣ Саксоніи, достались прекрасныя квартиры. Здѣсь видѣлъ я прелестныхъ Нѣмочекъ; ихъ красота, ловкость и любезность невольно плѣняли насъ. По несчастію, досталась мнѣ квартира въ огромномъ домѣ, у Профессора Математики, который позвалъ меня въ кабинетъ, и, усѣвшись въ большія кресла, задушилъ Политикою и Ма-

тематикою, какъ на строгомъ экзаменѣ. Я просидѣлъ у него въ бесѣдѣ добрыхъ два часа; наконецъ, извинившись усталостію, ушелъ въ свою комнату, гдѣ мнѣ подали вассеръ-супъ.... Но какъ кухня Профессора представила мнѣ простую индукцію интеграловъ, безъ малѣйшей прогрессіи радикса матеріяльныхъ тѣлъ, то на другое утро выѣхалъ я отъ него съ желудкомъ, подведеннымъ подъ гипотенузу подгрудной ложечки.

На другой день прошли мы около 30 верстъ, черезъ большой городъ Вецларъ, къ мѣстечку Гернборнъ. Въ древнія времена Феодализма, всѣ Бароны, Графы и Князья, терявшіе на Германскомъ сеймѣ процессы, съѣзжались въ Вецларъ на конгрессъ, для верховнаго судилища, составлявшагося изъ владѣтельныхъ Князей, гдѣ они находили способъ возстановлять свои иски, въ родѣ аппеляцій. Отъ того въ городѣ сохранилось донынѣ много хорошихъ домовъ и обержей, какъ то: Римскаго Императора, Кронпринца, Золотаго Коня и проч. Изъ примѣчательныхъ зданій отличается большая церковь Штифткирхенъ, Готической архитектуры, носящая отпечатокъ глубокой древности въ рѣзныхъ украшеніяхъ изъ простаго камня. Стѣны и крыши многихъ домовъ покрыты снаружи аспид-

ными досками, что даетъ имъ особенный мрачный и странный видъ. Мѣстоположеніе отсюда опять гористое, хотя около Гиссена было нѣсколько ровнѣе. Эта страна принадлежитъ Принцу Оранскому, прежде бывшему Штатгальтеру Голландіи. Наполеонъ лишилъ его владѣній и присоединилъ ихъ къ Вестфальскому Королевству, но едва коснулись сюда Русскія войски, какъ всѣ владѣнія опять возвращены Принцу. Жители, видно, его любили, потому что въ ознаменованіе своей радости развѣсили вездѣ оранжевыя ленты; особенно въ городѣ одна высокая ель, и на бассейнѣ искуственный медвѣдь, какъ эмблемы Княжества, украшены были множествомъ такихъ лентъ. Жители къ намъ были весьма доброхотны, не такъ какъ въ Вестфаліи, преданной Французамъ. Я съ товарищемъ, Барономъ Шлиппенбахомъ, стоялъ въ м. Гернборнѣ у купца табачника, который, что̀ было у него въ печи, все намъ выставилъ, и, казалось, хотѣлъ до смерти закормить и запоить. Онъ очень жаловался на Французское правительство, отнявшее у него половинный барышъ отъ продажи табаку, при чемъ, говорилъ онъ, были сожжены на площади всѣ, найденные въ городѣ, Англійскіе товары, вслѣдствіе континентальной системы. Теперь форми-

руется здѣсь легіонъ изъ охотниковъ — Freiwillige — мстить Французамъ.

28-го Октября перешли мы небольшой, старинный городокъ Дилленбургъ, въ которомъ я не видалъ ничего примѣчательнаго. Теперь мы вступили въ Герцогство Бергское, и, не доходя города Зигена, остановились въ горахъ, занявши весьма дурныя квартиры; жители здѣсь почти такъ-же бѣдны, какъ наши Литовцы.

На другой день перешли черезъ городъ Зигенъ, и, въ пяти верстахъ за нимъ, остановились въ хорошей деревнѣ. Въ городѣ, который не болѣе Дилленбурга, расположился на квартирахъ 3-й Корпусъ. Отсюда до самаго Рейна находятся въ горахъ значительные рудники желѣза и мѣди, также нѣсколько серебра, что̀ составляетъ главный промыселъ жителей и богатство Герцогства; отъ того и городъ многолюденъ. На пяти верстахъ отъ него лежитъ сряду шесть большихъ, хорошо выстроенныхъ деревень. Это Герцогство, въ уваженіе дохода съ рудниковъ, принадлежало самому Наполеону (*).

Отъ Зигена прошли мы черезъ два бѣднѣйшія мѣстечка, Ольпе и Дрольсгагенъ:

(*) По опредѣленію Вѣнскаго Конгресса оно принадлежитъ Пруссіи.

домы, безъ дворовъ или безъ оградъ, изсѣчены въ каменныхъ утесахъ; вокругъ горы, земля каменистая, безплодная ; на горахъ, по скатамъ, растетъ мѣлкій кустарникъ. Деревни здѣсь рѣдки и раскиданы по два и по три двора, въ оврагахъ, около ручьевъ. Не доходя м. Мейнерсгагена, ночевали мы въ горахъ, у весьма бѣдныхъ жителей, которые живутъ не лучше нашихъ Чухонъ. У нихъ конюшни вмѣстѣ съ жилыми избами; кухня въ той-же комнатѣ на полу , какъ у Чухонъ , и дымъ, разстилаясь внутри по всему дому, грѣетъ людей и скотовъ. Спятъ здѣсь въ шкафахъ, то есть, на ночь выдвигается изъ шкафа нижній ящикъ, съ перинами и подушками, въ которомъ укладывается все семейство , а на день онъ опять задвигается ; въ верхней части шкафа хранится столовая посуда. Хлѣбъ здѣсь хотя пшеничный, но черный и съ мякиною, не лучше нашего Бѣлорусскаго. Поселяне имѣютъ доходъ болѣе отъ скота, который содержатъ всегда въ стойлахъ и выкармливаютъ искуственными травами. Въ окрестностяхъ много рудниковъ. Наполеонъ сдѣлалъ большое благодѣяніе для промышленниковъ и проѣзжающихъ, устроивши здѣсь шоссе или мостовую, безъ которой не возможно было-бы путь пробираться черезъ горы ; эта

дорога идетъ въ городъ Кельнъ, на Рейнѣ.

1-го Ноября тронулись мы въ походъ, съ тѣмъ чтобы стать на кантониръ-квартиры, по Рейну, какъ вдругъ приказано было войскамъ остаться на прежнихъ мѣстахъ. Такая нечаянность заставила насъ думать, что Французы снова наступаютъ; однако мы узнали послѣ, что Прусскій Корпусъ Іорка занялъ наши квартиры, а потому Корпусу Графа Ланжерона приказано было отодвинуться назадъ.

И такъ мы шли назадъ до самаго Зигена, гдѣ и расположились въ хорошихъ квартирахъ. Жители, увидѣвъ наше обратное шествіе, думали, что мы ретируемся отъ Французовъ, и не мало встревожились, опасаясь мщенія прежнихъ своихъ властителей; но узнавъ противное, стали опять веселы, и отъ радости сдѣлали балъ нашимъ Генераламъ.

Меня съ полуротою оставили въ Зигенѣ, для исправленія артиллеріи и для укомплектованія, а прочія войски 9-го и 10-го Корпусовъ пошли къ Майнцу.

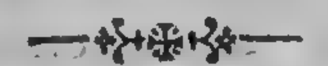
Между тѣмъ Наполеонъ съ разбитою арміею приближался къ Франкфурту, гдѣ отложившіеся отъ него Баварцы, подъ предводительствомъ Генерала Вреде, съ Австрійскимъ Корпусомъ Рейсса, всего около 40,000, хотѣли пресѣчь путь бѣгущимъ, и на Май-

нѣ повторить то-же, что было на Березинѣ, въ Россіи. Для этого Генералъ Вреде изъ Ганау вышелъ на встрѣчу къ Французамъ, и занялъ крѣпкую позицію; однако, отчаяніе всегда усиливаетъ мужество и рѣшительность, даже при послѣднемъ издыханіи погибающихъ. Не смотря на 60-ти пушечную батарею и на помощь Русскихъ отрядовъ легкой кавалеріи, Французы пробились. Можетъ быть у Баварцевъ не было столько духа, чтобы съ полною отвагою сразиться съ тѣми, которыхъ владычества они недавно еще трепетали, а потому, при первомъ появленіи Наполеоновой Гвардіи, Баварцы отступили, истребляемые Французскою артиллеріею, и преслѣдуемые мстительными кирасирами; при чемъ и самъ Вреде получилъ тяжелую и опасную рану. Войски его ушли за рѣчку Кинцигъ, и хотя, потомъ, опять фланговымъ дѣйствіемъ стали вредить Французамъ, задерживая ихъ при Ганау, однако непріятели ихъ прошли благополучно. Въ этомъ неудачномъ для Баварцевъ дѣлѣ, Французы нанесли имъ большой уронъ, и, кромѣ Генерала Вреде, были ранены еще шесть Генераловъ; впрочемъ и Французы потеряли около 4,000, съ мародерами и усталыми. 20-го Октября Наполеонъ былъ во Франкфуртѣ, а 21-го въ Майнцѣ, гдѣ

вся армія его, въ числѣ еще 70,000, перешла черезъ Рейнъ, выключая Корпусъ Бертрана, въ 14,000, оставленный въ Гохгеймѣ и въ Касселѣ, предмѣстіи Майнца, по сю сторону Рейна. Макдональдъ пошелъ въ Кельнъ, а Викторъ въ Страсбургъ. Союзники также подошли къ Рейну 24-го Октября. Императоръ нашъ въѣхалъ во Франкфуртъ, въ сопровожденіи 20,000 кавалеріи. 26-го числа Князь Шварценбергъ съ Австрійцами пришелъ въ Гехстъ; наконецъ, въ первыхъ числахъ Ноября, всѣ союзныя войски расположились на кантониръ-квартирахъ по Рейну, отъ Кобленца до Мангейма.

Такъ кончилась несчастная для Наполеона кампанія 1813 года. Оставшіяся въ Германіи во многихъ крѣпостяхъ войски его, еще около ста тысячь, начали сдаваться. Первая крѣпость, вынужденная голодомъ, Штетинъ, сдалась 24-го Октября; потомъ, 29-го, сдался Дрезденъ. Онъ былъ осаждаемъ Рускими и Австрійцами. Французскій Генералъ Сенъ-Сиръ, имѣя 32,000 хорошаго войска, былъ сильнѣе осаждающихъ, и могъ-бы пробиться, куда ему угодно, но не смѣлъ нарушить повелѣнія Наполеонова защищаться. Онъ хуже сдѣлалъ: когда, послѣ Лейпцигскаго сраженія, Шварценбергъ послалъ къ Дрездену Корпусъ Кле-

нау, то Сенъ-Сиръ, съ Корпусомъ Французовъ до 30,000, при 245 орудіяхъ, не защищаясь сдался на капитуляцію. Замосць и Данцигъ сдались Рускимъ въ Ноябрѣ; Торгау и Эрфуртъ сдались Пруссакамъ. Вся Германія, выключая Магдебургъ, Глогау, Кистринъ, Везель и Вирцбургъ, была освобождена отъ Французовъ. Вскорѣ потомъ, всѣ Рейнскіе Князья и Герцоги пристали къ Союзникамъ, и начали формировать войски противъ Наполеона; одинъ только Гроссъ-Герцогъ Франкфуртскій, изъ преданности къ Наполеону, продалъ всѣ свои помѣстья, и уѣхалъ въ Швейцарію. Столько-то политика и воинское счастіе измѣнили Наполеону; судьба грозила ему жестокимъ паденіемъ.



ГЛАВА XI.

КАНТОНИРЪ-КВАРТИРЫ.

Страна постоя. — Новая квартира. — Исторія хижины. — Проѣздъ Принца Оранскаго. — Рудокопни. — Прощальный балъ. — Походъ къ Франкфурту. — Колодезь Зельтерсской воды.

5-го Ноября, съ оставленною мнѣ полуротою перешелъ я, для исправленія, въ хорошую деревню, на третьей верстѣ отъ города. За ночь выпалъ первый снѣгъ, для начала зимы, и продолжалъ идти во весь день; но безъ мороза, онъ только умножилъ грязь. Грунтъ земли здѣсь вязкій, красноватой глины, а потому, для ходьбы и ѣзды, дороги тяжелы.

Герцогство Бергское расположено по горамъ, на правой сторонѣ Рейна; страна довольно суровая, холодная, и вовсе безплодная; только около ручьевъ и рѣчекъ, по долинкамъ, находятся хорошіе, искуственные луга, которыми содержатся крупныя лошади и скотъ. Землепашество весьма незначительно. Каменистыя горы

покрыты большею частію кустарникомъ; но изрѣдка есть и строевой лѣсъ. Промыслъ жителей состоитъ наиболѣе въ обработываніи желѣза, чѣмъ занимается до 100,000 душъ. Во многихъ деревняхъ, при Зигенѣ, устроены по рѣчкѣ плавильни въ землѣ, гдѣ огромные молоты, посредствомъ воды, разбиваютъ раскаленныя массы желѣза. Мнѣ часто случалось видѣть, какъ работники, покрытые съ ногъ до головы кожею, вынимая длинными щипцами изъ пылающихъ печей огненные куски металла, подкладывали ихъ подъ страшные молоты, которые, ударяя съ великою силою, бросали вокругъ искры фонтанами; тогда на яву представлялась картина Тартара въ подземельѣ, а кузнецы казались живыми Циклопами. Сверхъ того, въ городѣ есть различные мастера, приготовляющіе изъ желѣза разныя издѣлія, которыя на большихъ, двуколесныхъ фурахъ въ одну лошадь, отправляютъ они въ Диссельдорфъ, резиденцію Герцога, на Рейнѣ. Истинное богатство большей части жителей Герцогства Бергскаго заключается въ многочисленныхъ фабрикахъ и мануфактурахъ шерстяныхъ и полотняныхъ издѣлій. Лучшіе города въ Герцогствѣ, выключая резиденцію: Нейссъ, весьма древній, съ ленточною фабрикою; Эльберфельдъ, мно-

голодный, торговый городъ, гдѣ есть шелковыя и бумажныя мануфактуры; Золингенъ, въ которомъ дѣлаютъ лучшія шпажныя лезвеи и рапиры; Вецларъ, древній, большой городъ, и Зигенъ, извѣстный рудниками и обработываніемъ желѣза.

Въ этомъ городѣ, и въ окрестныхъ деревняхъ, расположены были части отъ всѣхъ ротъ артиллеріи Корпуса Графа Ланжерона, для исправленія ихъ на счетъ Герцогства, потому что оно изобильно желѣзомъ и строевымъ лѣсомъ. Всѣ наши участки находились подъ командою Подполковника Бендерскаго, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, назначенъ былъ воинскимъ начальникомъ въ Зигенѣ. Всѣ нужные для артиллеріи матеріялы получали мы, по его ассигновкамъ, изъ города, а желѣзо прямо изъ заводовъ, при горнахъ, гдѣ оно плавилось. Негодныхъ артиллерійскихъ лошадей велѣно было продать, и вырученныя деньги употребить на покупку красокъ, кожи, каната и прочаго, что весьма трудно было достать. Намъ отвели мастерскія въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ мы квартировали; послѣ этого вскорѣ у насъ стали тесать, точить, строгать, ковать, и проч.

Въ той-же деревнѣ перевели меня на другую квартиру, въ большой хорошій домъ, къ мастеру пилочной фабрики, отличному

въ своемъ ремеслѣ. На фабрикѣ у него приготовлялись маленькія пилочки разнаго рода, употребляемыя часовыми и золотыхъ дѣлъ мастерами, или ювелирами, для тонкихъ и драгоцѣнныхъ работъ. Этими издѣліями онъ производитъ значительный торгъ, и получаетъ большой барышъ. Сосѣди разсказывали, что, двѣнадцать лѣтъ назадъ, господинъ Зейфартъ не имѣлъ ничего, и поднялся на кредитъ; въ 1805 году построилъ домъ за 8,000 кронталеровъ (на наши деньги около 30,000 рублей ассигнаціями); три года назадъ женился въ другой разъ, и съ помощію женина капитала завелъ фабрику, отъ которой сталъ извѣстенъ и богатъ, ведя обширную коммерцію многими другими предметами.

Хозяинъ отвелъ мнѣ въ верхнемъ этажѣ своего дома двѣ хорошія комнаты, и я сталъ жить бариномъ; хозяйка меня изрядно кормила, и мы не имѣли причины быть другъ другомъ недовольными. Самъ фабрикантъ съ семействомъ жилъ въ нижнемъ этажѣ, гдѣ въ одной половинѣ, посредствомъ водяныхъ машинъ, обтачивались всякія лезвеи, а въ верхнемъ этажѣ, человѣкъ 40 искусныхъ работниковъ насѣкали самымъ мѣлкимъ штрихомъ пилочки.

Хозяинъ былъ очень вѣжливъ передо мной, и ввечеру перваго дня пригласилъ меня на

чашку кофе въ свое семейство, для знакомства. Я увидѣлъ довольно пожилую хозяйку, и при ней двухъ маленькихъ дѣвушекъ, изъ которыхъ старшая, Вильгельмина, дочь ея, была пухленькая и румяная Нѣмочка. Знакомство началось сухими вопросами и отвѣтами о ближайшихъ предметахъ; наконецъ я спросилъ Вильгельмину: любишъ-ли она музыку? «А вы конечно играете на чемъ нибудь?» отвѣчала мать за нее. — Люблю гитару. — «Ну, такъ мы вамъ достанемъ ее, и Вильгельмина у васъ поучится....» Я благодарилъ, и взглянулъ на дѣвушку, которой веселое личико выражало согласіе; но какъ эта красавица была довольно проста и не имѣла въ себѣ ничего привлекательнаго, то наука наша не состоялась, хотя мнѣ и принесли гитару.

Хозяинъ разсказалъ намъ занимательную повѣсть объ основаніи селенія, гдѣ онъ жилъ; о названіи умолчу. Вотъ повѣсть: Одинъ Герцогъ жилъ въ Зигенѣ тогда, какъ еще ничего здѣсь не было, кромѣ одного домика лѣсничаго. Герцогъ часто ѣздилъ въ эту сторону охотиться. Однажды, въ ненастную погоду, онъ заѣхалъ къ лѣсничему, и увидѣлъ у него прекрасную дочь, Юлію. Разцвѣтающія прелести юной дѣвушки плѣнили Герцога, который тутъ-же предложилъ старику сто талеровъ, съ тѣмъ,

чтобы онъ отпустилъ Юлію въ услуги къ Герцогинѣ. Лѣсничій былъ честный человѣкъ: онъ понялъ намѣреніе своего властителя, и отвѣчалъ почтительно, что недавно имѣлъ несчастіе лишиться жены, и что Юлія у него единственная хозяйка въ домѣ; ежели возьмутъ ее отъ него, то это будетъ второе несчастіе, котораго онъ не переживетъ. Герцогъ не могъ противорѣчить столь убѣдительнымъ доказательствамъ; но бросивъ на старика сердитый, а на красавицу пламенный взглядъ, удалился. Герцогъ не могъ спать спокойно. Уже Герцогиня вовсе его не занимала; одна Юлія представлялась ему въ самомъ восхитительномъ положеніи. Вдругъ, черезъ нѣсколько дней, нашли лѣсничаго убитымъ въ лѣсу; говорили, что медвѣдь растерзалъ его. Тѣмъ дѣло, думаете вы, и кончилось? О нѣтъ! Едва Герцогъ услышалъ о медвѣдѣ, какъ тотчасъ поѣхалъ травить его. Напрасно Герцогиня удерживала любезнаго супруга, опасаясь, чтобы и онъ не подвергнулся той-же участи. Герцогъ вырвался изъ объятій супруги, убѣждая ее, что онъ никакъ не можетъ терпѣть въ своемъ владѣніи столь опаснаго звѣря, и что если не истребить его теперь, то мохнатый врагъ когда нибудь залѣзетъ въ спальню къ Герцогинѣ. Онъ поѣхалъ. Однако Герцогъ хотѣлъ

видѣть сперва Юлію. Несчастная, въ слезахъ и отчаяніи, распростертая на полу, лежала почти безъ чувствъ. Герцогъ выслалъ всѣхъ свидѣтелей. Черезъ часъ, онъ съ веселымъ лицомъ позвалъ къ себѣ каммеръ-пажа и велѣлъ ему во весь галопъ скакать въ Зигенъ, чтобы привезти оттуда немедленно Госпожу Домоправительницу. Между тѣмъ Юлія уже сидѣла возлѣ Герцога, потупивъ глаза и тихо всхлипывала; она казалась утѣшенною. . . . Герцогъ дожидался почтенной дамы, и когда она пріѣхала, то поручилъ ей въ полный надзоръ прекрасную сиротку, оставивъ при томъ стражу, и на содержаніе кошелекъ съ золотомъ. Придворные, знавши какого званія была Г-жа Домоправительница, и замѣтивъ, что Герцогъ сталъ очень часто ѣздить, и даже цѣлыя ночи проводить въ этой хижинѣ, дали ей аналогическое названіе. Вотъ вамъ вся исторія. — Что-же Герцогиня? — спросилъ я. — «Герцогиня всегда безпокоилась, когда Герцогъ долго не возвращался съ охоты; она страшилась, чтобы не растерзалъ его медвѣдь, и всякой разъ спрашивала: Что, мой другъ! не убилъ-ли ты медвѣдя? *Нѣтъ, но видѣлъ*, всегда отвѣчалъ сухо Герцогъ.» — Чѣмъ-же это кончилось? — «*Медвѣдемъ*. У Юліи былъ женихъ, честный ремесленникъ, который по дѣламъ своего хозяина ѣздилъ

въ Гамбургъ. Узнавши поздно о смерти отца своей любезной, онъ пріѣхалъ не ранѣе какъ черезъ полгода; узнавши всю исторію о страшномъ медвѣдѣ, и о томъ, что Герцогъ повадился часто ѣздить травить его, онъ притаилъ злобу въ сердцѣ и не объявлялъ ни кому о своемъ пріѣздѣ; но, улучивъ время, когда Юлія выходила изъ хижины, увидѣлся съ нею, и, послѣ первыхъ восторговъ, условился что дѣлать. Однажды Герцогъ поѣхалъ свечера къ хижинѣ, и, какъ обыкновенно, оставался тамъ долго. Домоправительница и придворные отправились въ ближайшія хижины, которыя, съ того времени какъ началъ ѣздить Герцогъ, стали здѣсь выстраиваться, и жители, находя мѣстоположеніе пріятнымъ, по приказанію Герцога, заселялись. Это была послѣдняя ночь, въ которую и Герцогиня не напрасно тревожилась. Уже пропѣли вторые и третьи пѣтухи, и стражъ на порогѣ, внѣ хижины, выспался; уже разсвѣло, и конюхъ привелъ лошадей; уже Домоправительница и придворные явились передъ хижиной; но Герцогъ не выходилъ. Наконецъ рѣшились посмотрѣть въ заднее окно: оно было выбито; рѣшились выломить двери, и увидѣли Герцога въ крови, истерзаннаго на полу; въ рукѣ его остался кусокъ медвѣжьей шкуры,

а Юліи—какъ не бывало.«—Ужасно! сказалъ я; но эта исторія должна прославить ваше селеніе. — «Дѣйствительно, нѣкоторые поэты, въ утѣшеніе Герцогини, воспѣли его.

Черезъ нѣсколько дней воинскій начальникъ нашъ вздумалъ сдѣлать балъ, на который пригласилъ въ залу ратуши почетнѣйшихъ особъ города и дамъ. Дамы были не нарядны, но милы и любезны. Между дѣвушками явилось много хорошенькихъ. Плохая музыка состояла изъ двухъ скрыпокъ и віолончели. Нѣмцы, кромѣ тихаго вальса, ничего не танцовали; но мы пустились кружиться и прыгать до перваго обморока. Потомъ ужинали, шутили съ Нѣмочками, и разъѣхались въ пять часовъ утра слѣдующаго дня. Гости были восхищены нашею услужливостію и доброхотствомъ хозяина, который по-Русски накормилъ и упоилъ Нѣмцевъ.

22-го Ноября проѣзжалъ черезъ Зигенъ, изъ Минстера во Франкфуртъ, молодой Принцъ Оранскій. Онъ служилъ тогда Генералъ-Адъютантомъ у Короля Прусскаго, и находился при Блюхерѣ; отецъ его путешествовалъ по Англіи, а братъ служилъ при Веллингтонѣ. Радость жителей была чрезвычайна: кузнецы и кожевники везли на себѣ въ городъ карету Принца, а члены Городскаго Правленія приготовили балъ

и ужинъ, который послѣ намъ достался, потому что Принцъ, не теряя времени, поѣхалъ къ Союзнымъ Монархамъ.

По отъѣздѣ его мы стали веселиться на приготовленномъ балѣ. Покуда созвали музыкантовъ, надобно было въ залѣ собранія чѣмъ нибудь заниматься. Молодежь наша не оставалась безъ дѣла: каждый подсѣлъ къ той, которая ему больше нравилась, и разсыпался передъ нею мѣлкимъ бѣсомъ. Нѣмочки нѣжились и притворно жеманились; потомъ подняли ихъ подъ музыку кружиться вихремъ, а Нѣмцы только пили и кричали: Виватъ Александръ! Виватъ Руские! Виватъ Принцъ Оранскій! Виватъ! виватъ! повторяли мы. Пусть въ цѣлой Европѣ, во всѣхъ хижинахъ и дворцахъ, произносятъ съ восторгомъ имя нашего Императора, освободителя Германіи, и пусть знаютъ всѣ, каковы Рускіе. Нѣмцы съ радостію говорили, что уже Французы со всѣхъ сторонъ окружены въ собственныхъ предѣлахъ: Лордъ Веллингтонъ, разбивши ихъ армію при Тулузѣ, вступилъ въ Бордо, гдѣ жители взбунтовались противъ Наполеона; Голландцы всѣ вооружились и стоятъ на границѣ; Швейцарія держитъ неутралитетъ; Союзники формируютъ на Рейнѣ новыя силы; вся Германія снова вооружается, и при Божіей

помощи, если только мы тронемся съ мѣста, то Французамъ матъ.

Такимъ образомъ проводили мы въ Зигенѣ время очень весело; это было намъ нѣкоторою отрадою послѣ военныхъ трудовъ. По воскреснымъ днямъ, въ залѣ ратуши, дѣлали для насъ вечеринки. Нѣмцы собирались толковать о политикѣ, пить пиво и курить трубки, а мы волочились за ихъ дочками.

25-го Ноября Подполковникъ Бендерскій пригласилъ всѣхъ офицеровъ въ рудокопни, за 10 верстъ, въ деревню Мюсенъ. Мы поѣхали въ четырехъ колaскахъ. На мѣстѣ нарядились (по обычаю всѣхъ путешественниковъ, для сбереженія своего платья) въ рудокопничьи кафтаны, и, взявши каждый по лампадѣ, стали спускаться въ преисподнюю, по узкимъ сходамъ. Вступая во влажную атмосферу мрачнаго подземелья, мы похожи были на привидѣній Грасвилльскаго Аббатства: тусклыя лампы отражали слабый свѣтъ въ изгибистыхъ сводахъ; вдали слышны были глухіе взрывы, которыми разрывали массы гранита. Смотря на висящіе подъ сводами камни, и на глубокія пропасти, гдѣ копошились рудокопы, мы удивлялись трудамъ и дерзости человѣка; наконецъ спустились въ самый низъ, по шаткимъ, крутымъ и вет-

химъ лѣсенкамъ. Довольно надобно имѣть твердости духа, чтобы безстрашно въ первый разъ проходить черезъ такія пропасти. Мы видѣли, какъ накладывали раздробленную руду въ большіе короба, которые поднимались вверхъ на канатѣ машиною. Руда была свинцовая, содержащая въ себѣ серебро; иногда кварцъ съ серебромъ, иногда чистую, мѣдную руду. Спустившись въ глубину слишкомъ на 500 футовъ, мы поздравили рудокоповъ, выпивъ за ихъ здоровье по рюмкѣ рейнвейна. Потомъ, насмотрѣвшись на работу, полѣзли вверхъ уже другимъ путемъ, то-же по узкимъ и шаткимъ лѣсенкамъ. Мы шли около 300 саженъ отлогимъ путемъ, и вдругъ очутились внѣ ущелья, изъ пещеры, на бѣломъ свѣтѣ; мы весьма обрадовались, какъ будто вышли изъ царства мертвыхъ. Путеводители увѣряли насъ, что эти рудники первѣйшіе въ Европѣ по своей древности, ибо открыты болѣе 600 лѣтъ назадъ. Они приносятъ дохода, изъ подъ одной этой деревни Мюсенъ, на полмилліона франковъ. Мы охотно тому вѣрили, и, проголодавшись, еще охотнѣе заплатили 6 червонцевъ за обѣдъ, приготовленный для насъ смотрителемъ. Онъ поднесъ намъ, по обычаю, записную книгу, въ которую мы вписали свои имена, и раз-

ныя Русскія поговорки, для рѣдкости на будущія времена. Къ вечеру возвращаясь домой, взяли каждый по нѣскольку кусковъ руды, въ знакъ памяти.

Въ концѣ мѣсяца, по исправленіи артиллеріи, велѣно было намъ приготовиться въ походъ. Жители, признательные за мирное квартированіе наше, сдѣлали для насъ балъ, въ залѣ казино. Тутъ собрались всѣ важные Нѣмцы, которые прежде не показывались, и дамы были нарядны. Гостей явилось множество; до прихода музыки одни занимались билліардомъ, другіе толпились около буфета; но — странная вещь — никогда я не видалъ Нѣмцевъ, играющихъ въ карты, между тѣмъ какъ у насъ въ Россіи, это пагубное занятіе почитается душею веселья для невеселыхъ; не отъ того-ли, что не о чемъ говорить?.... Дамы въ особой комнатѣ играли въ лото, а мужчины въ шахматы. Но когда явилась музыка, то лото и шашки полетѣли со стола; всѣ закружились, и пыль пошла столбомъ. Танцамъ не было конца. Такъ, въ послѣдній разъ, мы понѣжились въ Зигенѣ, и разошлись по домамъ въ пріятномъ угарѣ веселья.

2-го Декабря подтвердили намъ быть въ готовности къ выступленію. Мнѣ дали подъ артиллерію 20 молодыхъ лошадей,

которыхъ надобно было выѣздить. Въ городѣ, сверхъ того, занимались рачительно формированіемъ ополченія противъ Французовъ. Мы узнали, что большая Союзная армія пошла уже въ Швейцарію, для переправы черезъ Рейнъ въ Гюнингенѣ; Силезская армія оставалась еще между Майнцемъ и Кобленцемъ.

На другой день пріѣхалъ къ намъ Начальникъ Корпусной Артиллеріи, осмотрѣлъ всѣ исправленія, и былъ доволенъ нашимъ стараніемъ; послѣ чего рѣшительно далъ намъ повелѣніе выступить завтрашній день по маршруту.

Вечеръ мы употребили для прощанія съ тѣми, которымъ посвятили нѣсколько вздоховъ вѣтреной сантиментальности. Одинъ изъ моихъ товарищей имѣлъ самое романическое прощаніе съ своею Шарлоттою. Она сидѣла у окна, подгорюнившись; луна только что взошла на небо, и свѣтъ ея мѣшался съ сумракомъ исчезающаго дня. —«Вы уходите,» сказала Шарлотта печально. — Иду, но сердце оставляю здѣсь, отвѣчалъ онъ.—«Ахъ, еслибъ это была правда!» — и вскочила со стула, потомъ принесла ему голубую ленточку съ своимъ именемъ. «Возьмите! Если она стоитъ того, то берегите ее до радостнаго свиданія; если-же будетъ давить

сердце ваше, то сожгите.» — Никогда! — вскричалъ юноша. — Она сохранитъ меня отъ смерти, и отразитъ пулю, направленную въ это сердце.—« Напишите-жь мнѣ что нибудь на вѣерѣ» сказала она весело. Товарищъ начертилъ ей каламбуръ: J'aime en six lances, и подъ шестью копьями свое имя. Она долго разсматривала; наконецъ отгадала, и тутъ щечки ея вспыхнули, глазки засверкали.... Я, опасаясь, чтобы онъ не сдѣлался вторымъ Вертеромъ, потащилъ его къ парку. Въ подобномъ угарѣ находилась почти вся молодежь наша; каждый неравнодушно простился съ очаровательницами Зигена.

4-го Декабря я, съ шестью легкими, а Поручикъ Христофовичъ, съ шестью батарейными орудіями, пошли вмѣстѣ по одной дорогѣ къ Франкфурту. Подъемъ для насъ былъ тяжелъ, какъ обыкновенно бываетъ послѣ доброй стоянки въ квартирахъ. На привалѣ привели ко мнѣ еще 20 лошадей, которыхъ не доставало. Первый переходъ сдѣлали мы до д. Билленсдорфъ.

На другой день прошли 24 версты до дер. Ренродъ. Здѣсь почувствовали зиму; снѣгу было не много, но иней все затуманилъ, и морозъ въ 9 градусовъ заставилъ вспомнить о Никольскихъ морозахъ въ Россіи. Для продовольствія артиллерійскихъ

лошадей, мы, съ Христофовичемъ, собрали здѣсь овсяную контрибуцію.

Послѣ минутной зимы вдругъ сдѣлалась оттепель. Мѣстоположеніе съ пройденныхъ нами горъ здѣсь покатое; болѣе холмовъ и возвышенныхъ равнинъ, такъ-же какъ въ Лаузицѣ. Виды прекрасны. Плодородіе земли начинается отъ м. Гадемара. Мы прошли черезъ изрядный городокъ Лимбургъ, на р. Ланѣ, Нассаускаго Герцогства; окрестности живописныя, особенно Капуцинскій монастырь, стоящій на скалѣ. Переходъ сдѣлали около 35 верстъ. Ночевали въ д. Нидеръ-Зельтерсъ, при которой, верстахъ въ двухъ, находится колодезь извѣстной Зельтерской воды, развозимой въ кувшинахъ по всей Европѣ. Я нарочно ѣздилъ къ колодезю. Пространство его не болѣе двухъ аршинъ въ квадратѣ: внутренность выложена камнемъ, который отъ воды покрывается слегка охрою. Вода прозрачна, кипитъ ключемъ, какъ въ котлѣ, пуская тонкія брызги, но холодна, вкусомъ солоновата, пріятна и рѣзка, на подобіе Русскихъ кислыхъ щей. Набираютъ ее въ кувшины, въ опредѣленное для этого время, весною; при чемъ откупщикъ съ каждаго кувшина собираетъ пошлину. Надъ колодеземъ сдѣланъ простой навѣсъ; мѣсто уединенное. По славѣ воды, завози-

мой и къ намъ въ Россію, я думалъ найдти этотъ колодезь гораздо великолѣпнѣе: видно, вездѣ славны бубны только за горами. Во сто саженяхъ отъ колодезя находится трактиръ, для пристанища пріѣзжающихъ за водою и для присмотра; другихъ жилыхъ строеній при колодезѣ нѣтъ. Содержатель позволилъ намъ налить нѣсколько кувшиновъ на дорогу — даромъ.

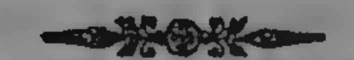
8-го Декабря, не доходя города Кенигштейна, остановились мы ночевать въ д. Гласгюлѣ; но въ пять часовъ утра выступили, по полученіи съ нарочнымъ приказанія поспѣшить. Вмѣсто зимы нашли здѣсь грязь.

Мы стали подходить къ окрестностямъ Франкфурта. Мѣстоположеніе столько же пріятное, и поля обработаны какъ около Лейпцига. Деревня, въ которой была расположена рота наша квартирами, называлась Гассенгеймъ. 9-го числа, пополудни, явился я къ командиру роты съ полуротою и отчетами; онъ, казалось, былъ доволенъ тѣмъ, что я привелъ ему все въ возможной исправности.

Шесть дней стояли мы на мѣстѣ, продолжали исправляться, учиться, и весьма скучали отъ военнаго бездѣйствія. Я жилъ въ уединенной хижинѣ, съ пріятными воспоминаніями о Зигенѣ, и въ памяти по-

вторялъ всѣ восхитительныя впечатлѣнія прошедшаго.

16-го Декабря пришло все въ движеніе. Батарейная рота Полковника Магденки, въ два часа утра до свѣта, вышла изъ деревни. Ее послали къ Корпусу Графа Сенъ-При въ Кобленцъ. Обѣщали и насъ скоро двинуть.



ГЛАВА XIII.

ФРАНКФУРТЪ.

Видъ города. — Театръ. — Примѣчательности. — Картежная. — Нѣмецкій мудрецъ. — Движеніе войскъ. — Театральныя пьесы. — Пожаръ. — Гохгеймъ. — Майнцъ. — Новая квартира. — Нѣчто о Франкфуртѣ.

18-го Декабря, съ разсвѣтомъ дня, отправился я одинъ во Франкфуртъ, для обмундировки, потому что наканунѣ получилъ 20 червонцевъ и 475 рублей ассигнаціями, жалованье за двѣ трети, и рационовъ за нѣсколько мѣсяцевъ. Не доѣзжая 4-хъ верстъ до города, отъ дер. Радельсгеймъ, начинается шоссе съ тополевою аллеею, и по сторонамъ красивые домики, въ родѣ загородныхъ мызъ; ближе къ городу сады и струящіяся рѣчки. Франкфуртъ, по обширности своей, не менѣе Дрездена. Внутри города строенія новой архитектуры; улицы широкія. Мнѣ еще не было времени осмотрѣть каѳедральную церковь, гдѣ коронуются Римскіе Императоры, и дворецъ, гдѣ они живутъ въ продолженіе коронаціи; говорятъ, онъ напол-

ненъ статуями всѣхъ Императоровъ, отъ перваго до послѣдняго. Я еще не видалъ славнаго моста черезъ рѣку Майнъ, поврежденнаго Французами взрывомъ, такъ-же какъ и Дрезденскій.

Только что показался я на площади, какъ подлетѣлъ ко мнѣ факторъ, во фракѣ и безъ пейсиковъ; но по его физіогноміи можно было угадать, къ какой принадлежалъ онъ націи. Услуги его въ незнакомомъ, обширномъ городѣ я почелъ не излишними. Когда я размѣнялъ ассигнаціи на золото, у меня явилось 58 червонцевъ; съ такою суммою я думалъ закупить половину Франкфурта, и сталъ путешествовать по лавкамъ и магазинамъ. Факторъ старался меня оттягивать къ мѣлочнымъ лавочкамъ, въ одну улицу; но я, замѣтивъ тамъ особенное неопрятство и чувствуя смрадный воздухъ, догадался, какими купцами она наполнена, хотя всѣ они были во фракахъ, безъ ермолокъ и пейсиковъ, а купчихи въ чепчикахъ. Заказавъ портному сдѣлать себѣ платье и накупивъ готоваго бѣлья, при наступленіи вечера я посѣтилъ театръ. Онъ такъже великъ какъ Дрезденскій, и такъ-же посредственно въ немъ играютъ; только здѣсь музыка была превосходнѣе. При мнѣ играли оперу: *Трехъ Близнецовъ*, или *Суматоху за суматохой*, которая не многимъ нравилась.

Потомъ играли глупую комедію: *Медвѣжью травлю*, гдѣ особенно медвѣдь неловко игралъ свою роль, хотя и казался разсудительнымъ животнымъ. Уже въ часъ ночи возвратился я изъ города въ деревню, на квартиру, обремененный покупками и съ истощеннымъ кошелькомъ, въ которомъ оставалось только 16 червонцевъ.

На другой день всѣ войски наши тронулись въ походъ къ Майнцу. Мы съ резервною артиллеріею 10-го Корпуса стали въ раззоренной деревнѣ Викеръ, передъ Гохгеймомъ.

21-го Декабря неожиданно попалъ я опять во Франкфуртъ. Правительство наше, для снабженія своей артиллеріи огнестрѣльными снарядами, заказало здѣсь на чугунномъ заводѣ вылить разной величины картечныя пули, и сдѣлать мѣдныя кружалы для жестянокъ. Велѣно было командировать одного артиллерійскаго офицера для черченія рисунковъ, подъ надзоромъ Капитана Вырубова; къ этому избрали меня и послали. Сверхъ того, Правительство наше заказало тутъ-же сдѣлать нѣсколько сотъ пудовъ пороха, по пяти червонцевъ за пудъ. Во весь день я искалъ по городу своего Капитана, таскался по многимъ улицамъ, и ничего не замѣтилъ любопытнаго, вы-

ключая высокихъ касокъ на прекрасныхъ головкахъ Франкфуртскихъ красавицъ. Городъ казался опустѣвшимъ. Изъ военныхъ наиболѣе являлись Пруссаки и Австрійцы; нашихъ солдатъ вовсе не было видно, а только показывались офицеры, которые, подъ предлогомъ пріемки жалованья, здѣсь погуливали

Жители, съ перваго числа своего новаго года, который двѣнадцатью днями начинается прежде нашего, получили новое существованіе. Союзные Монархи признали ихъ независимость и объявили городъ вольнымъ. Граждане этотъ даръ приняли съ восторгомъ, прославляя великодушіе нашего ИМПЕРАТОРА, какъ сильнѣйшаго и первѣйшаго изъ Союзниковъ, при чемъ изъявляли свою радость шумнымъ весельемъ; а черезъ это мы, освободители Германіи, не имѣли покоя во всю ночь, отъ выстрѣловъ и радостныхъ восклицаній по всѣмъ улицамъ.

Въ первый день этого новаго года, у Майнца переправился за Рейнъ Корпусъ Русской кавалеріи, подъ начальствомъ Графа Палена; Баронъ Остенъ-Сакенъ, съ своимъ Корпусомъ, пошелъ къ Мангейму, и большая Союзная армія перешла Рейнъ, около Базеля.

Обѣдалъ я въ трактирѣ Бѣлаго Лебедя, гдѣ переводчикъ приманиваетъ Рускихъ, не знающихъ Нѣмецкаго языка. Нашей братьи

толпилось здѣсь съ утра до ночи великое множество.

Зима была безснѣжная; морозъ по утрамъ усиливался до 10 градусовъ, причемъ иней густо опудривалъ кудрявыя дерева аллеи.

Ввечеру я былъ въ театрѣ. Играли драму Убальдо, въ 5 дѣйствіяхъ, сочиненіе Коцебу. Театръ привлекателенъ болѣе декораціями, костюмами и музыкою; но актеры играли слабо; большой недостатокъ у нихъ въ декламаціи. Лучше всѣхъ представлялъ великодушнаго Испанскаго Полководца въ Америкѣ, Убальдо, актеръ, котораго съ шумнымъ аплодированіемъ, по окончаніи пьесы, вызвали на сцену. Хорошій авторъ виденъ и въ дурныхъ актерахъ. У Королевы Аталивы не доставало голоса; плаксивою монотоніею она наводила уныніе, хотя впрочемъ глазки ея смѣялись. Отъ раздачи роль также зависитъ судьба пьесы на театрѣ. Актеръ долженъ быть вдохновенъ принятою ролью, какъ поэтъ воспѣваемымъ предметомъ. Зритель смотритъ въ лицо актеру, и если по немъ угадываетъ холодное притворство, то все очарованіе роли исчезаетъ, и самыя лучшія сцены автора не будутъ занимательны. Самъ Коцебу не выдержалъ-бы сухости игры Франкфуртскихъ актеровъ, и первый-бы началъ свистать. Вмѣсто возбужденія со-

страданія и слезъ въ зрителяхъ, они заставляли насъ смѣяться, или зѣвать. Публика въ театрѣ показалась мнѣ весьма не важною; въ нашемъ Ревелѣ Нѣмецкое театральное общество я видѣлъ когда-то блистательнѣе и многолюднѣе.

По выходѣ изъ театра встрѣчаютъ нашу братью мальчики, въ видѣ Амуровъ, съ лестными предложеніями проводить въ храмъ Циттеры, гдѣ новыя Аспазіи и Лаисы, расточая всю прелесть приманки для неопытныхъ юношей, готовы высосать изъ нихъ съ здоровьемъ всѣ раціоны и жалованье; но кто берегъ себя и былъ непороченъ въ сердцѣ, тотъ пренебрегалъ этими постыдными существами, унизительными для чести прекраснаго пола, который долженъ быть не отравою, а услажденіемъ нашей жизни.

На другой день, согласившись съ однимъ офицеромъ, пошли мы осматривать достопамятности города. Прежде всего обратились къ Римско-Католическому собору, и думали тамъ найдти болѣе любопытнаго, нежели сколько встрѣтили: строеніе, точно, древнее, со многими придѣлами; но въ великолѣпіи казалось немногимъ лучше Невижскаго костела Фаро. Зданіе, достойное уваженія болѣе по своей древности, стоитъ посреди овощнаго рынка и мяс-

ныхъ рядовъ, гдѣ вокругъ собора являлись передъ нами живыя картины Фламандской школы. По близости, на небольшой площади, стоитъ обсерваціонная башня; мы влѣзли на нее по узкой лѣсенкѣ, въ вышину сажень на 30, и величественная рѣка Майнъ, съ мостомъ, на подобіе Дрезденскаго, представилась намъ широкою полосою. По ту сторону рѣки, прекрасныя дачи и сады являли, даже въ это время года, пріятную перспективу. Весь городъ подъ ногами нашими представлялъ обширную громаду зданій, покрытыхъ чернымъ туманомъ; но ни одного не было отличительнаго. Во многихъ домахъ снаружи приставлены къ окнамъ верхнихъ этажей зеркала, въ которыхъ изъ комнатъ видны на улицѣ всѣ подходящіе къ дому. Мы спустились съ обсерваторіи въ кандитерскую. Здѣсь пригожія торговки безъ милосердія обираютъ нашу братью лакомокъ; онѣ требуютъ не столько за сладости сахарныя, какъ за обманчивые свои взоры и лукавыя улыбки. Кто осмѣлится отказать красавицѣ, если-бы она и лишнее требовала? Такъ, за двѣ рюмки ликеру, подъ именемъ Американскаго, въ которомъ, кромѣ сахара и спирта, ничего не было чрезвычайнаго, взяли съ насъ по два гульдена.

Наконецъ нашелъ я своего Капитана, и въ

отведенной квартирѣ принялся чертить кружала: это продолжалось до самаго вечера.

Въ театрѣ не было представленія, а вмѣсто того сдѣланъ какой-то пріятельскій балъ, на который не званыхъ, безъ билетовъ, не пускали; и такъ, для разсѣянія послѣ прилежнаго черченья, пошелъ я въ трактиръ Бѣлаго Лебедя. Тамъ толпилось много фраковъ и мундировъ около большаго стола, за которымъ важно присутствующая особа держала въ одной рукѣ талисманъ Фортуны, а другою метала дары ея, на право и на лѣво. Передъ банкёромъ лежали на столѣ кучи золота, серебра, и даже кипы нашихъ залетныхъ ассигнацій; ассистенты по обѣимъ сторонамъ банкёра, исполняли назначеніе Фортуны: отъ однихъ золото отгребали, а другимъ выдавали. Присутствующіе искатели даровъ, безъ излишнихъ порывовъ страсти, соблюдали приличную скромность и тишину, которая прерывалась только провозглашеніемъ ассистента: тузъ проигралъ! дама выиграла! двойка проиграла! валетъ выигралъ!—Вступающему въ свѣтъ надобно всего испытать по немножку, и даже немножко опалить крылышки свои, чтобы впередъ не соваться въ полымя. Я тихонько подсѣлъ къ членамъ столь важнаго и благороднаго занятія; чувствуя въ

карманѣ тяжесть отъ нѣсколькихъ червонцевъ, вздумалъ выпустить одинъ на столъ, не вытянетъ-ли онъ посредствомъ дамы себѣ товарища изъ большой кучи;—смотрю, и есть одинъ. Если одинъ могъ вытянуть, думалъ я, то двое лучше сдѣлаютъ это; смотрю, и еще есть два; но талія кончилась. Вотъ мой одинъ червонецъ пріобрѣлъ товарищей; я отправилъ его домой, а взятыми въ плѣнъ намѣренъ былъ дѣйствовать посредствомъ той-же дамы. Но какъ не благоразумно полагаться на чужихъ, и не довѣрять своимъ: это я тотчасъ испыталъ! Дама мнѣ измѣнила, и чужеземцы, одинъ за другимъ, перебѣжали въ большую кучу; тогда я вытащилъ опять своего роднаго; бѣднякъ стоялъ грудью за себя, но, видно, выбился изъ силъ и потребовалъ въ помощь товарищей. Я приставилъ къ нему одного, двухъ, трехъ.... Наконецъ, такъ и сякъ, съ перемѣннымъ счастіемъ, по окончаніи боя, сдѣлавши перекличку остальнымъ, не досчитался четырехъ. Вотъ тебѣ впередъ наука, думалъ я, и печально поплелся домой. Дорогою разсуждалъ я самъ съ собою: всѣ говорятъ, что карточная игра есть пагубное занятіе; однако всѣ играютъ, твердя себѣ за правило: имѣть совершенное понятіе о томъ, къ чему приступаешь;

смотрѣть на людей, съ которыми начинаешь играть; угадывать ихъ намѣреніе, замѣчать движеніе пальцевъ ихъ, и, болѣе всего, совѣтоваться съ кошелькомъ, сколько можетъ выставить на жертву; безъ ощутительнаго урона; не горячиться въ дѣйствіи, такъ-же какъ во время сраженія; сохранять въ удачѣ равнодушіе, въ неудачѣ не унывать, словомъ, умѣть владѣть собою. Но злой духъ корысти обѣщаетъ много — и отнимаетъ много! Какъ-бы счастливы были люди, если-бы всегда поступали по правиламъ холоднаго разсудка!

Мой хозяинъ купецъ, и, какъ видно, лишней копѣйки не зашибаетъ; домъ у него огромный, семейство большое, а на столѣ всегда только два блюда. Я всегда напередъ завтракаю хорошенько, въ трактирѣ Бѣлаго Лебедя. Хозяинъ выдаетъ себя, какъ обыкновенно дѣлаютъ пожилые Нѣмцы, за политика и проницательнаго мудреца. Онъ сказалъ мнѣ пророчески, что три Союзныя Державы отнынѣ должны быть въ вѣчномъ союзѣ, потому что отъ этого зависитъ цѣлость Германіи и безопасность Европы; что рано начали во Франкфуртѣ преобразованіе по старой формѣ, а что онъ всегда держится своего термометра, и ожидаетъ погоды; что, кромѣ себя и своей совѣсти, онъ никого не

знаетъ. Первое правило его: не дѣлать того другимъ, чего себѣ не желаешь; второе: любить ближнихъ, если самъ хочешь быть ими любимъ. Хорошо-бъ было, сказалъ я, если-бы люди держались хотя одного втораго правила; но большая часть ихъ твердятъ о правилахъ, а живутъ машинально, или обожаютъ въ себѣ собственнаго идола. Мой мудрецъ, кажется, не доволенъ былъ успѣхами Рускихъ, и сказалъ мнѣ: никакая нація такъ далеко не ходила, какъ ваша, но я желаю, чтобъ вы еще дальше прошли . . . послѣ чего хмыкнулъ и замолчалъ. Сколько я могъ замѣтить, то старые Нѣмцы здѣсь вообще не красивы: много является живыхъ каррикатуръ, въ рыжихъ парикахъ, съ красными носами и съ трубками, за виномъ и пивомъ. Всѣ тракширы съ утра до вечера ими наполнены.

Я читалъ печатное объявленіе одной дѣвушки, Екатерины Лауръ, которая призываетъ всѣхъ патріотокъ своего пола участвовать въ вышиваніи знамени для вольноопредѣляющихся въ службу Герцога Нассау: рвеніе самое похвальное, и знамя, судя по пожертвованіямъ, должно быть весьма драгоцѣнно.

Большая Союзная армія уже переправилась черезъ Рейнъ. Генералъ Іоркъ съ Кор-

пусомъ Пруссаковъ занялъ Кобленцъ, а Баронъ Остенъ-Сакенъ Мангеймъ; Корпусу Графа Ланжерона поручена блокада крѣпости Майнца. Блюхеръ, перешедши за Рейнъ, издалъ прокламацію къ Французамъ: что упорство Наполеона заставило Союзниковъ продолжать войну; но что, если Французы захотятъ отложиться отъ его видовъ, противныхъ правосудной волѣ Провидѣнія, то онъ, Блюхеръ, предлагаетъ имъ миръ и покровительство.... Наполеоновы войски отступали отъ Рейна.

Въ театрѣ представляли комическую пьесу, или, лучше, сатиру на образъ жизни людей трехъ вѣковъ, древняго, средняго, и настоящаго, сочиненія Макса Гейкса, который, судя по комедіи, долженъ быть сердитъ на людей всѣхъ вѣковъ и всякаго званія. Первое дѣйствіе представило рыцарскія времена, когда занимались странствіями изъ зáмка въ зáмокъ, отличались пирами, турнирами, пьянствомъ, набожностію, и похищеніемъ монашенокъ; во второмъ дѣйствіи, спустя сто лѣтъ, дамы явились въ фижмахъ и на высокихъ каблукахъ, а мужчины отличались безнравственною философіею. Третье дѣйствіе, или настоящее время представлено правдоподобнѣе: дѣвушки занимаются романами и картами; между ними является модный кавалеръ,

всѣхъ осмѣивающій, не щадя почтеннаго дядюшки, котораго вывалилъ изъ коляски. Дядюшка, въ рыжемъ парикѣ, до тѣхъ поръ оставался въ неуваженіи вмѣстѣ съ простенькою дочкою, покуда не объявилъ, что даетъ за нею приданаго полмилліона гульденовъ. Такая важная сумма обратила вниманіе всѣхъ молодцовъ на глупенькую невѣсту; за нее стали свататься вдругъ три жениха, которые до того не хотѣли и смотрѣть на нее. Но дядюшка не могъ рѣшиться, за кого изъ трехъ отдать полмилліона гульденовъ съ дочерью: одинъ вертопрахъ, другой не важенъ, третій старъ. Наконецъ является драгунъ, который, силою голоса и стукомъ палаша, выигралъ у всѣхъ невѣсту съ полмилліономъ. Франкфуртскіе актеры въ комическихъ пьесахъ играютъ лучше. Мадамъ Бушъ отличалась отъ прочихъ актрисъ пріятностію лица, ловкостію въ игрѣ, и милымъ кокетствомъ, такъ что дѣлалась для всѣхъ привлекательною; особенно ея плутовскіе глазки, возведенные къ небу, и вздохи, были обворожительны.

24-го Декабря, во весь день, я оканчивалъ свое черченіе, и ввечеру зашелъ въ театръ. Представляли героическую оперу *Весталку*, музыка славнаго Спонтини. Эта пьеса доставила мнѣ совершенное удовольствіе. Я

удивлялся музыкальному генію Спонтини, который умѣлъ дать каждому слову, въ продолженіе всей оперы, приличную мелодію, сопровождаемую полною гармоніею; разнообразные аккорды въ речитативахъ, и акомпаниментъ въ аріяхъ меня восхищали. Кажется, сочиненіе хорошей оперы артисту музыки стоитъ столько-же трудовъ и вдохновенія, столько-же искуства и дарованія, сколько поэту необходимо этого для сочиненія хорошей эпической поэмы. Богатые костюмы и великолѣпныя декораціи въ полной мѣрѣ соотвѣтствовали предмету представленія. Актеръ Илленбергъ, въ роли Лицинія, хорошо выдерживалъ игру свою. Весталку играла какая-то мадамъ Г***, но такъ дурно, что драма отъ нея одной походила на комедію. Посредственное лицо этой актрисы и пожилыя лѣта ни мало не соотвѣтствовали принятой ею роли; сверхъ того, ея неловкость и худая память много обезображивали характеръ лица; она могла щеголять только пронзительностію своего голоса и руладами; трели ея были даже удивительны. Послѣ этой оперы явился балетъ, или пляска двухъ малютокъ, учениковъ танцмейстера Лепитре. Въ образѣ невинности они летали и прыгали, какъ голубки. Красота ихъ и младенче-

ство были такъ хорошо соглашены съ искуствомъ для обвороженія зрителей, что можно было почесть этихъ малютокъ за настоящихъ Амуровъ.

Въ день Рождества Христова нашъ Подполковникъ, оставаясь все въ дер. Викеръ, получилъ предписаніе командировать 6 орудій къ Майнцу для блокады; а какъ почти всѣ офицеры, съ его позволенія, находились во Франкфуртѣ, то онъ и прислалъ за ними. Я, кончивъ черченіе кружалъ, хотѣлъ было отправиться къ ротѣ, но Капитанъ Вырубовъ меня не пустилъ, въ ожиданіи разрѣшенія отъ Начальства; а мнѣ было и на руку погулять еще въ хорошемъ городѣ.

Въ театрѣ играли комедію: *Ненависть къ женщинамъ.* Тутъ мадамъ Бушъ снова отличилась, употребляя всю тонкость дамскихъ уловокъ: притворную невинность, ложныя слезы, томные взоры, лукавую улыбку, чтобы только плѣнить своего мужа, который уже нѣсколько лѣтъ какъ оставилъ ее, заставши однажды наединѣ съ Баварскимъ офицеромъ. Кто можетъ не любить прекрасныхъ! Пусть онѣ вѣтрены, непостоянны, лукавы; но кто можетъ ихъ ненавидѣть?

Слѣдовавшая за тѣмъ комическая опера развеселила зрителей какъ не льзя больше. Го-

сподинъ Шалмей (акшеръ Лейсрингъ) съ своимъ забавнымъ лакеемъ (игралъ Луксъ) пушешесшвуешъ по Европѣ, и осшанавливаешся въ одномъ городкѣ у Герцога Виллара. Принявши домъ Герцога, Hôtel de Villars, за шракширъ, онъ расположился въ немъ, какъ слѣдуешъ. Тогда было время карнавала; къ Герцогу съѣхались госши, кошорыхъ желая позабавишь, онъ вздумалъ подшушишь надъ педаншомъ-пушешесшвенникомъ, и для эшого выдалъ себя за насшоящаго шракширщика, а Графиню за служанку (играла дѣвица Амбергъ); прочихъ госшей объявилъ проѣзжающими. Предсшавленіе было шакъ забавно, чшо зришели безпресшанно смѣялись. Для Франкфуршскихъ акшеровъ комическія пьесы болѣе прилично шсшвовали; они ихъ разыгрывали безъ принужденія, и весьма есшесшвенно.

Въ прошедшую ночь, Французы изъ Майнца сдѣлали вылазку до Гохгейма, шпревожили нашихъ, да и во Франкфуршѣ побезпокоили.

26-го Декабря, въ 4 часа пополуночи, разбудили меня шумъ и шревога по улицамъ. Я думалъ, не Французы-ли ворвались, и сшалъ скорѣе одѣвашься; но бросившись къ окну, увидѣлъ зарево пожара въ городѣ. Люди бѣжали къ мосшу, и я за ними. Тушъ предсшавилось великолѣпное зрѣлище: по шу

сторону рѣки Майна горѣло нѣсколько домовъ; распространяющійся пламень освѣщалъ строенія и по сю сторону; горящія головни съ густымъ дымомъ переносились даже за мостъ. Мракъ ночи придавалъ много величія и ужаса этой картинѣ. Народъ былъ въ волненіи. Скоро явились заливныя трубы, и пожарные общими силами потушили пламень, предавши ему на жертву три дома. Возвратившись на квартиру, я доспалъ еще два часа, потомъ пошелъ къ Вырубову, и снова сталъ перечерчивать кружалы и формы жестянокъ.

Газеты объявили, что силы Союзниковъ простираются до 850,000, а именно: въ Главной арміи, у Князя Шварценберга, 250,000; въ Силезской арміи, у Князя Блюхера, 115,000; у Кронпринца Шведскаго 130,000; въ Италіи Корпусъ Австрійцевъ 70,000; у Веллингтона 150,000; для осады крѣпостей въ Германіи оставлено 180,000; Никогда не бывало въ Европѣ столь огромнаго ополченія. Одиннадцатое извѣстіе Блюхера объявило объ удачномъ переходѣ его за Рейнъ, при чемъ Французы въ три дни потеряли 13 пушекъ и 1500 плѣнныхъ.

Наконецъ наступило время и мнѣ изъ городской разсѣянности переселиться на дымные биваки; изъ изобилія перейти въ скудость; послѣ удовольствій извѣдать огор-

ченія—предаться непостоянной судьбѣ солдата. Жизнь наша подобна легкому перу, носимому вѣтромъ обстоятельствъ надъ долинами радостей и надъ пропастями бѣдствій. Кончивъ черченіе кружалъ, явился я въ роту.

Переселясь мгновенно изъ Франкфурта въ Гохгеймъ, я думалъ быть въ Сибири: квартира у меня пустая хата—волковъ морозить, а пища Спартанская кашица. Послѣ всѣхъ издержекъ и проигрышей оставался при мнѣ только одинъ червонецъ, и тотъ теперь пошелъ ребромъ. Люди и лошади были то-же почти безъ продовольствія.

Около Гохгейма такъ много торчало виноградныхъ поломанныхъ лозъ, какъ у насъ, около деревень, въ огородахъ, капустныхъ кочарыгъ. Лучшее вино въ Германіи, по сю сторону Рейна, почитается Гохгеймское; но Французы истребили много вина, разбивши всѣ бочки, и напоивши этою драгоцѣнностію землю.

Еще 28-го Октября, Князь Шварценбергъ командировалъ сюда Генер. Гіулая, выгнать 6,000 Французовъ, бывшихъ подъ начальствомъ Генер. Гильемино, подкрѣпляемаго изъ Майнца дивизіею Морана. Въ 2 часа пополудни приблизились Австрійцы двумя колоннами; первая пошла по большой дорогѣ отъ Гёхста, а другая справа

отъ Массенгейма, черезъ Балку, въ тылъ Французамъ, засѣвшимъ въ мѣстечкѣ; Генералъ Бубна съ авангардомъ находился между обѣими колоннами. Французы въ Гохгеймѣ укрѣпились пятью редутами; въ стѣнахъ домовъ и въ воротахъ подѣланы были бойницы. Но сколько осажденные ни упорствовали, они не могли устоять противъ превосходныхъ силъ Австрійцевъ, будучи почти окружены ими; они успѣли однако пробиться къ Майнцу; а могли-бы всѣ пропасть, если-бы главныя силы Австрійцевъ пошли въ обходъ, и отрѣзали ихъ сообщеніе съ Майнцемъ. Они потеряли только 2 пушки и 300 плѣнныхъ. Это сраженіе было послѣднее, которымъ кончилась достославная для Союзниковъ кампанія въ Германіи, 1813 года.

Майнцъ со всѣхъ сторонъ обложенъ войсками Корпуса Графа Ланжерона, въ которомъ считалось тогда 30,000 подъ ружьемъ. По сю сторону расположенъ 10-й Корпусъ Генер. Рудзевича; часть этого Корпуса содержала передовые посты отъ м. Гохгейма на 10 верстъ впередъ, примыкая лѣвымъ флангомъ къ р. Майну, противъ дер. Костгеймъ, занимаемой Французами. Изъ предосторожности, за часъ до свѣта, всѣ мы выходили на свои мѣста въ шанцы, передъ мѣстечкомъ, гдѣ стояли наши пушки, для того

чтобы Французы не могли покуситься сдѣлать врасплохъ вылазку. Кажется, мы не имѣли рѣшительнаго намѣренія брать Майнцъ. Союзники обѣщали жителямъ спасти городъ отъ раззоренія, а потому многія семейства, выѣхавшія по боязни, стали опять собираться въ Майнцъ, и черезъ то казались намъ преданными. Французовъ, защищающихъ эту крѣпость, по обѣимъ сторонамъ Рейна, было не болѣе 14,000. Всякихъ запасовъ у нихъ собрано на полгода; но злокачественныя болѣзни губятъ много жителей и войско. На форпостахъ, наши часовые, будучи весьма близки съ непріятельскими, иногда сходились, и разговаривали какъ умѣли; нѣкоторые перебѣгали къ намъ, потому что въ гарнизонѣ большею частію были Нѣмцы и Голландцы.

Майнцъ стоитъ при самомъ устьѣ р. Майна, впадающей въ Рейнъ. Видъ окрестностей прекрасенъ; вокругъ города, по ту сторону, такое-же открытое возвышеніе, какъ и около Дрездена. Тамъ видны, по вечерамъ, бивачные огни блокадныхъ войскъ нашего Корпуса. Красный соборъ значительно возвышается надъ всѣми зданіями. О мануфактурахъ въ городѣ не слышно; но онъ славится своими окороками. Жителей въ немъ до 60,000. По

сю сторону Рейна находится предмѣстіе города, называемое Кассель, огражденное большимъ ретраншаментомъ; было-бы много труда взять его.

31-го Декабря я смѣнился вмѣстѣ съ полуротою; Капитанъ Жемчужниковъ пришелъ на мое мѣсто съ другою полуротою, и черезъ два часа я опять перелетѣлъ во Франкфуртъ, гдѣ принялся за старую работу, чертить кружалы и жестянки.

Мнѣ отвели квартиру у купца Пильграма, богатаго, но скупаго старика, котораго засталъ я въ очкахъ надъ Библіею, а супругу его за самопрялкою. Они показали мнѣ, подъ чердакомъ, весьма холодную комнатку; но привыкши къ холоду, особенно послѣ Гохгеймской квартировки, я былъ доволенъ и тѣмъ. Мало по малу мы познакомились. Хозяинъ мой былъ 70-ти лѣтній старикъ, а хозяйка моложе его двумя десятками лѣтъ. Бесѣда наша была занимательна, и время показалось мнѣ не скучнымъ. Вторая дочь хозяина, съ черными, смѣлыми глазками, и съ важнымъ, но веселымъ лицомъ, занимала меня своею любезностію. Она была очень похожа на отца своего, а потому, сравнивая морщиноватое лицо старика съ нѣжными чертами и свѣжестію лица дѣвушки, сѣдины его съ каштановымъ цвѣтомъ ея кудрей, я уди-

влялся разрушительному дѣйствію времени, и сожалѣлъ о такомъ плачевномъ переходѣ человѣка изъ юности въ дряхлость, о чемъ конечно не думала тогда моя красавица. Она имѣла гибкій и пріятный голосъ, и была любительница музыки; безпрестанно просила меня, чтобы я пѣлъ съ гитарою Русскія пѣсни.

Франкфуртъ вольный, купеческій, весьма древній городъ, бывшій нѣкогда столицею Франковъ; нынѣ въ немъ не болѣе 45,000 жителей, большею частію Лютеранскаго исповѣданія. Магистратъ состоитъ изъ одного Мера, или Градоначальника, двухъ Бургомистровъ, и Сената, въ трехъ Палатахъ. Городъ славится своею коммерціею и ярмаркою, бывающею два раза въ годъ, которая, послѣ Лейпцигской, почитается значительнѣйшею въ Германіи. При городѣ есть хорошія мануфактуры, гдѣ выдѣлываются шелковыя, бумажныя ткани и бархатъ. Здѣсь, до Наполеона, собирались Германскіе Князья на сеймъ, и короновались Римскіе Императоры.

Конецъ второй части.

ОГЛАВЛЕНІЕ

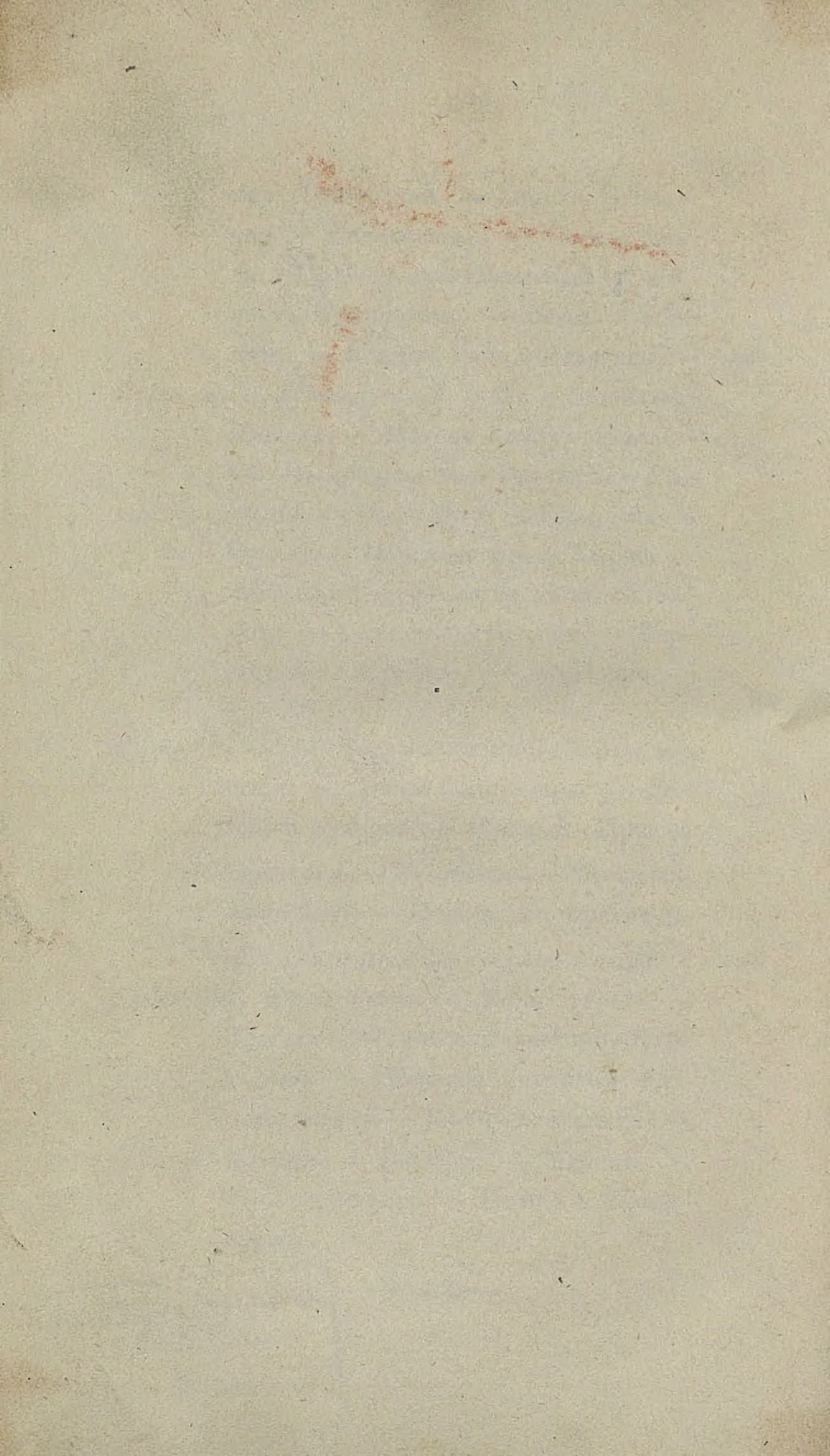
ВТОРОЙ ЧАСТИ.

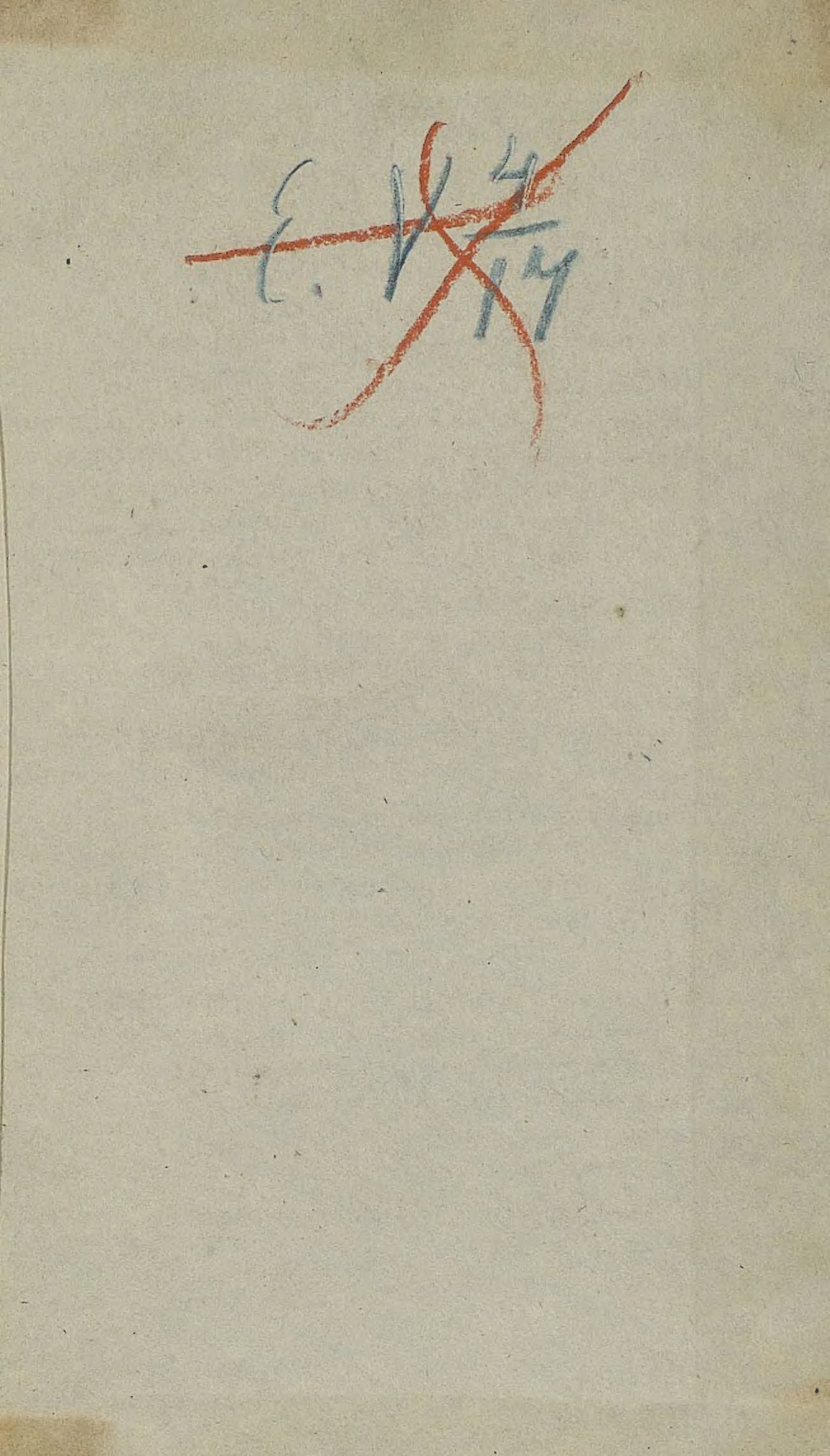
Стран.

Стран.

Стран.

Стран.




E. V 4/14